Российская академия наук

Федеральное агентство научных организаций России
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

Роднов М.И.

Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север

Уфа – 2017

УДК 94 (470.57) «18»
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)
Р15

Рецензент:
кандидат исторических наук Миронова Елена Валерьевна,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

Р15 Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. – Уфа, 2017. – 204 с.

ISBN 978-5-906165-79-4

В монографии показана история дворянских усадеб Уфимского уезда Уфимской губернии к востоку и северу от Уфы, включая земли, вошедшие в состав города. Исследована судьба многочисленного уфимского дворянства в пореформенный период, когда происходил сложный процесс ликвидации крепостнических отношений, приспособления к новым условиям рыночного общества. Автор поставил задачу показать историю практически всех усадебных комплексов Уфимского уезда вплоть до мелкого дворянства.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы и её окрестностей.

УДК : 94 (470.57) «18»
ББК : 63.3 (2 Рос. Баш)

ISBN 978-5-906165-79-4
© Роднов М. И., 2017

Содержание

Предисловие.....4

Интерлюдия. Неэффективные собственники.....11

Глава I. Восток, за рекой Уфимкой.....41

Глава II. Север, междуречье рек Белой и Уфы.....127

Заключение.....187

Приложения

1. Крупнейшие поместья Уфимского уезда в 1860 г......190

2. Опись построек Благовещенского завода. 1906 г......196

Предисловие

Был продан дом и срублен сад,
Пустое место ветер студит…
Невозвратимое назад
Я вызываю, и закат
Всё гаснет на фруктовом блюде…
(*Наталья Тимофеева.* Стихи. ру)

Для исторических, гуманитарных наук России начала XXI в. одной из важнейших проблем, требующих пристального внимания, является изучение судеб политических «элит», правящих слоёв / сословий. В государствах переходного, догоняющего развития, где ещё не сложились устойчивые демократические институты, но уже не работают авторитарные структуры, власть фактически находится в руках коллективных «элит», группирующихся вокруг лидера.

Вся дальнейшая судьба страны зависит от уровня развития «элит», их образования, культурных ориентиров, заложенных историей традиций «нахождения во власти», организационных форм управления, способности к восприятию новаций и модернизации общества, готовности «делиться» своими властными полномочиями, а также в громадной степени от личных качеств вознесённого «волной истории» на верхушку государственной пирамиды лидера.

Сможет ли страна «второго или третьего эшелона» догнать или хотя бы не отстать от хода цивилизации, или она обречена на стагнацию в роли сырьевого придатка, типа республик Латинской Америки XIX–XX вв., «забытого» континента Африки на рубеже XX–XXI вв., во многом, если не в решающей степени, зависело и зависит от позиции правящих «элит».

Воспитанные в жёстких националистических традициях китайского культурного кода элиты стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока «замкнуты» на своих социумах, развитие которых обеспечивает их благосостояние, что стимулирует стремление к модернизации экономики, с неизбежной затем реформой общественных институтов. Эти общества сумели избежать политики «железного занавеса», другого варианта сохранения национальной идентичности, замыкания в собственной архаике, что произошло с арабо-мусульманским Востоком.

Для европоцентристских элит России и стран Восточной Европы, Латинской Америки и новейшей Африки «отечеством» являлись европейские ценности, собственные страны служили лишь источником ресурсов, культурный код Парижа, Лондона, Нью-Йорка обуславливал неизбежность и «естественность» вто-

росортности их стран и народов в глазах значительной части правящего «класса». Создание по западному образцу псевдодемократических структур управления при жёсткой элитарности правящего слоя, его оторванности от основных масс населения привело к гибели дворянской «республики» Речи Посполитой, двухвековой стагнации латиноамериканских обществ, краху континентальных империй Евразии (Российской, Османской, Австро-Венгерской).

В этом отношении крайне поучительна история российского дворянства в пореформенный период – правящей элиты Империи. Массовое разорение в первую очередь мелкопоместного дворянства, утрата сословных привилегий привели к кризису дворянской идентичности (от обуржуазивания до перехода в ряды революционного подполья), стремительно исчезал мир воспетой дворянской усадьбы, государство теряло опору в лице «державного» сословия.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи шёл трудный процесс смены элит. Имперская власть не хотела отказываться от самодержавных привилегий, хотя уже была не способна эффективно управлять страной, но и общество оставалось всё ещё в основе своей традиционным, патриархально-коллективистские устои цепко сохранялись как в крестьянской общине, так и в революционном движении.

Средний класс являлся слабым, предпринимательские слои далеки были от готовности взять на себя ответственность за судьбы страны. По-сути единственной опорой имперского режима оставался чиновничье-бюрократический аппарат, внутри которого важнейшее сословно-монархическое дворянское ядро стремительно размывалось. Попытки реформ П.А. Столыпина – последнего дворянского реформатора – показали как слабость опоры только на аппарат, так и полную неспособность дворянства сплотиться и возглавить модернизацию страны[1].

С уходом с исторической сцены российского дворянства связан целый ряд глубинных процессов. Гибель «европейской» дворянской культуры, душой и сердцем которой была помещичье-усадебная среда, сказалась резкой деградацией социокультурного развития СССР. Хотя великое наследие дворянской усадьбы в варварском виде сталинского архитектурного классицизма заполонило города и веси страны советской.

Дворянское поместное хозяйство, выдавшее плеяду ярких исследователей и практиков аграрной экономики, с другой сто-

---

[1] См., напр.: *Могилевский К.И.* Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.

роны, стало полем дискуссий о путях и формах будущего земледелия. На фоне пропаганды американского фермерского варианта развития, ядром которого служило сравнительно мелкое хозяйство, многие крупные дворянские (и купеческие) поместья демонстрировали преимущества крупного агробизнеса.

Также в изуродованном виде это будет воспринято советским колхозным строем, но и в современной экономике крупный, часто транснациональный, агробизнес является основным игроком на рынке продовольствия. Мечтания «передовых» помещиков о изобилии машин и вытеснении крестьянского ручного труда полностью реализовались.

Не случайно поэтому, что после краха коммунистического эксперимента в новой России изучение судеб дворянства стало одним из самых востребованных направлений современной отечественной науки. Первые историографические итоги уже подводятся[1], но интерес к истории дворянства не ослабевает. Сложились внушительные школы по истории «своего» дворянства во многих регионах, например, на Смоленщине[2] или в Крыму[3].

В историографической работе, недавно опубликованной в Самаре, подробно проанализирована региональная литература по истории дворянства и помещичье-усадебного мира[4]. Иссле-

---

[1] *Баринова Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008; *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013; др.

[2] *Королёва И.А.* Смоленское дворянство в фамилиях и родословных: (историко-культурологическое и лингвистическое описание). Смоленск, 2007; Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 2. М., 2009; Вып. 3. М., 2014; *Чижков А.Б., Гурская Н.Г.* Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. Смоленск, 2009; *Верховская Л.А.* Родословная дворян Верховских Смоленской губернии. М., 2010; *Шпиленко Д.П., Верховская Л.А., Деверилина Н.В.* Четыре века смоленских усадеб. Смоленск, 2011; Знаменитые усадьбы Смоленщины. Смоленск, 2011; *Деверилина Н.В.* Смоленских Глинок древний род. Смоленск, 2013; *Покровский А.А.* Ладынины: поколенная роспись смоленских дворян и однодворцев. СПб., 2014; Дворяне Краевские Смоленской губернии: Родословные и мемуары / Сост. Л.А. Верховская. М., 2014; др.

[3] *Сухоруков В.* Биографический словарь Крыма. Симферополь, 2011; *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2013; *Кашук Л.А.* Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и Крым. Симферополь, 2014; *Захарова О.Ю.* Михаил Семёнович Воронцов. Страницы биографии. Симферополь, 2014; *Коляда Е.М.* Дворцы и парки Крыма: сквозь войны и революции // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. СПб., 2015; др.

[4] Аграрная история XX века: историография и источники / Под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014. Раздел 3. § 1. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография (автор Е.П. Баринова), § 3. Проблемы изучения и воссозда-

дования проводятся по самым различным направлениям. Изучаются персоналии, востребованные большим спросом на генеалогический материал[1], истории отдельных усадеб[2], в том числе их судьба в годы Первой мировой войны[3], экономическая модернизация дворянских хозяйств в условиях рыночной экономики[4], различные социокультурные аспекты дворянско-помещичьего мира[5], исследования охватывают самые разные

ния дворянских усадеб (авторы Е.П. Баринова, П.С. Кабытов).

[1] *Алексушина Т.Ф.* Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013; продолжение: *Она же.* Полный биографический словарь дворян Самарской губернии. Самара, 2015; Предводители дворянства Ярославской губернии: от Екатерины II до 1917 года / Авт.-сост. В.В. Прибыловская, Л.И. Клепикова. Ярославль, 2015; др.

[2] *Полякова М.А.* Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М., 2013; XIX Царскосельская конференция. СПб., 2013; *Чижков А.Б., Графова Е.А.* Рязанские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2013; Усадьба Полотняный Завод в XVIII–XIX вв. / Сост. В.В. Трефилов. Калуга, 2014; Из истории малоярославецких усадеб. Малоярославец, 2014; др.

[3] *Бибин М.А.* Дворянское хозяйство: особенности аграрной эволюции // Великая война и российская провинция, 1914–1918 гг. Саранск, 2013; *Осипов Д.В.* Дворцово-парковый ансамбль "Сергиевка" – через военные годы // Дворцы и война; *Смолик А.И.* Дворцово-парковый ансамбль "Щорсы" – жертва войны // Там же; *Перова О.В.* Богородицкая усадьба Бобринских: война и мир // Там же.

[4] *Федосеев Р.В.* От поместья к экономии. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Саранск, 2013; *Козлов С.А.* Московское общество сельского хозяйства и аграрная рационализация в дореформенной России // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 20. Калининград, 2013; *Миронова Е.В.* Факторы развития дворянских экономий в Спасском уезде во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4 (42), ч. 2; др.

[5] *Радугина О.А.* Дворянство как субъект секуляризации российского общества. Воронеж, 2014; *Мицюк Н.А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе = Woman in Russion society. Иваново, 2014. № 2 (71); *Курков К.Н.* Российские дворяне – коллекционеры, меценаты и предприниматели в эпоху модернизации начала XX в.: князья Барятинские // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Серия: История и политология. М., 2014. № 1; *Шеенко И.А.* Эволюция крестьянских представлений о помещичьих добродетелях в 50–90-е гг. XIX в. (социопсихологический аспект). Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Белгород, 2015; *Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л.* Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5; *Веременко В.А.* «Пост, матушка…»: дворянские семьи и религиозные ограничения в еде (вторая половина XIX – начало XX в.) // Клио (СПб.). 2015. № 4 (100); *Малинова О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013; др.

регионы[1], востребованной остаётся популяризация истории дворянства[2], продолжает работу Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ)[3], а в Уфе дворянская тематика остаётся главной в плодотворной деятельности музея С.Т. Аксакова[4].

В эпицентре внимания историков находится судьба дворянской усадьбы. Это был микрокосм элиты той эпохи, состояние помещичьих усадебных комплексов является ярчайшим показателем положения правящего слоя, его экономического и социокультурного развития (или регресса).

Судьбы уфимского дворянства в пореформенный период лишь эпизодически привлекали внимание историков. В общероссийских трудах по реформе 1861 г. изредка встречаются данные по Уфимской губернии. Так, П.А. Зайончковский в приложении приводит сведения о количестве пореформенных помещичьих владений в Уфимском уезде – 280 (788 146 дес.)[5].

В местной историографии изучение реформы 1861 г. начал И.П. Кречетович[6], в советское время выходят труды Б.С. Давлетбаева[7], но лишь в последнее десятилетие развернулись исследования помещичьего хозяйства и дворянской усадьбы Уфимской (Оренбургской) губерний.

Данная работа основана на двух основных источниках: уставных грамотах (и выкупных сделках), которые находятся в архивах Уфы и Санкт-Петербурга, а также периодической печати. Проведено сплошное обследование всех уставных грамот (меньше выкупных сделок) по Уфимскому уезду, что первым выполнил Б.С. Давлетбаев. Но, в отличие от нашего выдающегося предшественника, в уставных грамотах выбиралась информация не о крестьянах, а о дворянских семьях и усадьбах. Впер-

---

[1] *Ларионова М.Б.* Дворяне Пермской губернии в XVIII – начале XX века: численность, состав, земельная собственность // Вестник Пермского университета. Серия: История. Пермь, 2013. Вып. 2 (22); *Шаповалов В.А.* Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-чернозёмных губерний). Белгород, 2014; др.

[2] См., напр.: *Шокарев С.Ю.* Российское дворянство: Подвиги, тайны, трагедии. М., 2014.

[3] Русская усадьба в художественной литературе, дневниках и воспоминаниях. Программа конференции, 18–20 ноября 2015 г. М., 2015.

[4] Аксаковский сборник. Вып. VII / Отв. ред. Г.О. Иванова. Уфа, 2015; др.

[5] *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 443.

[6] *Кречетович И.П.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). М., 1911.

[7] *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983; *Он же.* Введение уставных грамот в помещичьей деревне Башкирии // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

вые привлечены публикации местной прессы[1], где печатались официальные извещения об уставных грамотах и выкупных сделках, использован ряд других периодических изданий.

Возникший по каждому имению достаточно большой комплекс документации, связанный с ликвидацией крепостных отношений, содержит много сведений о предшествующей эпохе, а также о дальнейшей судьбе дворянского поместья. В уставных грамотах и выкупных сделках встречаются сведения о границах барской усадьбы, наличии различных строений, редко садово-парковых ансамблей, переносе построек, географии поместья. Эти материалы дополняют официальные публикации в печати, где приводится точная информация о владельцах имения, сумме выкупа и иных условиях.

Важное значение имеют материалы организованных накануне Великой реформы статистических исследований в Оренбургской губернии: полной переписи всех поместий, опубликованной в местных «ведомостях», а также выборочного обследования крупнейших имений (приложение 1 данной книги). Это создало статистическую «основу» проекта, позволило получить практически полный перечень всех дворянских усадеб.

Критерием наличия барского усадебного комплекса взято число дворовой прислуги, которая во время реформы 1861 г. отделялась от обычных крестьян[2]. Этот приём имеет особое значение, так как быстрое разорение уфимского дворянства уже в первые пореформенные десятилетия и, соответственно, исчезновение барских усадеб, не оставило почти никаких следов в иных исторических источниках. В уставных грамотах судьба дворовой прислуги всегда оговаривалась отдельно.

С другой стороны, с 1870-х гг. стремительно складывалась уфимская земская статистика (сначала в виде межевого отдела), чьи публикации по земельным собственникам позволили проследить судьбу практически всех дворянских усадеб вплоть до начала 1900-х гг.

Активно использовалась разнообразная краеведческая литература, благодаря помощи П.В. Егорова привлечены редкие и неопубликованные материалы частных коллекций и библиотек, особое значение имели полевые изыскания П.В. Егорова, который, в результате многолетних обследований на местах, собрал сведения о ситуации в бывших помещичьих селениях, записал

---

[1] В связи с разделением Оренбургской губернии, по № 28 за 10 июля 1865 г. «Оренбургские губернские ведомости», а с № 29 за 17 июля 1865 г. «Уфимские губернские ведомости».

[2] См.: Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К.А. Софроненко. М., 1954. С. 81–89.

воспоминания старожилов, воссоздал по ряду поместий расположение исчезнувших усадебных комплексов.

Важное значение имеет генеалогический материал, одно из самых быстро развивающихся направлений в современных историко-краеведческих исследованиях[1]. Лишь ограничения в объёме книги ставили преграды в изучении судеб дворянских семей в до и пореформенный период. Тем не менее, собранные сведения представили уфимское дворянство, как неотъемлемую составную часть правящей социокультурной российской элиты.

Объектом исследования выбран один Уфимский уезд Уфимской (ранее Оренбургской) губернии. Именно вокруг городов Южного Урала с рубежа XVI–XVII вв. были сосредоточены дворянские владения. А по степени концентрации дворянских поместий с Уфимском мог соперничать лишь Мензелинский уезд. Дворянство же «столичного» уезда включало как потомков служилых людей времён Уфимской крепости, так и чиновников XIX в., обзаводившихся имениями вблизи города, как крупных магнатов, так и почти «омужичившихся» однодворцев. Сама же близость крупнейшего города Южного Урала прямо влияла на судьбы дворянских поместий. Лишь отдельные владельцы постоянно проживали в своих сельских усадьбах из-за близости города, многие имения уже в дореформенный период исполняли функции летних дач, второго, загородного жилья, что, видимо, сказывалось на положении дворовых.

Но размеры даже одного Уфимского уезда были настолько велики, а социально-экономические и природно-географические условия так разнообразны, что в первой части нашего исследования взяты только восточные и северные волости, лесная, предгорная зона.

В работе приводится частое цитирование различной документации той эпохи, поэтому используются разные варианты склонений при написании названий деревень (Баранцево или Баранцева) и фамилий (Ахмаметевы или Ахмаметьевы).

Автор приносит особую благодарность краеведу Павлу Владимировичу Егорову за оказанную помощь, многочисленные советы и консультации, вдумчивое редактирование текста.

---

[1] См., напр.: *Соломин А.В.* О корнях уфимских дворян Киржацких // Генеалогический вестник. Вып. 52. СПб., 2016. С. 54–59.

Интерлюдия.
Неэффективные собственники

С конца XVI в. в центре Южного Урала, вокруг Уфы – административной столицы края сложилось многочисленное дворянское помещичье хозяйство, уходившее своими корнями в земельные пожалования служилым людям допетровской эпохи[1]. Ставшая очевидной ко второй половине 1850-х гг. неизбежность ликвидации крепостного права не принималась частью уфимского дворянства[2]. Пребывавший на покое в Уфимском Успенском монастыре епископ Михаил (Добров) поддерживал реформу, «некоторые из дворян-помещиков, посещая Успенского затворника, желали знать его мнение – и слышали только восторженную похвалу правительству и полнейшее порицание богопротивному крепостному праву. Таковые отзывы бесили поборников крепостничества, которые говорили, что старик помешался в уме от старости и вздумал, стоя одной ногой в гробу, либеральничать… Разделявшие же мнения и желания правительства, дворяне-помещики говорили, что и сам уважаемый святой старец стоит за реформы»[3].

Отрицательное отношение к ликвидации крепостничества, несмотря на открыто выраженную царскую волю, бытовавшее среди части местных помещиков, объяснялось не только пониманием неизбежности крушения всего прежнего хозяйственного строя. Кризисные явления в окружавших Уфу дворянских имениях начали проступать задолго до указов Александра II.

Ещё в 1849 г. в местных «ведомостях» выходит статья, скорее всего, недавно умершего краеведа В.С. Юматова «Сравнительный взгляд на состояние большой части дворянских имений Уфимского уезда, в нынешнее и прежнее время»[4]. Автор вспоминал, что раньше, при земельном изобилии, вольготно жилось и помещикам и крепостным, теперь же, то есть в 1840-е гг., си-

---

[1] См.: *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории города Уфы; Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92 – 1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971; *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999.

[2] См.: *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983; др.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013. С. 115.

[4] Опубликовано: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 185–193.

туация ухудшилась. Ресурсы экстенсивного развития закончились, свободных земель не осталось, леса вырублены, покосы распаханы, наделы крепостных уменьшились и, соответственно, сокращались доходы помещиков – наступил демоэкологический кризис, аграрное перенаселение с разрушением природной среды. Надо было переходить к интенсивным методам хозяйствования, на что у дворян не было желания, умения, средств[1].

Уфимские помещики почти не имели возможности расширять свои владения. С 1818 г. башкирам-вотчинникам, в руках которых находились огромные пустующие земли, было запрещено продавать свои угодья частным лицам, так как они юридически относились к военно-служилому сословию. Закон 1832 г. разрешал продажу, но с жёсткими ограничениями и под контролем властей[2]. Наступил предел экстенсивному росту дворянского землевладения вокруг Уфы, в предреформенные годы происходили лишь внутридворянские переходы собственности.

К примеру, в официальной части выходивших в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» среди публиковавшихся объявлений говорилось только о внутридворянских переходах. Так, в январе 1852 г. Уфимский уездный суд вызывал наследников умерших «Титулярного Советника Ивана Прокофьевича Бурцова и жены его Настасьи Никитиной урожденной Черниковой Анучиной», после которых осталось имение в дер. Ивановке, Бурцово тож, Уфимского уезда[3]. В предреформенные годы покупок земли дворянами у башкир, казны, удела не фиксируется.

Кроме того, часть уфимских дворян-помещиков основной доход получала от службы. Подгородные имения нередко были лишь дополнительным источником существования семьи, летней дачей. На 1 ноября 1841 г. в штате Оренбургской губернии при вице-губернаторе А.А. Македонском служили советниками коллежские ассесоры уфимцы Николай Александрович Ломоносов и Василий Андреевич Ребелинский. В казённой палате чиновником по особым поручениям был титулярный советник Дмитрий Михайлович Ветошников, в уголовной палате должность товарища председателя занимал коллежский ассесор Семён Андрее-

---

[1] Современник в местной прессе жаловался «на дурное положение наших хозяйственных дел, на невыгодность занятия сельским хозяйством, не окупающим даже употреблённых издержек» (Земледельческая газета (СПб.). 1865. 30 апреля. С. 282).

[2] *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007. С. 285–289.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1852. 5 января. Часть официальная (далее в работе используются части официальная и неофициальная без отдельного указания).

вич Шамонин, заседателем был подполковник Фёдор Никитич Черников-Анучин, секретарём титулярный советник Василий Алексеевич Березовский. Заседателем в уездном суде служил коллежский регистратор Павел Филиппович Ветошников, должность секретаря исправлял губернский секретарь Василий Никитич Протопопов. В земском суде встречаем станового пристава Давида Ефимовича Ахмаметева[1]. Многие представители уфимского дворянства служили в управленческом аппарате.

При подготовке отмены крепостного права были собраны сведения о самых крупных[2] хозяйствах, где в собственности барина имелось 100 и более душ крепостных. Таковых в Уфимском уезде оказалось всего 33 поместья. Здесь велось товарное хозяйство, приносившее существенную прибыль. Так, в имении Прасковьи Михайловны Россинской только в пользовании крестьян имелось 472 дес. пахотной земли, у Александра Фёдоровича Нагаткина в сельце Осоргино – 400 дес.[3] Всего же помещичьих имений на 1861 г. в Уфимском уезде насчитывалось 309 или 269, с учётом совладений[4]. Лишь небольшая часть уфимских дворян могла получать от своих поместий достаточные доходы для существования. Для остальных главным являлось жалованье на службе, что-то иное, или же семьи мелкопоместных дворян ограничивались весьма низким уровнем жизни.

Если в большинстве уездов будущей Уфимской губернии (Бирском, Белебеевском, Стерлитамакском и, особенно, Мензелинском) от 30 до 50% помещиков постоянно жили в усадьбах или сами непосредственно управляли хозяйством[5], то в Уфим-

---

[1] Месяцослов и общий штат Российской империи на 1842. Ч. 2. СПб., б. г. С. 164–165.

[2] П.А. Зайончковский считал мелкими поместья с числом душ крепостных не более 20, среднепоместными – имевших от 21 до 100 душ, крупными – свыше 100 душ, а также выделял крупнейшие имения, где крепостных насчитывалось свыше 500 душ (*Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 195).

[3] Приложения к трудам Редакционных коммиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. II. Извлечения из описаний имений, по великороссийским губерниям. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния. С. 2.

[4] *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 118. По сведениям на 1877–1878 гг. в Уфимском уезде насчитывалось 280 помещичьих владений (*Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 443).

[5] См.: *Роднов М.И.* Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледель-

ском уезде была иная ситуация. Близость к городу позволяла легко контролировать деятельность всевозможных приказчиков, бурмистров, старост, которые вели хозяйство в поместьях. На момент отмены крепостного права лишь в 12% дворянских имений Уфимского уезда постоянно проживали владельцы[1].

Это предполагало отсутствие у абсолютного большинства помещиков квалифицированных познаний в аграрном производстве, хотя увлечение сельским хозяйством, проведение различных опытов отдельными уфимскими дворянами фиксируется на страницах прессы. Так, неизвестный автор под псевдонимом «Малосельский» в статье «О земледелии Уфимского уезда» рассказывает о личном 34-летнем опыте землепашества в поместье (1816–1850 гг.), набираясь познаний в агрономической литературе и беседах с соседними помещиками[2]. А землевладелец Протопопов публикует рассуждения «Заметка о развитии земледельческой промышленности в Уфимской губернии и учреждении в г. Уфе Фермы»[3]. В пореформенные годы выходят работы В.А. Новикова, П.М. Сипайлова и ряда других хозяев.

Наёмный труд в Уфимском уезде был дорогим, а ввоз преимущественно импортной техники стоил огромных денег. Провозные цены московской компании «Надежда» на сельскохозяйственные машины до Уфы стояли одними из самых высоких по Европейской России. Доставка на подводах одиночках обходилась в 2 руб. серебром за пуд (до Казани – 85 коп., Симбирска – 1 руб. 20 коп., Вятки – 1 руб. 40 коп.)[4].

Исчезновение дарового труда крепостных и новые условия рыночной экономики стали тяжёлым ударом для большинства уфимских помещиков. Землевладельцы Уфимского уезда имели немало преимуществ из-за близости крупнейшего потребительского рынка, наличия удобных транспортных коммуникаций для вывоза сельскохозяйственной продукции (с 1858 г. – речное пароходство, с 1888 г. – железная дорога), да и климатические условия благоприятствовали, здесь встречались плодородные чернозёмы с хорошей увлажнённостью нечерноземья. А сам город, с его информационными ресурсами открывал широкие возможности для агротехнических инноваций.

Но, с другой стороны, вчерашние крепостные имели массу

цы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2014. С. 108–113.

[1] *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда. С. 119.

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1872. 4 марта.

[4] Газета для сельских хозяев (М.). 1861. 12 июля. Стб. 30.

возможностей для отказа от принудительных отработок на бывшего барина: найти работу в городе, на транспорте или на стремительно развивавшихся лесоразработках в восточной горно-лесной зоне Уфимского уезда, да и свободных земель, которые с 1864 г. башкиры-вотчинники получили право продавать или отдавать в аренду, имелось в достатке.

Под предлогом нищеты пытались получить одну усадьбу крепостные сельца Прасковьевка (Берказак), не составляли приговор крестьяне дер. Юматово помещицы П.М. Россинской. В ответ мировой посредник информировал Главное выкупное учреждение в Петербурге, что крестьяне первого селения «имеют достаточное скотоводство и по близости башкирских земель нанимают их за весьма дешёвую цену для посевов хлеба и для сенокошения». Вторые тоже живут нормально и уже приискали землю у соседних помещиков. Юматовцы, «по совершении купчей крепости, [...] намерены отказаться» от земли.

Были специально составлены списки домохозяев, из которых видно, что среди 13 семей крепостных Россинской в с. Берказак двое держали по 6 лошадей, один – пять, двое – по четыре и трое – по три лошади. Однолошадный двор был один, безлошадные отсутствовали. Как и в соседнем Юматово, где на 15 хозяйств приходилось лишь двое однолошадных. А крепостной Клавдий Фёдоров (надел на 5 рев. душ, 4 работника) посеял в 1869 г. 3 дес. яровых и 3 дес. озимых хлебов (на помещичьей только земле), держал 8 лошадей, 6 коров, 20 овец и 10 свиней[1].

Сумма этих факторов заставляла помещиков Уфимского уезда идти на взаимовыгодные соглашения с крепостными, лишь бы побыстрее перейти на выкуп. В отличие от центральных губерний приходилось спешить, так как цены на землю росли медленно, массовый приток переселенцев начнётся лишь через 20 лет, а на рынок было выброшено огромное количество дешёвой земли (башкирами, помещиками, казной). Так, в 1872 г. группа бывших крепостных из дер. Шеланы (дворян Охлябининых) купили у соседнего (в одной версте) помещика Н.Н. Поступальского 120 дес. земли и обратились с просьбой исключить их из прежнего сельского общества[2]. Никакой надел от барина крестьянам вообще был не нужен.

Если по каким-либо причинам помещики затягивали с выкупом, вчерашние крепостные, освоившиеся в новых рыночных условиях, просто бросали свои наделы. Так, наследники Фок в 1870 г. жаловались, что терпят убытки от задержки с выкупной

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 826. Л. 24 и об., 31, 37, 38.
[2] Там же. Д. 833. Л. 89.

сделкой по дер. Барейшево. В итоге, в 1872 г. крестьяне просто сдавали наделы, желая приписаться к мещанскому обществу Уфы, а «землю по близости» они уже приобрели. Из 66 рев. душ крепостных крестьян дворянской семьи Фок в начале 1870-х гг. 34 рев. души исключались и отказывались от надела (по 129 ст. Положения 1861 г.), как купившие землю на стороне. Ещё 15 рев. душ записались в мещане[1]. Получать выкупные платежи было не с кого, крепостных почти не осталось.

По условиям реформы в Уфимском и Мензелинском уездах был установлен обязательный выкуп крестьянами полевых наделов и усадьбы[2]. Но даже при этих обстоятельствах, как констатировал дворянин Я.Г. Карташевский, владельцы населённых имений, не приступали к обязательному выкупу «из опасения остаться без рабочих рук, в случае, если крестьяне пожелают воспользоваться своими правами – потребовать, при объявлении об обязательном выкупе, в дар четвёртую часть надела»[3]. Над помещиками южных и приволжских губерний дамокловым мечом висело установленное реформой 1861 г. право крестьян вообще отказаться от земли и выкупа, получив за это ¼ часть высшего надела, перейти на так называемый «Царский дар»[4].

По сведениям сенатора М.Е. Ковалевского, в Казанской губернии почти треть крепостных получила даровой надел в одну десятину. В Уфимской губернии[5] крестьяне-дарственники имели возможность за невысокие цены арендовать соседние земли. Особенно напряжённая ситуация сложилась в Оренбургской губернии, «где крестьяне часто отказываются от надела и от взноса выкупных платежей»[6]. На ситуацию повлиял закон от 27 ию-

---

[1] Там же. Д. 829. Л. 4, 16, 20, 26, 47, 50 об., 51.

[2] В январе 1865 г. во время очередных дворянских выборов в Уфе помещик из Стерлитамакского уезда Я.Г. Карташевский жаловался, что «в ожидании окончания 9 летнего обязательного периода времени [...] окончательно приостановились выкупные сделки по добровольному соглашению». Он предлагал «распространить обязательный выкуп, установленный только для уфимского и мензелинского уездов» на всю губернию (Земледельческая газета. 1865. 12 марта. С. 173). По истечении 9-летнего срока со дня издания «Положений 19 февраля» крестьяне получали право вообще отказаться от наделов. В начале 1870-х гг. отдельные подобные случаи были в Уфимской губернии (*Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1960. С. 295–296).

[3] Земледельческая газета. 1865. 12 марта. С. 173.

[4] Земледелие, садоводство и огородничество (М.). 1864. № 31. С. 253.

[5] По наиболее точным данным за 1907 г. в Уфимской губернии насчитывалось 4653 ревизских душ крестьян-дарственников (*Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России 1861–1907 гг. М., 1996. С. 54).

[6] *Дружинин Н.М.* Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862–1882 гг.) // *Дружинин Н.М.* Избранные труды: Социально-

ня 1862 г., предоставивший крестьянам восточных губерний право требовать четвертной надел, как только помещик сам потребует обязательного выкупа. Широкое движение за получение четвертного дарственного надела наблюдалось в соседних Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерниях[1], с которыми уфимское дворянство были связано родственными узами. В Уфимском уезде лишь «4 общины получили дарственные наделы в пределах от 1,5 до 3 дес.»[2]

Дарственники были в пригородных волостях, где крестьяне имели доходы от близкого города. Так, в Миловке крепостные В.П. Базилевской перешли на дарственный надел[3], на 168 ревизских душ они имели 201 дес. земли[4]. Это стимулировало южноуральских землевладельцев спешить с реформой.

Даже в окрестностях губернского центра, где имелся наиболее квалифицированный аппарат чиновников, ликвидация крепостных («обязательных») отношений превратилась в сложный процесс. Механизм разделения помещичьего и крестьянского хозяйства включал ряд этапов. Сначала стороны договаривались об условиях (земле, оброке и пр.) через мирового посредника, назначенного государством, что фиксировалось в уставной грамоте, затем переходили к согласованию выкупной сделки.

Спорили иногда долго, разбираясь в запутанных отношениях. Шесть лет понадобилось коллежской секретарше Юлии Алексеевне Аничковой (дочь Надежда и сын кадет Владимир), чтобы договориться с двумя ревизскими душами крепостных, проживавших в сельце Аничково, Приютово тож. Лишь 16 февраля 1867 г. Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие утвердило договор о выкупе полевых угодий и усадебной оседлости и отправило документы в Санкт-Петербург, испрашивая от правительства ссуду аж в 240 руб. В столице просто штамповали согласованные решения и уже 21 июня 1867 г.

экономическая история России. М., 1987. С. 314–315.

[1] *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. С. 266, 294.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I. Уфимский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных изследований 1895–96 годов / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа, 1898. С. 154.

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 814. Л. 10.

[4] Четвертной надел также получили крепостные дер. Гилево (Предтечинское) помещицы Е.И. Гилевой. На 50 рев. душ по переписи 1912–1913 гг. они имели 66 дес. земли. Для Уфимского уезда дарственники были очень редким явлением, в отличие, например, от шести центрально-черноземных губерний, где на дарственный надел вышло 114 552 крестьянина (см.: *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972. С. 172).

Главное выкупное учреждение разрешило выдать Аничковой с детьми ссуду за девять десятин земли, отошедшей бывшим крепостным, искомые 240 руб.[1]

В государственных структурах хорошо понимали, каких трудов стоило достижение соглашений между бывшими крепостными и их владельцами, представленные документы без проволочки утверждались в Уфе губернским по крестьянским делам присутствием, почтой высылались в Петербург, где Главное выкупное учреждение также оперативно их утверждало, разрешало ссуду, после чего выдавалась крестьянам «данная» на землю. Сопоставление уставных грамот и выкупных ссуд по уфимским поместьям показывает, что в Петербурге исключительно редко изменяли запрашиваемую сумму выкупа.

В местных «ведомостях» с 1863 г. публиковались итоги реформы, которую в Уфимском уезде закончили в начале 1870-х гг. Уже в 1872 г. лишь два раза встречаются сведения о выкупных ссудах, в 1875 г. подобных материалов не появилось вовсе. По подсчётам Б.С. Давлетбаева к 1 января 1870 г. свыше 13 тыс. крестьян из 17 тыс. в Уфимском уезде перешли на выкуп[2].

Одна из последних сделок дворян с крепостными в Уфимском уезде была заключена в 1873 г., когда надворная советница Прасковья Михайловна Россинская получила разрешение на ссуду в 6960 руб. за выкуп крестьян дер. Лекарёвка (Еланачево, Фальково тож)[3] (в Белебеевском, Мензелинском, Стерлитамакском уездах выкуп продолжался).

В ряде поместий по разным причинам затянули с оформлением выкупа (Гилево, Дежнёво, др.). Лишь, 23 июля 1874 г. в Петербурге разрешили выкуп небольшого именьица (58,5 дес.) в Архангельской волости при с. Касимово (Никольское тож) за 1560 руб. Видимо, пришлось долго искать владельца, помещика и… «рядового рабочей Бригады Петра Зубова»[4], призванного в армию простым солдатом.

Ещё один казус был также связан с селом Касимово, где на 1861 г. находилось крохотное владение генерал-лейтенантши А.Л. Яхонтовой (дворовых и усадьбы не имелось, числились две ревизские души крепостных). Почему-то хозяйка не зарегистрировалась как мелкопоместная и не продала именьице в казну. Была оформлена уставная грамота и единственная семья крепостных крестьян перешла на оброк. Так они и уплачивали барыне

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1867. 6 мая, 12 августа; РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 153.

[2] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 65.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1873. 17 февраля.

[4] Там же. 1874. 26 октября.

оброк, распоряжаясь землёй площадью 35 дес. 2303 саж., хотя на две души им полагалось всего 8 дес. 2128 саж.

Этот бывший крепостной (Шишко), «пользуясь широким правом в отношении эксплуатирования земель принадлежащих Г. Яхонтовой как арендатор, в течение этого времени определённым участком в количестве отведённого ему по уставной грамоте, надела не владел, а производил засев земли, в своих материальных интересах, там, где находил для себя более удобным». Помещица, получая небольшие деньги, вообще не интересовалась делами своего далёкого имения.

После смерти А.Л. Яхонтовой примерно в 1875 г., сын её ротмистр М.В. Куракин-Текелей (Текели) в 1876 г. разбил поместье на два участка и продал, включая надел Шишко. Только в результате возникшего спора выяснилась неординарная ситуация, и лишь с 1 января 1883 г. бывших крепостных крестьян перевели с оброчной повинности в пользу помещиков на выкупные платежи, начислив в 1886 г. хозяевам 150 руб. Правда, ротмистр тоже скончался, а вдова София Куракина-Текели проживала в Одессе и понятия не имела об имении мужа в далёкой Уфимской губернии. Судя по документам, выкупную ссуду за поместье в Касимово так владельцам и не отдали[1].

Аналогичная ситуация с забытым поместьем произошла с крестьянами части сельца Осоргино (Дебовка), крепостными генерал-лейтенантши Александры Михайловны Дебу («землевладелица живёт в Петербурге»). Составив уставную грамоту, крестьяне «до сего времени отбывают издельную повинность», жаловались они в 1883 г. Хозяйка получала арендную плату и забыла перевести крестьян на выкуп.

Этот вопрос жителями Дебовки поднимался с 1874 г., когда все крепостные Уфимского уезда уже должны были перейти на выкуп, его рассматривал сенатор Ковалевский в 1881 г. во время своей знаменитой ревизии. Часть крестьян даже ушла из деревни из-за неопределённости с землёй. «Но ещё тяжелее и на этот раз уже непонятнее стало наше положение с настоящего года, – жаловались уполномоченные общества дер. Дебовки Григорий Самсонов и Лаврентий Анофриев, – когда нам объявили, что с 1-го января 1883 года мы считаемся на выкупе, а мы ни чего не знаем. Ни кто акта о выкупе у нас не составлял». Границы надела не установлены. «Трудно даже поверить, но это так»[2].

Затянувшийся на десятилетие процесс ликвидации крепо-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 735. Л. 1, 108 и об., 109, 116 и др.; Д. 735а. Л. 210–211, 233, 240 и др.

[2] Там же. Д. 747. Л. 23 и об., 26, 30 об.

стнических отношений имел важнейшее значение для судеб дворянского хозяйства. Пока тянулись споры о наделах и размере выкупа, экономика постепенно приходила в упадок, бывшие крепостные халтурили, ожидая «воли», а владельцы не могли в условиях неопределённости делать серьёзные инвестиции. Но, с другой стороны, пока не «разрубили» крестьянский вопрос, имения в большинстве случаев сохранялись, продавать землю было сложно без чёткого юридического оформления собственности.

Примерно с 1870-х гг. ситуация изменилась. Дворяне Уфимского уезда, в первую очередь мелкие, стали избавляться от поместий вместе с усадьбами. Вести хозяйство в новых рыночных условиях они не могли, с 1860-х гг. началась свободная распродажа многоземельными башкирами-вотчинниками своих обширных владений, цены рухнули. На дворянских выборах в 1866 г. в Уфе горячо обсуждали «разрешение башкирским обществам продавать свободные свои земли». Это «было предметом самых живых суждений – говорим именно живых, потому что это составляет самый животрепещущий насущный вопрос для землевладельцев нашей губернии». Участник съезда добавлял, что «некоторые смотрят на это обстоятельство, как на обыкновенную конкурренцию»[1].

Наконец, помещики получали выкупную ссуду в основном не деньгами, а ценными бумагами и выкупными свидетельствами, которые ещё надо было «с умом» реализовать[2]. Например,

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1866. 8 января.

[2] В соответствии с Положением о выкупе выкупные ссуды выдавались помещикам не наличными, а ценными бумагами: 5%-ми банковскими билетами второго выпуска и 5%-ми выкупными свидетельствами. Ссуды менее 50 руб. помещики получали наличными. Если выкупная ссуда за вычетом долга ипотечным банкам не превышала 1000 руб., она выдавалась 5%-ми банковскими билетами. Ссуды свыше 1 тыс. руб. должны были выдаваться 5%-ми банковскими билетами и 5%-ми выкупными свидетельствами. Если ссуда составляла от 1000 до 10 000 руб., 5%-ми банковскими билетами выдавались первая тысяча рублей и 1/5 часть от оставшейся суммы. При ссуде от 10 000 до 50 000 руб. билетами выдавалось 2800 руб. по первым десяти тысячам и 1/10 часть от оставшейся суммы, при ссуде свыше 50 000 руб. 6800 руб. и 1/20 часть соответственно. Оставшаяся большая часть ссуды выдавалась помещикам выкупными свидетельствами.

Выкупные свидетельства были именными и принимались Казначейством в уплату по платежам. Погашение свидетельств проходило посредством обмена их на банковские билеты. Срок полного погашения составлял 15 лет. Каждые 5 лет погашалась треть суммы. Выплата процентов по свидетельствам должна была производиться только в уездных казначействах. На этих ценных бумагах делались соответствующие надписи о совершении выплаты, заверявшиеся печатями.

Банковские билеты второго выпуска в отличие от выкупных свиде-

мелкопоместная дворянка из дер. Зинино А.И. Ахмаметева в 1872 г. получила ссуду в 1560 руб., из которых 1100 руб. ей выдали 5%-ными банковскими билетами 100-рублёвого достоинства, ещё на 450 руб. она получила выкупных свидетельств, а наличными из казначейства начислили всего-навсего 10 руб.[1]

При этом накопленные дворянами долги вычитались из выкупной ссуды. Например, Ардалион Иванович Аничков взял в 1853 г. две ссуды в Оренбургском (в Уфе) приказе общественного призрения[2]: 3780 руб. серебром на 26 лет и затем ещё 540 руб. сер. на 28 лет. Когда его наследники оформляли выкупную сделку, остаток долга составлял 3529 руб. 21 коп. В сентябре 1863 г. Главное выкупное учреждение разрешило выдачу Аничковым ссуды в 4920 руб., из которых уже 3676 руб. 89 коп. были удержаны сразу же. В итоге Оренбургское казначейство выдало дворянской семье лишь 1200 руб. в 5%-ных билетах и наличными целых 43 руб. 11 коп.[3]

Ценные бумаги надо было уметь выгодно реализовать, в чём провинциальное дворянство часто не разбиралось. Покупатели быстро нашлись. Уже в конце 1863 г. в местной прессе вышло объявление, что в Уфе агентом Санкт-Петербургского страхового от огня общества стал Уфимский уездный исправник Константин Фердинандович Комар, он же принял на себя «и посредничество по покупке выкупных свидетельств, производство которой поручено было Полонскому [предыдущему агенту] одним из С.-Петербургских капиталистов»[4]. Открывшееся в ноябре 1873 г. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка сразу предлагало продажу выкупных свидетельств на С.-Петербургской бирже за комиссию от ¼ до ½ процента[5].

тельств обращались свободно на условиях банковских билетов первого выпуска. При желании помещики вместо них могли получить наличные деньги по нарицательной цене билетов. Если цена этих ценных бумаг на бирже опускалась ниже нарицательной, издержки относились на счёт запасного капитала выкупной операции.

Таким образом, сущность выкупной операции заключалась в том, что это была самоокупающаяся кредитная операция. Правительство предоставляло кредит крестьянам, а помещики, принимая вместо наличных денег правительственные ценные бумаги, кредитовали правительство (*Левичева И.Н.* Государственный банк и крестьянская реформа 1861 года // http://www.vep.ru/bbl/history/cbr29.html).

[1] РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 155. Л. 27 и об.

[2] Сохранились подробные сведения о расчётах с Оренбургским приказом общественного призрения должника, помещика В.П. Протопопова (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 716. Л. 22–29).

[3] РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 152. Л. 17, 24 об., 26 об., 33, 37 и об.

[4] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 28 декабря.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1874. 5 января.

Естественно, выкупные свидетельства приобретались с дисконтом (ниже номинальной стоимости). Один из главных кредиторов уфимского дворянства в дореформенный период – Уфимский попечительный о бедных комитет (председатель П. Полежаев) тоже брал в уплату долга выкупные свидетельства помещиков. Так, в отчёте комитета к 1 мая 1864 г. сказано, что «приобретено в обмен от вдовы Губернского секретаря Березовской 5½% выкупное за крестьян её свидетельство в 2000 р., каждый рубль которого принят в 82½ коп.» То есть помещица, уплачивая долг не деньгами, а ценными бумагами, потеряла 17,5% стоимости. Всего же (не прошло и трёх лет с начала реформы) комитету принадлежало 5%-ных выкупных свидетельств на сумму в 4400 руб.[1] На многих уфимских помещиках висели старые долги Уфимскому попечительному о бедных комитету, на которые непрерывно начислялись проценты[2].

Выкупными свидетельствами делались вклады в Государственный банк. Например, в Уфимском отделении Госбанка в 1873 г. хранились выкупные свидетельства на имя жены статского советника Ольги Ивановны Шульгиной (от 31 января 1867 г. № 62/2) на сумму в 11 750 руб.[3] В городских общественных банках выкупные свидетельства не выявлены.

От финансового состояния дворянских семей в пореформенный период зависела жизнеспособность усадебного мира. Разрыв обязательных отношений с крепостными приносил бывшим помещикам прямые денежные поступления в двух формах.

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1864. 24 октября.

[2] К 1 мая 1864 г. Уфимскому попечительному о бедных комитету следующие дворяне были должны (капитальная сумма без процентов) по заёмным письмам или закладным (под залог имущества, земли и крепостных): Артемьева (64 руб. 46 ½ коп. с 30 декабря 1839 г.), инженер-капитан Сергеев (1061 руб. 35 ½ коп. с 21 июня 1843 г.), коллежский регистратор Волков (57 руб. 14 ½ коп. с 22 марта 1844 г.), титулярная советница Прасковья Угличинина (277 руб. 81 ¼ коп. с 24 ноября 1844 г.), штабс-капитан Дмитрий Угличинин (2590 руб. с 24 июня 1854 г.), дочь коллежского советника Любовь Воскобойникова (1567 руб. 68 коп. с 6 февраля 1859 г.), коллежская секретарша Елизавета и сын её Владимир Сокуровы (280 руб. с 17 марта 1854 г.), надворная советница Елена Иванова (718 руб. 20 коп. с 14 мая 1854 г.), коллежская секретарша Елизавета Попова (620 руб. с 28 июня 1855 г.), поручик Константин и жена его Евгения Будрины (28 руб. 95 коп. с 19 июля 1855 г.), полковник Воецкий (423 руб. с 31 мая 1856 г.), майор Дмитрий Протопопов (840 руб. с 28 ноября 1860 г.), коллежский ассесор Новиков (1500 руб. с 14 августа 1859 г. и 1000 руб. с 11 июля 1860 г.), коллежский секретарь Василий Протопопов (50 руб. с 10 сентября 1859 г.), подпоручица Борисова (1800 руб. с 24 декабря 1859 г.), жена губернского секретаря Анна Полякова (600 руб. с 9 июня 1860 г.) (Там же).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1873. 9 июня.

Кроме получения от казны ссуды (она далее обязательно указывается)[1], были ещё дополнительные платежи в размере примерно 20% от выкупной ссуды.

Они выплачивались крестьянами помещику только в случае добровольного соглашения, что стимулировало дворян договариваться с крепостными. Дополнительные платежи вносились в основном деньгами (в кассу уездного казначейства[2]), помещики нередко предоставляли скидки и рассрочки, могли вообще отказаться от них. Сведения о дополнительных платежах по всему Уфимскому уезду, как и Оренбургской губернии в целом, до сих пор отсутствуют[3]. В каждом поместье этот вопрос оговаривался особо. «Вообще установить какую-либо закономерность [...] в самом факте получения дополнительного платежа едва ли возможно»[4]. Так, в Бугурусланском уезде Самарской губернии из выкупных сделок по 48 имениям в девяти дополнительный взнос не взимался вообще, не полностью платили его крестьяне в 21 поместье, полностью – в 18 случаях. Дополнительный взнос часто рассрочивался (в 17 сделках – на 6 лет)[5].

Так, в выкупном договоре крестьян сельца Таптыково Уфимского уезда с помещиком Г.Г. Баженовым в 1863 г. было указано, что «дополнительный взнос крестьянами остальных 20 процентов полной выкупной оценки составляет 240 рубл., уплату которых помещик разсрочил крестьянам на 6 лет». Выкупная сумма составила 960 руб., за исключением 1/5 части, то есть 240 руб. дополнительных платежей[6].

Помещики шли на уступки крестьянам, уменьшая величину дополнительного платежа, чтобы быстрее договориться с бывшими крепостными. Например, жители дер. Николаевки должны были внести дворянам Дмитриевым 20% выкупа в размере 2760 руб., «из коих 736 р. владельцами уступлено крестьянам в дар, а уплата остальных 2024 рублей разсрочена на шесть лет».

---

[1] Выкупная ссуда перечислялась быстро. В августе 1863 г. был заключён выкупной договор крестьян дер. Александровки с помещиком Н.А. Топорниным, а уже в марте 1864 г. Уфимское уездное казначейство просили выдать владельцу ссуду (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 789. Л. 11, 53).

[2] Дополнительный взнос могли вносить и самому помещику. Крестьяне Александровки должны были уплатить Н.А. Топорнину 20% выкупа в размере 2010 руб. с рассрочкой на 6 лет с 1 января 1864 г., ежегодно по 335 руб., «внося эту сумму самому владельцу или доверенному им лицу за год вперёд» (Там же. Л. 13 об., 41 об.).

[3] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 68–69.

[4] *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. С. 323.

[5] Там же. С. 349–351.

[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 788. Л. 5 об., 7.

Многие помещики вообще отказывались от «всякого дополнительного взноса со стороны крестьян», как Л.А. Васильева (сельцо Ильинка)[1], Д.А. Топорнин (Покровское)[2], сёстры Л.И. Сокурова и Ю.И. Рагозина (Грибовское, Тауш)[3], А.М. Языков (Тобулгак и Михайловка)[4], П.И. Булгаков (Булгаково)[5], М.М. Топорнина (Марьино)[6], П.М. Россинская (Прасковьевка и Юматово)[7] или Н.М. Гординская (Лидино), у которой указано: «дополнительный взнос крестьянами, остальных 20 процентов полной выкупной оценки составляет 600 руб. от получения которых владелица отказывается»[8]. Кроме экономических факторов, подобные решения вызывались гуманными соображениями, стремлением облегчить положение бывших своих крепостных.

При этом, часто именно дополнительный платёж являлся единственным поступлением денег помещику, потому что из основной выкупной суммы вычитались долги и недоимки. У тех же Дмитриевых за Николаевку было начислено 11 040 руб., из которых сразу же была вычтена сумма долга Оренбургскому приказу общественного призрения по двум займам 1853 и 1859 гг. в размере 8646 руб. 90 коп. В результате, для выдачи Дмитриевым в Уфимское уездное казначейство были отправлены «5% билеты сторублёвого достоинства на 1300 руб., наличными 93 руб. 10 коп. и свидетельство на получение с остальных по ссуде 1000 руб. 5½% непрерывного дохода из казны по 55 руб. в год» с 1 февраля 1864 г.[9] То есть, получив наличными (деньгами и обращавшимися наравне с ними билетами Госбанка) около 1400 руб., Дмитриевы могли ежегодно получать в казначействе по 55 руб. процентов с остатка выкупной ссуды в 1 тыс. руб. (выкупного свидетельства).

Иногда долги «съедали» вообще всю выкупную ссуду. Помещице Т.С. Кочергиной за сельцо Либино начислили выкуп в размере 3240 руб., а в 1862 г. она взяла взаймы в Оренбургском приказе общественного призрения (затем переведённый в Санкт-Петербургскую Сохранную казну) долг, составивший на момент выкупа 3162 руб. 20 коп. В итоге, Уфимское уездное ка-

---

[1] Там же. Д. 815. Л. 13 об.
[2] Там же. Д. 816. Л. 3 об.
[3] Там же. Д. 821. Л. 3 об.
[4] Там же. Д. 823. Л. 5 об., 10 об.
[5] Там же. Д. 824. Л. 5 об.
[6] Там же. Д. 825. Л. 1 об.
[7] Там же. Д. 826. Л. 4 об., 9 об.
[8] Там же. Д. 820. Л. 5 об. По сохранившимся в архиве Уфы выкупным сделкам видно, что очень часто помещики отказывались от дополнительного взноса (см. также: Д. 828, 829, 831, 832, 836, 838).
[9] Там же. Д. 791. Л. 6, 18 об.

значейство выдало Т.С. Кочергиной всего 77 руб. 80 коп.

Оставался доход от дополнительного взноса (20%) в 810 руб., «из коих 135 рублей помещица уступает крестьянам в дар, а уплату остальных за тем 675 рубл. разсрочивает на 8 лет»[1]. Даже в таких условиях помещица пошла на снижение дополнительного платежа, видимо, дабы получить какие-нибудь деньги.

Пока поступали платежи от бывших крепостных по дополнительному взносу, а казна в течение 15 лет переводила выкупные свидетельства в банковские билеты, дворяне старались сохранять поместье с усадьбой как источник доходов. Как только к середине 1870-х гг. все экономические отношения барина с крестьянами были разорваны, началась стремительная распродажа имений помещиками, кто не собирался серьёзно заниматься сельским хозяйством.

Размеры финансовых поступлений часто не покрывали прежних доходов от крепостных крестьян. В условиях рыночной экономики многие помещики разорялись. Нараставшая нищета некоторых дворянских фамилий волновала общественность, и 22 июля 1872 г. при Мариинской женской гимназии был открыт небольшой Приют воспитанниц благородного происхождения. Дворяне собрали 2,6 тыс. руб., на которые в приют в частности были приняты: Надежда и Муза Протопоповы (мать вдова, при ней ещё 3-летний сын, трудилась смотрительницей в приюте без жалования); круглые сироты Ольга и Екатерина Протопоповы (им принадлежал в Уфе 3-оконный флигель, сдававшийся под постой за ничтожную плату, «недостаточную даже для прокормления детей»); Евдокия Ахмаметева (мать вдова, при ней ещё 6-летняя дочь Мария и 3-летний сын Николай, по бедности получала из Приказа общественного призрения пособие в 4 руб. 50 коп. в месяц, занималась рукоделием); Афонасия Кадомцева (мать вдова с малолетней дочерью Екатериной, кроме рукоделия иных средств не имеет); Клавдия Артемьева (мать вдова, «содержится исключительно личным трудом»)[2].

«Тихие» истории банкротств в первую очередь мелких и средних помещиков Уфимского уезда, начавшиеся с 1860-х гг., отразила лишь статистика. В первом составленном списке частных землевладельцев Уфимского уезда за 1874 г. крестьяне, мещане и прочие лица чуть ли не вытеснили благородное сословие[3], беспощадная земская статистика фиксировала неуклонное ное сокращение дворянского землевладения.

---

[1] Там же. Д. 790. Л. 5 об., 7, 23.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1872. 22, 29 июля.

[3] См.: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Указ. соч. С. 65–77.

С 1869 по 1896 гг. дворяне, офицеры и чиновники в Уфимском уезде купили у дворян же по 270 сделкам[1] всего 304 906,3 дес., но одновременно дворяне и чиновники совершили 1147 сделок по продаже 521 321,12 дес. земли. Среди внутридворянских переходов в 1891 г. выделяется купчая с землёй горнозаводчиков Белосельских-Белозёрских (165,3 тыс. дес.). Если исключить эту сделку, то за первые пореформенные десятилетия дворянство Уфимского уезда лишилось 356 тыс. дес. земли. Покупали у дворян все: духовенство и купцы, мещане и крестьяне, товарищества и общества, одиночки и казна[2]. Распродажа своих угодий небольшими участками стала одним из главных способов извлечения дохода дворян-землевладельцев[3].

С 1869 по 1878 гг. башкиры-вотчинники имели право свободно продавать землю, одновременно казна распродавала участки, назначенные для поселения малоземельных припущенников[4]. Часть подобных покупок была совершена на территории Уфимского уезда[5]. Это принципиально не повлияло на общий процесс распродажи дворянских земель, что показывает следующая таблица (вместе дворяне, чиновники и офицеры).

Объём продаж стабильно превышал количество покупок и лишь во второй период дворяне немного купили землицы больше, чем распродали.

Годы	Приобретено дворянами		Продано дворянами	
	сделок	дес.	сделок	дес.
1869–1873	87	62 547,55	261	79 253,16

---

[1] Объединены *купчая крепость*, оформлявшаяся при покупке, и *данная* запись, составлявшаяся при приобретении участка с торгов или оставшегося за Дворянским, Крестьянским банками, др.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому I-му (Уфимский уезд). Движение земельной собственности за 28-летний период (1869–1896). Уфа, 1900. С. 71, 90–91.

[3] Справочная литература свидетельствует, что буквально единицы дворян Уфимского уезда вели какое-либо предпринимательское хозяйство (имели винокуренные, поташные заводы и пр.). Среди лиц, открывших текущие счета в 1873–1874 гг. в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка, дворяне составляли незначительное меньшинство. Единицы (Заварицкий, Листовский, Дашков, Кугушев) имели крупные суммы на счетах (см.: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об. – 14).

[4] См.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 45–47.

[5] По данным Н.В. Ремезова, среди купивших у башкир в Уфимском уезде упоминается лишь несколько фамилий местного и только крупного дворянства (Заварицкий, Кугушев, Новиков) (*Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. быль в сказочной стране. М., 1889. С. 222–223). Ещё ряд уфимских помещиков получил участки казённой земли.

1874–1878	67	35 269,99	126	34 210,35
1879–1883	67	47 396,72	151	99 259,96

Источник: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому I-му (Уфимский уезд). Движение земельной собственности за 28-летний период (1869–1896). Уфа, 1900. С. 8–11.

Дворянское землевладение самого помещичьего в крае Уфимского уезда неуклонно уменьшалось. Если на 1 октября 1885 г. дворянам принадлежало 774 306,9 дес., то к 1 октября 1894 г. – уже 689 944,6 дес., убыль составила 10,9%[1]. При этом надо учитывать, что два крупнейших дворянских владения располагались на востоке, в горно-лесной местности, где аграрного производства практически не велось. Крупнейшими землевладельцами Уфимского уезда на 1896 г. являлись: дворяне Н.П. и И.П. Балашёвы – 256 298,78 дес. (Симский горнозаводской округ), князь К.Е. Белосельский-Белозёрский – 165 996,38 дес. (Юрюзань-Ивановский горнозаводской округ), дворяне А.Д. и Д.Д. Дашковы – 37 708,23 дес. (Благовещенский завод), дворянин Ф.И. Базилевский – 35 359,13 дес., Гр. Комаров – 10 151,36 дес. (лесная дача, рудники, с 1900 г. Общество Комаровских железорудных месторождений), купец Ф.Е. Чижёв – 41 477,68 дес.[2] Практически все (исключая Базилевского) крупнейшие дворянские владения располагались в горно-лесной зоне.

В начале XX в. распродажа дворянских земель приобретает ещё более стремительные темпы и в 1917 г. в Уфимском уезде площадь дворянского землевладения составляла 188 205,5 дес. (в 1913 г. имение Балашёвых было акционировано и исключено из состава дворянских владений). Если в 1905 г. дворянам принадлежало 33,8% всей площади Уфимского уезда (самый высокий показатель в губернии, но за счёт огромных округов горнозаводчиков), то в 1911 г. – 26,4%, а в 1917 г. – всего 10,4% (но тоже максимально высокий уровень)[3]. В земледельческой же части Уфимского уезда, как и во всей остальной губернии, удельный вес дворянских земель составлял не более 5–6%.

На 1896 г. лишь в пяти волостях Уфимского уезда, окружавших Уфу, лежали многочисленные дворянские владения – Дмитриевская волость – 78, Осоргинская – 54, Архангельская –

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I. С. 185.

[2] Там же. С. 266–267. Земли в Нагаевской волости (10 151 дес.) принадлежали инженер-полковнику Константину и дворянину Сергею Платоновичам Комаровым. Владение было заложено в Донском земельном банке (Уфимские губернские ведомости. 1905. 23 сентября).

[3] Статистика землевладения 1905 года. Вып. XXXVI. Уфимская губерния. СПб., 1906. С. 33; Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1913. С. 26; НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

43, Ногаевская – 37, Богородская – 33 владения. Ещё в шести волостях в руках дворян находились от 10 до 30 поместий, в остальных 13 волостях уезда – менее десяти[1]. Уфимское дворянство стремительно сходило с исторической сцены.

По неполным данным переписи 1912–1913 гг., крупнейшими частными владельцами Уфимского уезда являлись князь А.А. Кугушев, граф А.П. Толстой, дворяне Е.К. Харитонова и Н.В. Ляхов в двух имениях. А крупнейшими посевщиками Уфимского уезда в 1912 г. выступали те же Е.К. Харитонова, А.А. Кугушев, а также дворянин Н.Ф. Ляуданский[2]. Серьёзные предпринимательские хозяйства не превышали двух десятков (см. таблицу).

Крупнейшие дворянские хозяйства Уфимского уезда по переписи 1912–1913 гг.

№	Владельцы-дворяне	Волость, селение	Посева (дес.)	Всего земли (дес.)
1	Еникеева С.К.	Бакаевская, Сюльтюн	307	553,63
2	Ляуданский Н.Ф.	Биштякинская, Старо-Мусино	849	1337,64
3	Шумская М.И.	Биштякинская, Старо-Кузяково	207,5	798,31
4	Харитонова Е.К.	Биш-Аул-Унгаровская, Ульяновка	1249	3795
5	Ляхов Н.В.	Булгаковская, Петровка	210	852,64
6	Кугушев В.А.	Булгаковская, Бекетово	332,5	1071,38
7	Кугушев А.А.	Булгаковская, Подлубово	1281,75	4504,71
8	Ралль А.Н.	Булгаковская, Булгаково	946	2557,78
9	Смирнова Н.К.	Казанская, Сарт-Смирново	415	832,18
10	Добротворский Д.П.	Новосёловская, Богородское	250,5	532,5
11	Давлеткильдеева Г.Р.	Новосёловская, Агарды	579,25	1982,17
12	Толстой А.П.	Новосёловская, Языково	867,5	3389,63
13	Языкова Н.П.	Новосёловская, Бабкинский	561	801,42
14	Фёдоровы А.П. и Ф.Е.	Новосёловская, Табулдак	200	502

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I. С. 256.
[2] См.: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 70–101.

15	Ляхов Н.В.	Осоргинская, Ляхово	688	2285,62
16	Фок Е.Н. и Шестакова М.А.	Покровская, Соловьёвка	216	460,61
17	Ляуданский Н.Ф.	Шарыповская, Воецкая	1550	1792,2
18	Пестрово Н.А. (дворянин?)	Сафаровская, Чишмы	528	1500

Источник: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 70–101.

Сложную трансформацию помещичьего хозяйства в пореформенный период подробно раскрыл Х.Ф. Усманов, приводя ряд примеров по дворянским имениям Уфимского уезда. Помещик Глумилин подводил итог, высказываясь как представитель дворянства Уфимской губернии, «разорённого Положением 19 февраля» [1861 г.][1]. В общем аграрном производстве края удельный вес помещичьих хозяйств занимал ничтожную величину. По переписи 1912–1913 гг. им принадлежало всего лишь 3,7% посевных площадей Уфимской губернии[2].

Масштабы и темпы исчезновения дворянского землевладения были бы ещё более высокими, если бы не целенаправленная поддержка дворянского сословия со стороны государства. Специально созданный в 1885 г. Государственный Дворянский земельный банк (ГДЗБ) предоставлял только дворянам ссуды под залог и перезалог своих имений. Уфимские помещики кредитовались в Самарском отделении ГДЗБ. Покровительственная политика Дворянского банка позволяла помещикам получать огромные ссуды под землю и постройки, затем перезакладывать и вторично получать ссуду (при этом многие кредитовались в частных банках[3]), после чего продавать поместье с висящей на нём задолженностью крестьянам, купцам, Крестьянскому банку.

Угроза публичных торгов и продажи имения с аукциона за неплатёж взносов, оформлявшаяся в виде объявлений в прессе, оставалась формальной. В начале XX в., за 16 лет с торгов Самарским и Саратовским отделениями ГДЗБ было продано всего 33 имения с ничтожной площадью в 42 419 дес. (из Уфимской губернии – семь поместий). Так, набравший кредитов в ГДЗБ

---

[1] См.: *Усманов Х.Ф.* Помещичье хозяйство Башкирии в пореформенный период (1861–1900 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии; *Он же.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. Гл. 5.

[2] История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. Уфа, 2007. С. 152.

[3] См.: *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Она же.* Ипотека в Российской империи. М., 2014.

князь А.А. Кугушев потратил немало средств на модернизацию своего поместья под Уфой, но в итоге проживавший в Париже владелец в 1915 г. продал имение[1].

Таким образом, для уфимского дворянства ликвидация крепостнических отношений стала смертельным ударом. Приспособиться к условиям рыночной экономики с жёсткой конкуренцией, необходимостью минимизации непроизводственных расходов смогли немногие. Помещик и литератор П.И. Добротворский отмечал, «чтобы жить доходами с имения, необходимо самому взяться за плуг и работать наравне с работниками»[2].

Несмотря на поддержку государством через Крестьянский и Дворянский банки, к началу Первой мировой войны роль уфимского дворянства в аграрном производстве сократилась до ничтожной величины. Сословные привилегии стали тормозом в преодолении дворянством осознания своей исключительности, продолжавшим требовать от государства мер поддержки.

Все эти процессы особенно остро проявлялись в среде мелкопоместного дворянства, многочисленного в Уфимском уезде (в отличие от других уездов края) и восходившего к старинному служилому люду, поселившемуся в Уфе в конце XVI–XVII вв.

Мир мелкопоместного дворянства остаётся одной из самых малоизученных страниц истории. Мелкопоместными считались владельцы, у которых по X ревизии было менее 21 мужской души и ограниченное количество земли[3]. Судьбам наиболее бедной и плохо обеспеченной землёй и крепостными части благородного сословия посвящены единичные статьи[4], редкие публикации в интернете[5], диссертация И.В. Истоминой[6], в которой констати-

---

[1] *Амирова Н.Ф.* Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.). Диссертация … канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. С. 70–71. См. также: *Павлова О.С.* Развитие государственного аграрного кредита на Южном Урале в эпоху капитализма (конец XIX – начало XX в.). Уфа, 2006.

[2] *Добротворский Пётр.* Моя исповедь. М., 1904. С. 26.

[3] *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. С. 140–141.

[4] *Морозан В.В.* Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков. СПб., 2012; *Истомина И.В., Фурсов В.Н., Перепелицын А.В.* Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 1 (120), т. 21; др.

[5] http://rus-istoria.ru/library/text/item/391-melkopomestnoe-dvoryanstvo-tsentralnogo-chernozemya-v-1850-h-nachale-1860-h-gg.

[6] См.: *Истомина И.В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX в.: по материалам Центрально-Чернозёмных губерний. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Белгород, 2013.

руется слабая изученность темы.

Окрестности Уфы являлись «вотчиной» мелкопоместного дворянства, чьи усадьбы, скорее всего, представляли собой просто достаточно крупные и более-менее комфортабельно устроенные дома с мезонином, крылечком и садиком перед входом. А изобилие древесины стимулировало деревянное зодчество.

Условия жизни части мелкопоместных дворян отличались скромным благосостоянием[1], что сказывалось на культурном уровне. Так, в январе 1865 г. план на землю «получила Коллежская Секретарша Екатерина Семёнова Кадомцева, в чём за неумением грамоты» за неё расписался приходской учитель[2].

Происходило размывание сословных границ, мелкопоместное дворянство роднилось с чиновниками, купцами, мещанами, вплоть до полного «омужичивания». Например, в январе 1814 г. после смерти юнкерши Марьи Александровны Гладышевой, по мужу Ростопчиной, было разделено имущество покойной в селениях Гладышево и Растопчино. В наследство получили (все Афонасьевны): 1) Палагея, жена из дворян не бывшего в службе Петра Смирнова – двух крепостных (20 и 12 лет); 2) Наталья, жена уфимского купца Григория Попова – 5 чел. крепостных (14, 37, 33, 5 и 6 лет), «да сверх того ей же Поповой господский ветхий деревянный дом со всем принадлежащим к нему строением», 3) Анна, жена из дворян в казачьей службе Финогена Ахмаметева – 5 чел. крепостных (мужу по доверенности); 4) Авдотья, жена отставного солдата Михайлы Нармышева – 4 чел. крепостных; 5) Агафья, жена отставного солдата Филимона Евдокимова – 5 чел. крепостных. Кроме того, двое крепостных достались не бывшему в службе солдатскому малолетку Петру Афонасьевичу Губанову, а четыре крепостных оставались в собственности находившегося «ныне в воинской службе рядового Кирилы Афонасьева сына Губанова коего часть до приезда его по сделанному извещению по согласию всех вообще, получить должна купеческая жена Наталья Попова». А мужу покойной, юнкеру Растопчину осталось всего 4 чел. крепостных[3].

---

[1] В 1850 г. при разделе наследства дворян Пахомовых достались «из движимого имения первой из нас: серебряные ложки три столовые, одну десертную и одну чайную, второй серебрянные же ковши три столовые, одну десертную и одну чайные ложки и медный самовар, третьему образ Николая Чудотворца в серебряной ризе, молочник, ковш вызолоченный, три столовые, одну десертную и одну чайную ложки серебряные и медный большой самовар» (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 628. Л. 21).

[2] Там же. Д. 633. Л. 24.

[3] Кроме того, одного крепостного сдали в рекруты, пять дворовых, «из уважении к сим женщинам, за известные их и верные к вашей Г-же их послуги», отпустили на волю, ещё несколько крепостных не поделили, движимое

В родстве с дворянкой состояли купчиха, казачка и две солдатки, причём «за неумением их грамоты» за них расписались губернский регистратор Тарас Ахмаметьев, купцы Алексей и Иван Поповы, от дворянства подписал заседатель Степан Юматов[1]. Отметим, что барская усадьба досталась купчихе.

Большинство мелкопоместных дворян сдавало свои именьица государству. При этом казна выкупала только бывших крепостных и причитавшиеся на них наделы земли. Оставшиеся угодья сохранялись за помещиками. Так, в 1863 г. Юлия Игнатьевна Григорьева сдала в казну своих 5 рев. душ крестьян сельца Любимовки и полагавшуюся им землю (22,5 дес.) из общего владения в 100 дес.[2] У неё осталось 77,5 дес.

Поэтому в данной работе приводятся сведения о землевладении мелкопоместного дворянства и после сдачи крепостных в казну. На оставшейся части поместья могли сохраняться какие-то строения. Сдача имения в казну не означала обязательной ликвидации усадьбы, хотя в большинстве случаев именно так и происходило в существовавших экономических условиях.

В данной работе свидетельством существования дворянской усадьбы выбрано наличие крепостной прислуги (дворовыми считались числившиеся таковыми по X ревизии), которая отделялась от «обычных» крестьян. При изобилии земли в Уфимской губернии имелось много ненаселённых владений[3].

История дворовых фрагментарно присутствует в монографических работах[4], изредка освещается в отдельных статьях[5] или популярных сочинениях[6].

Накануне Великой реформы всего по стране дворовых насчитывалось 7,2 (или 6,2)% от общего числа крепостного населе-

---

имущество разошлось поровну. Также без раздела остались два земельных участка: 1) при сельце Гладышево в общем владении с подпоручицей Аграфеной Кручининой в 1404 дес., из которой 1/7 часть должны отойти коллежской секретарше Марье Лазаревой, снохе покойной юнкерши Растопчиной по разделу 1804 г., 2) при сельце Баланово 112,5 дес. остаются в общем владении, за выделом 1/7 части мужу покойной.

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 778. Л. 11–12.

[2] Там же. Д. 779. Л. 4, 6, 15, 16.

[3] См., напр.: *Абсалямов Ю.М.* Ненаселённые земельные владения помещиков Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы.

[4] Напр. см.: *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 44–50.

[5] *Черкашина О.Н.* Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Вып. 19 (138), т. 24.

[6] *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011.

ния. Вопрос о судьбе дворовых рассматривался секретными комитетами в 1840-е гг. С 1844 г. помещики получили право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному согласию, а также освобождать дворовых в заложенных имениях[1].

При отмене крепостного права дворовых отделяли от «обычных» крепостных, что позволяет точно установить их количество и положение. Их отпускали на волю отдельно. Так, в марте 1861 г. в Уфе опубликовали Высочайше утверждённое «Положение об устройстве дворовых людей»[2]. Губернское по крестьянским делам присутствие постоянно разъясняло порядок ликвидации обязательных отношений между помещиками и дворовой прислугой. Например, при увольнении дворового, не способного к работе, владельцы на его содержание в первое время должны вносить мировым посредникам особую сумму в размере от 12 до 48 руб. в зависимости от возраста[3]. А в приложении к № 29 «ведомостей» напечатали образец увольнительного акта дворовых.

Дворовым предлагались три варианта решения своей судьбы: получить землю и перейти в крестьяне, сразу быть отпущенными на волю по соглашению с барином[4] и, третье, оставаться на прежних условиях в обязательных отношениях ещё два года, до 19 февраля 1863 г., после чего они отпускались на волю без всякого вознаграждения. Получали увольнение или желали надел, осесть на землю небольшое число дворовых.

В уставных грамотах встречаются письменные отказы дворовых от земли. Например, прислуга помещика Н.П. Ушакова подписала следующий документ: «1862 Года сентября 29 дня. Мы нижеподписавшиеся Оренбургской Губернии Уфимского Уезда Сельца Ростопчина Помещика Ушакова временно обязанные дворовые люди дали сию подписку господину Мировому Посреднику 4-го Участка Уфимского Уезда Березовскому в том, что мы состоя по последней X народной переписи в дворовых землёю не пользовались и получить таковой в душевой надел наровне с крестьянами отказываемся а желаем воспользоваться правами дарованными нам ВЫСОЧАЙШЕ утверждённым Положением об устройстве дворовых людей оставаясь в обязательных отношениях к владельцу до 19 Февраля 1863 года в том и подписуемся именно Иван Михайлов, Панфил Демьянов, Иван

---

[1] *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. С. 18, 63–64, 139–140 (устройство дворовых).

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1861. 25 марта.

[3] Там же. 8 апреля.

[4] После объявления о подготовке отмены крепостного права, с 1858 по 1861 г. отдельные помещики начали отпускать дворовых на волю (см.: *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 62–63).

Семёнов, Евмений Князев с сыновьями Леонтьем, Гордеем, Алексеем, Кирилою Евментиевыми, внуки Ивана Михайлова Филип и Никонор а вместо их не грамотных по личной просьбе и за себя руку приложил дворовый человек Ксенофонт Семёнов Селиванов»[1]. Среди прислуги были потомственные дворовые.

Если не было особых условий, дворовые оставались в обязательных отношениях, служили на прежних основаниях помещику ещё два года с момента указа о реформе, то есть до 19 февраля 1863 г. Анализ уставных грамот показывает, что около 85% всей крепостной прислуги согласились именно на эти условия. При всей тяжести крепостного права бывшие лакеи, повара и мажордомы не желали получать надел и землю пахать. После 1863 г. каждый устраивался как мог, переходили в мещане[2], иные сословия, или, оставаясь приписанными к обществу / волости, жили в городе. Так, в сельце Анненском Покровской волости даже в 1882 г. числился «один бывший дворовый, проживающий в г. Уфе и причисленный к их обществу»[3].

Наличие небольшого числа дворовых предполагало достаточно скромный усадебный комплекс. А состав дворовой прислуги у мелкопоместных дворян отличался от крупных имений. Например, владелица небольшого поместья в сельце Баранцево губернская секретарша Александра Андреевна Платцова в 1854 г. купила для обслуживания своей усадьбы три семьи дворовых у губернского секретаря Платцова[4]. Первая семья состояла из

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 685. Л. 19.

[2] Бывший крепостной А.М. Языкова из села Михайловского (Языково) В.Я. Абоимов в 1864 г. просил: «находясь прежде дворовым, не имел у себя ничего для домохозяйства и не имею средств уплачивать все повинности». Оказавшись в числе получивших надел, Абоимов, буквально через год после составления уставной грамоты, ходатайствовал снять с него землю и отпустить в мещане. Барин не возражал (Там же. Д. 714. Л. 21 и об.).

[3] Там же. Д. 656. Л. 18.

[4] Вероятно, А.А. Платцова только что стала обзаводиться хозяйством. Она, скорее всего, постоянно жила в сельской усадьбе. Согласно составленному Уфимским уездным исправником для Оренбургского гражданского губернатора 10 января 1849 г. списку бедных дворян (имевших по 25 и менее душ крепостных), вдова прапорщица Марья Платцова, 55 лет, «находится в деревне Платцовой, занимается хозяйством» (имела 4 рев. души крепостных и 270 дес. земли). У неё была большая семья, двое взрослых детей: сын Пётр, 27 лет, служивший в Оренбургской казённой палате (ему выделили 6 рев. душ) и 31-летняя дочь Анна, бывшая замужем за чиновником Тихановским и проживавшая в Уфе (у неё имелось 15 рев. душ, имение к югу от города), а также малолетние, проживавшие при матери: Николай (13 лет), Антон (9), Павел (4), Василий (11) и дочь Александра (13 лет) (Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 185 об.). В 1862 г. при составлении уставной грамоты в соседнем сельце Карпово за дворового человека расписался ученик зем-

одинокого мужчины Ивана Леонтьева (30 лет по предыдущей ревизии в 1850 г.) и двух сыновей: «Нестер» (4 года) и Алексей (½ года). Папашу хозяйка сразу же в 1854 г. сдала в рекруты, видимо, характером отличался беспокойным.

Вторую «семью» представлял одинокий мужчина Пётр Маркелов (51 год в 1850 г.), его тоже сразу помещица отпустила на волю. Мужиков не жаловала барыня. И, наконец, третье семейство включало одних женщин: вдову умершего Семёна Кондратьева Афимью Пахомову (-вну) и сестру покойного Семёна – Варвару Кондратьеву.

Вся дворня помещицы А.А. Платцовой в 1861 г. насчитывала четырёх человек: два подростка (по X ревизии 1858 г.) – 11-летний Нестор Иванович и 7,5-летний Алексей Иванович Леонтьевы и пара старушек: 72-летняя Афимья и 65-летняя Варвара Кондратьевы[1]. К 1861 г. они постарели ещё на три годка. За помещицей в маленькой усадьбе ухаживали, вели скромное хозяйство две пожилые женщины и братцы подростки в подмогу. Ни одной полноценной семьи.

Можно предположить, что для мелкопоместного дворянства вообще достаточно было иметь в числе дворовых женщин с подростками. Скромное домашнее хозяйство просто не требовало большого числа рабочих рук, в первую очередь взрослых мужчин, содержание которых обходилось дорого (и было опасно).

Сходную ситуацию видим в дер. Жилино в маленьком поместье коллежской ассесорши Александры Алексеевны Поповой (урождённой Пыпиной). При ликвидации крепостных отношений в дворовой прислуге значились девка Авдотья Иванова (42 года в 1858 г. по X ревизии), у которой были незаконнорождённые сыновья Алексей (14 лет) и Кирила (13 лет), старшего сына Петра ещё в 1855 г. барыня сдала в рекруты. Вторую семью она купила в 1857 г. у дворянки Аничковой, которая тоже была «неполной» и включала Фёдора Алексеева (23 года) и сестёр его Василису (19 лет) и Агафью (17 лет)[2].

Внутренний мир мелкопоместного уфимского дворянства раскрыт в небольшом очерке «Святки» местного уроженца, писателя и общественного деятеля Михаила Ларионовича Михайлова (1829–1865). В возрасте десяти лет его отправили зимой погостить к бабушке по материнской линии в подгородную деревню

лемеротаксаторского класса А. Платцов (Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 628. Л. 12). Анна Гавриловна Тихановская при дер. Платцово сохраняла поместье в 72 дес. 1939 саж. до 1881 г. (Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение).

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 625. Л. 7–9.

[2] Там же. Д. 723. Л. 22–25.

Кирилловку, владение старинного уфимского дворянского рода князей Ураковых. Мать писателя – Ольга Васильевна являлась дочерью генерал-лейтенанта Василия Егоровича Уракова.

В начале XIX в. три брата князья Ураковы – подпоручик Михаил Егорович († 1808), генерал-майор Афанасий Егорович († 1826) и генерал-лейтенант Василий Егорович Ураковы владели поместьями за рекой Уфимкой при селе Касимово[1].

Юный Михаил Михайлов посетил бабушку Алёну Михайловну в Кирилловке около 1840 г., уже овдовевшую к тому времени. Его очерк «Святки»[2], впервые опубликованный в 1853 г., позволяет увидеть патриархальную жизнь небогатой уфимской помещицы. Бабушка жила одна в окружении трёх девушек-воспитанниц и прислуги («многочисленной дворни») – нянюшки Фоминишны (её «все в доме звали нянюшкой, хотя она решительно никого в этом доме не нянчила»), выполнявшей функции экономки, затем дворецкого Давыдыча, носившего толстую серьгу (возможно, бывший матрос из прислуги покойного мужа-военного), нескольких[3] горничных девушек и приходивших крепостных: Устиньи-птичницы, мастерицы рассказывать сказки, певиц «старостины Маланьи» (жена старосты), да Любови Куприяновой с Фёклой Потаповой. В очерке, как и в приведённых выше документах, почти нет мужских персонажей из крепостных. Девушки-горничные шили одежду, занимались домашними делами, а случавшуюся мужскую работу, скорее всего, выполняли приглашавшиеся крепостные мужики из деревни.

Судя по очерку, описывающему зимнее время, помещица, вдова княгиня Уракова постоянно проживала в Кирилловке, жилья в городе не держала. «Главным свойством бабушки моей была примерная, редкая в наше время, доброта». Но память о супруге-военном оставалась: «бабушка любила в мужчине отважность и воинственность». Престарелая помещица брала на своё попечение и полный пансион сирот или детей бедных знакомых, много «девушек-сироток воспитала бабушка на своих глазах и уже пристроила, то есть выдала замуж за хороших, надёжных людей». Были у неё и два воспитанника, первый «что-то

---

[1] См.: Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 39; *Свице Я.С.* Сохранившиеся надгробные памятники при церквях и музеях Уфы // Там же. С. 76–77.

[2] Здесь и далее: *Михайлов М.Л.* По своей воле… Уфа, 1989. С. 60–97.

[3] «Часов в шесть вечера в уютной и тёплой комнатке бабушки стояло уже около стены девушек семь-восемь, в праздничных сарафанах, с праздничными рукавами и вспотевшими шеями». В усадебном доме существовала особая девичья комната, вечером светлая «от множества свечей на длинных столах, за которыми сидело за работой чуть не двенадцать горничных».

неудачный вышел», а второй служил офицером. Как раз в ту зиму, что гостил юный Миша Михайлов в Кирилловке, последний (Александр Васильевич) приехал навестить бабушку, а та поженила его на своей воспитаннице.

Образ жизни в Кирилловке, которой руководила престарелая (72 года), седая, беззубая бабушка, «по вечерам бабушка смотрела на свой чулок, на гранпасьянс и даже на воспитанниц своих и на меня сквозь круглые, как два пятака, очки в неуклюжей серебряной оправе», М.Л. Михайлов специально обрисует в главе «Как жилось у бабушки». Однообразная и скучная жизнь небогатой уфимской помещицы, однако, автору спустя годы вспоминалась как просто прелестная.

«Все мы ещё до рассвета поднимались с постелей – все, начиная с самой хозяйки и оканчивая последним членом многочисленной дворни; по всему дому начинали трещать и щёлкать затопленные и затапливаемые печи; бабушка, успев прежде меня и своих воспитанниц умыться, одеться и богу помолиться, садилась, как водится, с ножками на своё обыкновенное место – на мягкий диван; перед нею ставили шумный самовар и две свечи, и, приготовив чай, она ждала нас… Мы не медлили: вставать так рано никому не казалось трудным, потому что все и ложились очень рано. Облобызав благотворительную руку бабушки и получив поцелуй в щёку от её милых, хотя и жёстких уст, я не думал долго и принимался истреблять ужасающие (но не ужасавшие) количества сдобных лепёшек, булок с маслом, кусков вчерашнего слоёного пирога с вареньем и прочего и прочего, запивая всё это чаем с густыми сливками; к которым не забывал прибавлять ещё и жирных пенок из особого молочника. Три девицы, да и сама бабушка, если не превосходили меня аппетитом, то, конечно, равнялись им со мной».

В доме мелкопоместной дворянки хозяйство явно имело черты полунатурального. У здешнего торгаша, «странствовавшего с разным товаром раза два в год по окрестным деревням и для почину заезжавшего обыкновенно в Кирилловку», бабушка покупала «всякие ситчики да холстиночки на платье своим воспитанницам, также и косыночки; если же случатся хорошие серёжки – то и серёжки купит. Об одежде для самой себя бабушке нечего было заботиться: у неё в сундуках хранилось несколько ватных капотов, которым, как она говорила износу нет; вот разве кисейки или полубатисту придётся купить для чепца».

Воспитанницы были одеты просто, всё шилось дома, покрой платьев неприхотливый, но юные девы и в них смотрелись хорошо. На праздник для девушек находились белые кисейные платья, голубые косыночки на шею «и даже – вообразите – здо-

ровые талии их были охвачены голубыми ленточными поясами». Отправляясь к обедне в соседнее село (Касимово) бабушка одевала лисью шубу.

Всё своё было и на столе. «На столе перед бабушкой тарелок десять с вареньем разных сортов, пастилами, орехами, изюмом и, вынимая оттуда по ягодке, наслаждаюсь, как гастроном» – вспоминал будущий писатель, чьи революционные увлечения не совпадали с кулинарными. Певиц обносили медовым вареньем, значит и пасеку держали. «Отведай-ка! Сама, мой милый, варила – розовый цвет» – угощала помещица. В специальной кладовой хранились вишнёвая пастила, да и бутылочки с наливкой. Без сомнения, домашней.

Распорядок дня писатель тоже вспоминал не без удовольствия. «Скоро проходило время от утреннего чая до завтрака. (Чай, лепёшки et caetera были сами по себе, а завтрак сам по себе). Я посвящал обыкновенно это время скаканью в зале со стула на стул. Никому и в голову не приходило остановить меня и посадить десятилетнего болвана за дело, за книгу; сомнительно, впрочем, был ли хоть один печатный лист во всём доме. Никто решительно не заботился и о том, что я разучусь писать по двум линейкам, забуду две басни Лафонтена и три басни Крылова, которые знаю наизусть, не буду уметь отвечать на внезапный вопрос: какой, мол, главный город в Китайской империи? или: лентяй – какая часть речи? или: восемью девять – сколько? Никому до всего этого не было дела. Весело дитя, здорово, резвится, играет – и слава Богу, – чего же ещё больше? Бабушка если и слыхала встарь, что есть такая мудрёная наука, как география, грамматика и арифметика, то, конечно, давно забыла».

Так шли дни. Дитя беспечно скакало, «бабушка отдавала распоряжения по хозяйству, а барышни занимались своим туалетом: расчёсывали и заплетали косы, одевались в ситцевые или холстинковые платьица. К чаю являлись они в спальных чепцах, из-под которых выбивались спутанные волосы, в утренних полинявших капотах, с накинутыми на плечи поношенными кацавейками, отороченными бледным подражанием горностаю. Уже за завтраком видел я их во всей красе, во всём уборе».

Не мог, конечно, М.Л. Михайлов пропустить самое святое – обеды и ужины. А тут… «Пироги с говядиной, с капустой, с морковью и яйцами, яичница, шипящая на огромной сковороде – всё это не казалось тогда тяжёлой пищей моему желудку, что нисколько и неудивительно, как вспомнишь, что даже сама бабушка весь этот обильный завтрак называла не иначе, как лёгонькой закуской».

Автор даже «страшился сделать рассказ свой» похожим на

поваренную книгу, пересказывая «содержание наших деревенских обедов и ужинов и исчислил бы все разнообразные кушанья, которые приготовлялись ежедневно на бабушкиной кухне: от жирнейшего супа с курицей и потрохами и до варёных в сахаре груш, с такими густыми сливками, что в них довольно твёрдо может стоять деревянная ложка».

В перерывах между поглощением пищи бабушка с воспитанницами вязали, кто чулок, кто ещё что, вели бесконечные беседы, «пока дворецкий Давыдыч» не появлялся «в дверях и не докладывал, что кушанье подано на стол». Днём спали, естественно. Вечером – самовар, разговоры, гранпасьянс и рукоделья, затем игра в карты…

«– А не пора ли ужинать?

– Пора.

Следовательно, пора и спать.

Вот и ещё денёк прожили – и слава богу!»

И, вдруг, грянул 1861-й год. Началась Великая реформа, мир мелкопоместного дворянства растаял как дым.

При изучении дворянской усадьбы Уфимского уезда во второй половине XIX в. исключаются ненаселённые имения, владельцы которых не имели крепостных. Их насчитывалось не мало, особенно к северу и востоку от Уфы, а также среди старого мелкопоместного дворянства. Нередко там возводились обширные усадебные комплексы. К примеру, на правом берегу реки Уфы, ниже дер. Каргиной, между Уфимкой и её притоком речкой Усой (на ней стояла мельница), к северу от города на площади в 245 дес. раскинулось имение надворной советницы Иозефины Антоновны Ващенко (муж был крупным судебным чиновником). Хозяйка проживала в Уфе, в доме купца Суркова, а на усадьбе выстроили «дом с мезонином, три избы, анбар, каретник и разные службы для помещения лошадей, рогатого скота, овец, птицы и пчёл»[1]. Эти ненаселённые поместья не подпадали под реформу 1861 г., поэтому информация о дворянских имениях без крепостных будет приводиться фрагментарно.

Среди окружавших Уфу в 1861 г. трёх сотен дворянских поместий выделялись крупные имения, где велось значительное аграрное производство и были выстроены, но не всегда, внушительные усадебные комплексы. Дворянские имения с числом крепостных свыше 100 душ были подробно обследованы, а материалы опубликованы. В данной работе эти описания приводятся в конце. Всего подобных многодушевых владельцев вокруг Уфы оказалось 33 (сравнение источников показывает, что в

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1861. 30 сентября.

приложения к трудам Редакционных комиссий вошли не все поместья со 100 и более душ крепостных).

Вторым отправным источником послужит публикация в издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» в 1861 г. списка помещичьих имений Уфимского уезда, где указано количество дворовых душ по каждому владению. Эта информация сопоставлена с уставными грамотами и, реже, выкупными сделками, обследованных сплошняком.

Дальнейшее исследование судеб дворянских усадеб Уфимского уезда будет проводиться по этим источникам без выделения отдельных сносок[1] (исключая архивы). Кроме того, привлечены коллективная монография по помещикам Уфимской губернии, материалы земских переписей, списки населённых мест, адрес-календари и иная справочная литература[2].

Земли вокруг Уфы различались по географическим характеристикам и историческому развитию, поэтому в данной книге изучен усадебный мир помещиков к востоку и северу от города.

---

[1] Приложения к трудам Редакционных коммиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. II. Извлечения из описаний имений, по великороссийским губерниям. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния. С. 2–5; Река времени. 2011 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011.

[2] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013; Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 70–101; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. Уфимский уезд; Полный список населённых мест Уфимской губернии. Уфа, 1896; Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Т. I. Уфимский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных изследований 1895–96 годов / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа, 1898; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901; Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года. Оренбург, б. г.; Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г.; Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии) / Сост. П.Г. Резанцовым. Уфа, 1873.

Глава I. Восток, за рекой Уфимкой

Восточная часть Уфимского уезда лежала за глубокой, окружённой приречной урёмой, многоводной рекой Уфой, далее за которой начинались леса Уральских гор. Хотя дворяне уже с рубежа XVI–XVII вв. получали здесь землю и основывали поместья, главным преимуществом данной местности была безопасность от набегов кочевников или бунтовавших южных башкир.

Почвы в Зауфимье не самые плодородные, требовалось корчевать лес, часты многоснежные зимы. Имения не приносили больших доходов, значительную часть поместий составляли чащобы, собственное хозяйство дворян требовало затрат.

Даже надёжных транспортных путей на восток от города, отрезанного широкой поймой реки Уфимки, долгое время не существовало. Древнейшая гужевая дорога через Уральские горы, как раз проходившая по этой местности[1], затем была заброшена, основной гужевой путь из Уфы в Челябинск пролегал западнее, делая большой крюк к северу, далеко огибая труднодоступные кряжи южноуральских хребтов. Лишь строительство в 1888–1890 гг. железной дороги, прошедшей сквозь самые горы, открыло удобные пути сообщения с Зауфимьем через железнодорожные станции Иглино, Шакша и др.

После установления в пореформенный период единого административно-территориального деления, бывшие помещичьи селения оказались в составе только двух волостей: Иглинской (сначала именовалась Архангельской) и Нагаевской. Рассмотрим сначала *Иглинскую волость*.

Сразу за рекой Уфимкой почти напротив села Богородского лежала большая деревня Базилевка (Отрада, Тимофеевка), в 1990-е гг. вошедшая в состав городской территории. Там в 1861 г. располагалось поместье С.П. Тимофеевой, которую обслуживал серьёзный штат дворовых из 65 чел. (28 муж., 37 жен.).

До Тимофеевых Отрада была родовой вотчиной, центром владений знаменитого семейства уфимских дворян Пекарских. По сведениям П.В. Егорова, коренные жители помнили, что их предки – люди Пекарских, с ударением на первый слог. В воспоминаниях академика П.П. Пекарского сохранилось описание поездок его деда Н.Н. Пекарского из городского дома в загородное имение через Дудкину гору. А отец «Пётр Николаевич был известен уфимским старожилам своим хлебосольством и госте-

[1] Через Дудкин перевоз и Каменную переправу. См.: *Вассин Б.А., Вассин И.Б.* Из истории заселения Южного Урала (ранние миграции русского крестьянства) // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014.

приимством: деревню его около Уфы "Отраду" знали там и стар, и млад; но эта широкая жизнь с разными барскими затеями в роде: домашнего оркестра музыки, псовой охоты, оранжерей и теплиц и т. п. разстроили состояние Пекарского, и Отрада, которую он так лелеял, с которой так сжился, под конец его жизни была продана. Теперь [конец 1860-х гг.] Отрадинский барский дом, который после продажи его Пекарскими пробовали испортить разными пристроечками и башенками, – это[т] дом стоит в запустении и быстро приходит к разрушению. В саду, в былые времена на славу разчищенном и подстриженном на удивление всех соседей, теперь заведён пчельник; и только великолепные столетние берёзы и сосны – безмолвные свидетели помещичьего раздолья и приволья – высоко поднимают свои вершины и смело переносят и запустение и небрежение»[1].

Новые хозяева, как очевидно из воспоминаний, сначала пытались обосноваться в купленном имении, но в 1856 г. переехали в Москву. У Тимофеевой имелись также поместья в Пензенской и Тамбовской губерниях, а сама хозяйка постоянно проживала (на 1868 г.) «в Москве, Сущевской части, 1-го квартала, в собственном доме»[2]. Софья Платоновна была замужем за Алексеем Васильевичем Тимофеевым (1812–1883), известным в своё время литератором, служившим в Уфе губернским прокурором (на 1851 г.). Затем его переводят в Москву[3]. Тимофеев печатался в литературных журналах, к его поэзии обращались А.С. Даргомыжский и А.Е. Варламов, на стихи Тимофеева создан ряд романсов[4]. Творчество и личность поэта привлекали внимание современников[5], о нём выходили статьи в энциклопедиях и работы литературоведов, издавались его сочинения[6].

Накануне реформы 1861 г. владельцы здесь не проживали, а С.П. Тимофеева, видимо, в дела не вмешивалась, хозяйством заправлял сельский староста. Все мужики были на барщине. Кроме 552 дес. пахотной земли, находившейся в пользовании крестьян, у самой хозяйки имелось ещё 659 дес. своих сельхозу-

---

[1] *Пекарский П.П.* Известие об уфимских дворянах Пекарских // *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел V. С. 309, 315–316.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 663. Л. 25 об., 59.

[3] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 306–307.

[4] См.: *Карпова Е.К.* Поэзия Алексея Тимофеева в музыке (исторический экскурс) // Из истории русской музыки. 2015. № 1 (18). С. 64–66.

[5] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С. 306.

[6] Поэты 1820–1830-х годов / общ. ред. Л.Я. Гинзбург, биогр. справки, сост., подготовка текста и прим. В.С. Киселёва-Сергенина. Т. 2. Л., 1972.

годий[1]. Доход с этих земель, обрабатывавшихся крепостными, был немалым. Так что большой штат прислуги, даже при отсутствии самой помещицы, требовался для многочисленных хозяйственных надобностей (приём, хранение, продажа зерна и пр.).

После отмены крепостного права, лишь к августу 1867 г. жители сельца Отрада (219 мужских душ по последней ревизии 1858 г.) договорились с действительной статской советницей Софьей Платоновной Тимофеевой о выкупе земли за 26 280 руб.[2] Видимо, помещица в 1860-е гг. наняла управляющего, так как в 1868 г. в Уфимской палате уголовного и гражданского суда слушалось дело «о взыскании поверенным Действительной Статской Советницы Тимофеевой, отставным Майором Андрюковым, с Уфимского мещанина Поликарпа Архипова 1765 р. 74 коп., по управлению имением Г. Тимофеевой»[3].

Судя по жалобе одного из бывших дворовых, часть их проживала «вместе с крестьянами, и отбывали наравне с ними господские повинности». В тексте уставной грамоты, составленной в июле 1862 г., упоминается «усадьба Г-жи Тимофеевой», господские угодья (мельница, лес), в Базилевке имелось два пруда, один созданный мельничной плотиной, площадью в 2 и 9 дес.[4]

В 1874 г. за г-жой Тимофеевой при с. Отраде числилось 1984 дес., в 1881 г. Софье Платоновне Тимофеевой принадлежало более 2569 дес. Но во время земского обследования 1895 г. дворяне Тимофеевы не значатся среди землевладельцев[5]. Памятью о них стало именование местного сельского общества Тимофеевским. По всей видимости, барская усадьба была заброшена сразу после ликвидации крепостного права. Наверняка, какое-то время в ней проживал управляющий, небезызвестный П. Архипов. Постройки ветшали или распродавались, садово-парковый ансамбль тоже, наверняка, быстро извели. Деревня Базилевка лежит на возвышенной надпойменной террасе возле старицы Уфимки – озера Мелкого. Скорее всего, барский дом стоял окнами на луга, озерцо и реку Уфу, за которой виднелись купола храма села Богородского. «В 1972 г. Г.Ф. Гудков был в

---

[1] Часть земель находилась в совместном владении, шло размежевание. Так, на лето 1861 г. специальному межеванию подлежали 274 дес. земли «пустоши Островной поляны при селе Касимове, Никольское тож», собственниками которых были статская советница Тимофеева, удельный крестьянин Кузьма Кадомцев и мещанка Анна Филогреева. В июле 1860 г. суд утвердил границы (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 20 мая).

[2] Уфимские губернские ведомости. 1867. 14 октября.

[3] Там же. 1868. 9 марта.

[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 663. Л. 5 и об., 6 и об., 8 об., 75 об.

[5] Землю купил Ф.И. Базилевский. Отсюда название деревни.

этом селе. На окраине за деревянной церковью, на пригорке, находилось место бывшей усадьбы Пекарских. Еле заметные следы, низкорослые побеги сирени напоминали об этом»[1].

К востоку от села Юрмаш (Русский), к храму которого были приписаны жители, лежала небольшая деревушка Баранцево (она же Платцево, Надеждино). В 1861 г. там находились два маленьких именьица с общей земельной дачей Платцовой (4 чел. дворовых) и Тихановой[2] (17 чел.), причём Платцова постоянно проживала в деревне. На карте 1945 г. видно, что Баранцево состояло из двух улиц, соединяющихся под углом в 90°. Видимо, сохранялось наследие прежней поселенческой структуры, бывшие крепостные образовали два отдельных общества: Баранцевское (24 рев. души) и Платцевское (10 рев. душ).

Платцева уже к январю 1865 г. договорилась с крестьянами Баранцево о выкупе за 2280 руб. и 26 апреля 1865 г. выкупная сделка была утверждена в Петербурге[3]. Осенью 1865 г. заключили сделку о выкупе бывшие крепостные Баранцево и с г-жой Тихановой[4]. У последней велось хозяйство, в уставной грамоте встречаем: «близ гумна Г-жи Тихановой»[5], помещичья усадьба имелась[6]. Дворовые коллежской ассесорши Надежды Петровны Тихановой земли не захотели[7], с крестьянами (24 рев. души) договорились о выкупе за 2880 руб. в 1866 г.[8]

Видимо, на 1861 г. в Баранцево стояла усадебка Платцовой, где хозяйка вела скромное существование. А дворовые Тихановой, скорее всего, просто обслуживали хозяйственный комплекс. С 1880-х гг. обе помещицы не упоминаются. Наверняка, как только разделились с крепостными, дворяне уехали.

---

[1] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С. 307.

[2] В 1851 г. заседателем от дворянства в Палате гражданского суда в Уфе служил Николай Фёдорович Тиханов. Имение Тихановой, скорее всего, раньше принадлежало капитану Михаилу Петровичу Баранцеву (9 рев. душ), которое в 1851 г. было выставлено на торги за долг (1715 руб. с процентами с 1844 г.) титулярной советнице Анне Матвеевне Вавиловой (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 3 мая). Его отец титулярный советник Пётр Дмитриевич Баранцев в 1824–1826 гг. избирался Уфимским уездным предводителем дворянства (*Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 117).

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1865. 6, 20 марта; Уфимские губернские ведомости. 1865. 17 июля.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1865. 20 ноября.

[5] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 625. Л. 3.

[6] Это подтверждает объявление о продаже 400 дес. леса г-жи Тихановой при сельце Баранцево «с господским домом, надворным строением» и мельницей (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 10 февраля).

[7] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 646. Л. 2, 5.

[8] Уфимские губернские ведомости. 1866. 1 января, 19 марта.

При попытке воссоздать мир дворянской усадьбы необходимо учитывать, что само понятие «населённый пункт» в до- и пореформенный периоды существенно различалось. При крепостном праве чёткое определение села и деревни относилось только к государственным, удельным крестьянам и пр.

Помещичья усадьба представляла из себя совершенно иной мир. Дворянское поместье, часто включавшее целый комплекс строений на обширной площади, могло находиться в отдалении от селения крепостных, что обычно и делалось, дабы изолировать мир культуры и изящества от грубого мужицкого бытия. При значительных размерах усадьбы, возле неё вырастал небольшой посёлок дворовых (горничных, лакеев, поваров и пр.), если им не находилось место внутри дома. Кроме того, земли дворянского поместья нередко лежали чересполосно с владениями иных господ, государственных крестьян, казны и пр.

Вокруг Уфы было несколько подобных примеров, когда по-соседству вырастали дворянские усадьбы, чаще всего родственников, создавая своеобразный коттеджный посёлок, в отдалении от которого раскинулись угодья и домишки крепостных.

По долине речки Таушки, примерно от современной железнодорожной станции Тауш вверх по течению лежали владения нескольких мелких помещиков. На 1861 г. они были объединены под единым именем Тауш (Аничково, Черенково, Грибовка), теперь совр. селение Грибовка. После отмены крепостного права бывшие господские крестьяне, получив землю и волю, составили отдельные селения / общества с собственной землёй и управлением. На пятерых господ: Угличинину, Грибовскую, Кадомцеву, Дудареву (правильно, Дударь) и Шильникова пришлось четыре селения: две Грибовки, Черенково, Шильниково. А выше по течению речки Таушки находился второй Тауш (Кадомцево тож), где размещались ещё шесть мелких поместий дворян[1].

Разбросанность мелких дворянских поместий, когда усадь-

---

[1] На самом деле дворянских владений при Тауше было больше, у прочих не имелось крепостных, но часто стояли усадебные комплексы. Так, на 1861 г. около Тауша находилось владение площадью около 100 дес. «с господским домом» и «флигелем с постройками». Поместье образовалось в результате дарения, когда коллежский ассесор Павел Иванович Курочкин (его имение лежало около Касимово) подарил эту землю воспитаннику князя Уракова Александру Афанасьеву с условием, «чтобы ему каждогодно накашивать на ней по 300 копен сена. Вместо этого права Г. Курочкин просил отмежевать ему 30 десятин отдельным участком» (что и исполнили в начале 1860-х гг.).

От Афанасьева участок перешёл к Юлии Алексеевне Корецкой, а после её кончины (детей не имелось) владение досталось сестре Марии Алексеевне Сухановой в 1862 г. Ей принадлежало также сельцо Белорецкое (подробнее см. там) (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 675. Л. 1, 9 и об., 11, 49 об.).

ба, полевая земля, деревня крепостных могли находиться отдельными участками, подтверждают данные о поместье поручика Д. Шильникова. «Имение это состоит Уфимского уезда в сельце Тауше и особо, также при сельце Тауше 17 ½ дес.», специально оговаривалось в судебном извещении[1]. Добавим, что дворянские владения по речке Таушке разрывались землями удельных крестьян деревень Алаторки и Караганки.

Внизу р. Таушки, возле железнодорожной станции Тауш образовались две Грибовки: Грибовка (Дудоровка) – Грибовское общество (7 рев. душ) и Грибовка (Кадомцево) – 18 рев. душ. Так как на 1861 г. помещицы Грибовская и Кадомцева владели маленьким поместьицем сообща, то 16 чел. дворовой прислуги исполняли запросы двух сестёр. Хозяйством управлял сельский староста. Получив землю в отдельности от каждой барыни, мужики и образовали две Грибовки.

При составлении уставной грамоты в сентябре 1862 г. обе помещицы Юлия Ивановна Кадомцева и «из дворян девица» Лидия Ивановна Грибовская активно сокращали число дворовых (6 муж. душ). Имение они унаследовали от штабс-капитанши Натальи Ивановны Грибовской. Сразу после объявления реформы трое дворовых записались в мещане, одного перевели в дер. Шильниково, двое оставшихся были исключены из числа дворовых и причислены к волости с 6-летнею льготой[2]. Фактически за имевшейся усадьбой уже некому оставалось следить, очевидно, хозяева взяли курс на ликвидацию поместья.

Когда в августе 1869 г. Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие утвердило договор о выкупе крестьян сельца Грибовского (18 рев. душ), ссуду в 1190 руб. 50 коп. просили для владельцев: жены титулярного советника Лидии Ивановны Сокуровой (бывшая девица Грибовская) и вдовы губернского секретаря Юлии Ивановны Кадомцевой, по второму мужу Рагозиной, урождённой Грибовской[3].

Рядом с Грибовкой было владение Дударевой / Дударь с 5 чел. дворовых. Титулярная советница Прасковья Ивановна Дударь по X ревизии имела 3 рев. души дворовых, из них две продала поручику Шильникову. Оставшийся дворовый человек Дмитрий Васильев отказался от надела, «никогда землёй не пользовался, платил оброк», заявлял он в 1862 г. Крохотное име-

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1865. 13 ноября.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 664. Л. 1а, 4, 5 об., 13; Д. 821. Л. 3, 7, 12.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1869. 27 сентября; 1870. 21 марта. В 1836 г. в Уфе градскую полицию возглавлял полицмейстер штабс-капитан Иван Абрамович Грибовский (награды – ордена Св. Анны 3-й и 4-й ст., медали за войну 1812 г. и турецкую компанию).

ние поступило в казну в 1862 г. за 1050 руб.[1] Если и была маленькая усадьба, она тогда же была ликвидирована.

По-соседству с землями П.И. Дударь располагалась деревушка Шильниково, при описании границ говорилось: «от усадебной земли Г. Шильникова»[2] (19 чел. дворовых[3]). Владелец имения поручик Дмитрий Иванович Шильников скончался приблизительно в 1865 г. В ноябре Уфимский уездный суд разыскивал наследников и кредиторов к имению, где при сельце Тауш в «господском доме и прочем строении» когда-то жили хозяева. Дела у поручика шли далеко не блестяще, он заложил имение в Санкт-Петербургской сохранной казне ещё до реформы 1861 г., набрал долгов (по 300 руб. у уволенного от службы сотника Петра Викулова и коллежской ассесорши Марьи Веселовской). В итоге, в октябре 1865 г. имение было выставлено на продажу[4]. Никто его не брал и на 10 марта 1867 г. назначили новые торги. В числе кредиторов поручика оказалась его жена поручица Шильникова, предъявившая иск на 800 руб., а Уфимское дворянское депутатское собрание потребовало 57 руб. 99 ½ коп.[5] В марте 1869 г. говорилось о господах Шильниковых[6] (земли за ними сохранялись до середины 1870-х гг.).

Самое крупное поместье принадлежало в Тауше представительнице известного уфимского дворянского семейства Угличининой (753 дес. земли и 104 души крепостных крестьян), дворовых не имелось, но усадьба была. Имением управлял отставной унтер-офицер Гулин.

Растянувшаяся на десятилетие ликвидация крепостничества сопровождалась различными переходами земли (женитьба, наследование после смерти, завещание и пр.). Так, 19 ревизских душ сельца Тауш, Черенково тож, летом 1869 г. заключили договор о выкупе на 2099 руб. 40 коп. с губернской секретаршей Авдотьей Кириловной Хорошкевич, которой не было в числе дворян-душевладельцев на 1861 г. В октябре 1869 г. за эту выкупную ссуду жители сельца Тауш (Черниково, Шильниково и Аничьково тож) получили 76 дес. земли[7].

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 2, 6, 8 об., 12, 14. Рядом, «налево усадебная земля Г. Кадомцевой» (Там же. Л. 4). Уставную грамоту за сельчан подписал коллежский регистратор Алексей Петрович Забусов (Там же. Л. 6).
[2] Там же. Л. 3 об.
[3] В 1861 г. причислены «дворовых три души», всего стало 10. Двое пожелали получить надел (Там же. Д. 740. Л. 3 и об., 25). Значит усадьба имелась.
[4] Уфимские губернские ведомости. 1865. 13 ноября.
[5] Там же. 1867. 14 января.
[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 740. Л. 29.
[7] Уфимские губернские ведомости. 1869. 27 сентября, 27 декабря.

В 1874 г. при дер. Черенково большим количеством земли владел Александр Егорович Угличинин, но дворовые у Угличининых на 1861 г. не числились. Однако, материалы показывают наличие жилой усадьбы, значит помещики обходились без крепостной прислуги (были вольнонаёмные или функции дворни исполняли крестьяне). При размежевании указано, что «отстоит от господской усадьбы на 5 саж. двор» Никиты Яковлева[1].

Имение отставного штабс-ротмистра Александра Егоровича Угличинина при сельце Аничково, Тауш сформировалось из двух частей. В декабре 1833 г. вдова титулярного советника Анна Дмитриевна Угличинина[2] купила неподалёку участок в 120 дес. под названием «Уръ», а 17 февраля 1861 г. по дарственной записи сам А.Е. Угличинин получил 388 дес., итого 508 дес. Долю матери он унаследовал в июле 1879 г. Сам же лишь к июню 1865 г. оформил выкуп своих крепостных за 2710 руб.[3]

В 1880-е гг. он дважды брал ссуды под залог имения: в 1882 г. переоформляет старый залог (1870 г.) под 388 дес. в Обществе взаимного поземельного кредита на 2350 руб., а в 1886 г. под залог этой же земли берёт 2 тыс. руб. на два года у уфимского купца С.Л. Сахарова.

Рассчитаться не может и обращается в Дворянский банк за новым залогом. Оценщик в августе 1887 г. произвёл осмотр имения А.Е. Угличинина. В обширной усадьбе на площади 8 дес. стояли полуразрушенные постройки из рубленого леса, которые «нуждаются в солидном ремонте, так как теперь они разваливаются». Однако, список строений достаточно внушительный. Усадьба А.Е. Угличинина возле Тауша включала: дом деревянный на бутовом фундаменте, крытый тёсом, флигель, погреб, амбар, баню (все крыты тёсом), флигель с железной крышей, зерносушилку, службы, амбар, кухню, каретник и конюшню (все крыты тёсом), а также два амбара, крытых соломой. На земле Угличинина стояли лавка и кабак, единственные застрахованные, видимо, как самые ценные. Плохое состояние старых построек позволяет предположить, что они стояли уже в 1860-е гг. По плану конца 1880-х гг. хутор Угличинина находился севернее железной дороги и сельца, на старом тракте из Уфы в Челябу. Можно предположить, что А.Е. Угличинин выстроил в пореформенные годы новый хутор в стороне от деревни.

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 647. Л. 5 (1862 г.).

[2] У неё ещё имелся участок земли в 200 дес. возле села Нагаево, который она заложила в 1848 г. за 450 руб. в Уфимском попечительном о бедных комитете на три года, но не расплатилась, и землю выставили на торги (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 22 апреля).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1865. 21 августа.

В 1887 г. Дворянский банк выдал А.Е. Угличинину ссуду под залог поместья в 9600 руб., в 1889 г. он продаёт 15 дес. 1241 саж. под полотно железной дороги, прорезавшей его владения, а 20 октября 1890 г. А.Е. Угличинин скончался.

Над имением учреждается опека (опекуны А.В. Новиков, затем Пётр Евлампиевич Головизнин), наследниками в 1892 г. суд утвердил Виктора[1], Григория, Леонида и Анатолия Угличининых, а также дочерей – Дарью Никулину, Софью Соколову, Александру и Веру Угличининых.

В декабре 1893 г. имение по частям купили дворянин Павел Павлович Подашевский[2] (100 дес.), коллежский ассесор Аристарх Аверьянович Куровский (59,5 дес.) и многие крестьяне[3].

Сложной была судьба второго Тауша (Кадомцево тож), где в 1861 г. располагались маленькие поместья Васильевой и Ждановой (без дворовых), Кадомцевых (одна крепостная дворовая женщина), Судоплатовой (7 чел. дворовых), Щиголевых[4] (8 чел.), а также Баранцевой, у которой не было ни земли, ни крепостных крестьян, однако имелось 8 чел. дворовой прислуги. Накануне реформы в деревне жили Николай Васильев и Евгений Кадомцев, они и управляли всеми этими маленькими имениями.

Вероятно, в источнике допущена опечатка. Речь идёт не о Евгении Кадомцеве, а о коллежском секретаре Евмении Карповиче Кадомцеве (рядом находилось владение канцеляриста Фёдора Дмитриевича Кадомцева[5]). Согласно уставной грамоте за

---

[1] Виктор Александрович Угличинин в июне 1892 г. сообщал адрес: «Живу в г. Уфе Большая Успенская ул. д. Уваровой».

[2] На 1881 г. его отец Павел Иванович Подашевский при дер. Тауш имел участок земли в 20 дес. 834 саж. (Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение).

[3] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 84. Л. 1 об., 2 об., 14 и об., 24, 26, 29а, 29б и об., 29д, 39 об., 116 и об., 120, 342.

[4] В декабре 1867 г. Уфимский уездный суд разыскивал наследников и кредиторов умершего титулярного советника Василия Екимовича Щеголева, после которого остались 20 дес. земли при сельце Тауш (Кадомцево тоже), деревянный дом в 1-й части Уфы и пр. (Уфимские губернские ведомости. 1867. 10 декабря).

[5] При сельце Тауш и речке Чуручейке, рядом с владениями Ф.Д. Кадомцева, прапорщика Ионы Васильевича Кадомцева, крестьян деревень Караганки и Алаторки, а также отставного коллежского регистратора Николая Ионовича Кадомцева и Натальи Фёдоровны Кадомцевой лежало ещё одно крохотное дворянское владение площадью всего в 4,5 дес. с одной душой (муж. пола) крепостных. Это поместье не вошло в перечень газетной публикации, видимо, из-за своих микроскопических размеров. В ноябре 1862 г. оно было выкуплено казной всего-навсего за 150 руб.

Принадлежало именьице коллежской секретарше Татьяне Осиповне Киржацкой и губернской секретарше Анне Осиповне Вороновой (обе урож-

1862 г. у него имелось две души крестьян, дворовых не было вовсе. Однако, составленное 25 мая 1847 г. духовное завещание его отца, дворянина не бывшего в службе Карпа Степановича Кадомцева показывает всё же наличие усадьбы.

Отец всю землю при сельце Тауш, Кадомцево тож, завещал старшему сыну, тогда губернскому секретарю Евмению Кадомцеву. Остальные дети Карпа Степановича не получили ничего, так как второй сын губернский секретарь Фёдор Кадомцев изъявлял желание поступить в монашество, а дочери Ирине Карповне, бывшей в замужестве за губернским секретарём Александром Ивановичем Третьяковым, уже выделили приданое.

Евмению достались земля, крепостные и дворовые девки, деревянный дом во 2-й части Уфы и такой же деревянный дом «в сельце Тауше-Кадомцево тож, с принадлежащими к оному домашними обзаведениями, скотоводством и пчеловодством». В 1862 г. подачу прошения он «по болезни» доверил своей жене Екатерине Сергеевне Кадомцевой, и добавил, «жительство имею

дённые Кадомцевы). При составлении уставной грамоты на единственную крепостную душу вместо Т.О. Кадомцевой «занеумением её грамоте по личной просьбе» расписался коллежский секретарь Зиновий Киржацкий, а за сестру (А.А. Воронову) также «занезнанием ею грамоте» подпись поставил губернский секретарь Николай Васильевич Воронов.

Имелись жилые строения. «Состоящая в общем пользовании усадьба и выгон [1200 кв. саж.] впредь до раздела, остались в общем пользовании крестьян и владелиц». То есть в доме жили и помещицы и крепостные.

Это был остаток одного из многочисленных владений при сельце Тауш, Кадомцево тож. Из дворян, не бывший в службе Иосиф Стефанович Кадомцев (брат Карпа Степановича), будучи в преклонных летах, 31 мая 1846 г. составил завещание на «дом совсем принём строением и три десятины из усадебной земли, хлеб, пчёлы и всю скоти[ну], какая может остаться налицо». Всё это богатство отходило жене Екатерине Дмитриевне и дочерям: от первого брака Настасье, от второго – Татьяне, Анне и Клавдии.

А имевшиеся 50 дес. равными долями по 10 дес. наследовали упомянутые четыре дочери и сын Александр (от второго брака). Впоследствии дочери свои доли не могли продавать никому, кроме брата. Этим пятерым детям также достался единственный крепостной крестьянин Макар Иванов с женой и сыном (три крепостных на пятерых дворян-помещиков).

Оговаривалось, что на наследство не имеют право претендовать прочие (старшие) дети от первого брака: Прасковья Осиповна по мужу Шабрина, Анисья Осиповна по мужу Шишковская и Евграф Осипович, «как имеющим в содержании себя совершенную возможность». Свидетелем завещания выступил титулярный советник Афанасий Александрович Кадомцев (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–2, 6, 11, 17 об., 24 и об.).

Через 15 лет, к 1861 г. от всего многочисленного потомства И.(О.).С. Кадомцева крохотный участок со старым отцовским домом сохранили дочери Анна и Татьяна. Рядом лежали такие же небольшие владения дворян Кадомцевых, но не имевших вообще крепостных.

Оренбургской губернии, Уфимского уезда в сельце Тауш»[1].

В январе 1865 г. среди владельцев частей дачи Карпа Степановича Кадомцева при сельце Тауше, кроме сына Евмения также значилась коллежская секретарша Екатерина Семёновна Кадомцева[2]. Все эти многочисленные Кадомцевы оставались сельскими жителями.

Именно Евмений Кадомцев в июне 1862 г. подписал уставную грамоту за другую помещицу при сельце Тауш (211,5 дес.), 55-летнюю девицу из дворян Наталью Фёдоровну Кадомцеву, «вместо её за неумением грамоте». Дворовых у той не имелось, было всего 2 души крепостных, которые вместе с барыней пользовались выгоном и… усадьбой.

Посетивший Тауш мировой посредник Угличинин оставил яркое свидетельство поразившей его обстановки: крестьянин г-жи Кадомцевой с семейством из-за отсутствия собственного дома живёт «вместе с владелицей». Наталья Фёдоровна разрешила ему вырубить 80 бревён в её лесу и построить своё жильё, «когда будет в силах; словесно же передала мне, – добавлял Угличинин, – что после своей смерти передаст крестьянам, всё своё движимое имущество, конечно с условием призре[ть] её старость и не делать грубостей.

Вообще владельцы эти [ещё Евмений Кадомцев] заслуживают полного участия, со стороны Правительства, как по крайней бедности, (у 1-го семь малолетних детей[3], а 2-я 55-ти летнего возраста с слабым здоровьем и имеющей на воспитании сирот внучек)». Но попытка сдать имение Н.Ф. Кадомцевой в казну в 1864 г. не удалась. Выкупали мелкие поместья, где крепостные имели свою оседлость, а в Тауше вчерашние «рабы» проживали одним домом с «рабовладелицей» (и при этом, видимо, имели склонность к грубости). Наконец, мужики выстроили себе дома из подаренного леса[4]. Но тут Наталья Фёдоровна Кадомцева скончалась. В январе 1868 г. её наследников разыскивал Уфимский уездный суд[5].

Сложной была судьба маленького имения при сельце Тауш,

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 654. Л. 5 и об.

[2] Там же. Д. 633. Л. 1а, 2 об., 7, 12 об., 18 и об., 24.

[3] Так, 31 июля 1854 г. у Евмения Карповича и Екатерины Сергеевны Кадомцевых родился сын Феодор, крещён 5 августа в Покровской церкви Уфы. Среди восприемников была дворянка Настасья Иосифовна Кадомцева (Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 476 об.).

[4] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 654. Л. 1а, 2–3, 7, 10, 20. Видимо, у Н.Ф. Кадомцевой имелись братья Александр и малолетний Николай Фёдоровичи, проживавшие рядом, но не претендовавшие на имущество.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 января.

Кадомцево тож, коллежской ассесорши Натальи Ивановны Васильевой (на 1862 г. две семьи крепостных, 12 чел., а также 43 дес. 630 саж.). Отмена крепостного права наложилась на длительный процесс разорения семьи, хотя изначально были и дворовые и усадьба.

Коллежская секретарша Наталья Ивановна Васильева, урождённая Барыбина, решила обосноваться на берегах речки Таушки в 1837 г. В январе она покупает 50 дес. леса у вдовы из дворян мещанской жены Федосьи Максимовны Кадкиной (урождённой Кадомцевой) и 10 дес. расчищенной под пашню и сенокос «с усадьбою в сельце Тауше» у из дворян «землемерии помощника» Герасима Максимовича Кадомцева.

Брат с сестрой за 600 руб. асс. продали доставшуюся им в 1835 г. по завещанию землю их покойного отца, из дворян не бывшего в службе Максима Афонасьевича Кадомцева, которую тот купил от башкирцев Куркульминской волости в общем владении дворян Кадомцевых. То есть, была продана неразмежёванная доля в совместном владении.

Одновременно, в январе 1837 г. Н.И. Васильева приобретает две семьи крепостных «дворовых людей» (7 чел.) у вдовы из дворян мещанской жены Анны Максимовны по мужу Ветошниковой (урождённой Воейковой), которые та унаследовала в 1827 и 1833 г. от отца, полковника Максима Воейкова. Крепостные стоили дороже, чем земля: 1496 руб. асс. «и медною монетою».

Васильева купила «писанных по последней 8-й ревизии за мной Ветошниковой по Городу Уфе» крепостных, и «причислила их на землю» при Тауше. То есть, Васильева приобрела городскую дворовую прислугу (в 1862 г. они числились крестьянами).

Видимо, Васильевы к старости решили прочно обосноваться в Тауше. В июле 1856 г. Н.И. Васильева покупает ещё землю в окрестностях. Из дворян вдова «салдацкая жена» Прасковья Сидоровна Трипейкова, урождённая Кадомцева продала три участка, доставшиеся по наследству от покойного родного брата подпоручика Дмитрия Сидоровича Кадомцева, за 501 руб. 15 коп. серебром (тоже доля в общем совладении).

А в апреле 1857 г. Н.И. Васильева приобретает у знакомого уже Евмения Карповича Кадомцева 5 чел. крестьян. Мелкопоместные дворяне дорожили немногочисленными и дорогими крепостными. Продавец точно указал, что их он получил по духовному завещанию от умершего родителя дворянина Карпа Степановича Кадомцева, а батюшка купил последних аж в 1818 г. у из дворян диаконской жены Прасковьи Степановны Адамантовой (видимо, сестры).

По последней ревизии в Тауше у Н.И. Васильевой числилось

2 рев. души дворовых и 2 души крестьян (всего две семьи). «Из числа значущихся дворовыми изъявили желание получить полный надел Иван Фёдоров которой наделён землёю, и около пяти лет живёт самостоятельным крестьянином; как равно и меньшой брат его Ефим Фёдоров которой ещё не пользуется достаточным земляным наделом».

В уставной грамоте (1862 г.) указано, что избы обоих семей находятся «не далеко от дома мной занимаемого». Помещица за свой счёт бралась перенести их на другое место, «подальше от дому моего». Маленькая дворянская усадьба Васильевой в Тауше существовала, хотя вряд ли сильно отличалась от окрестных мужицких изб. Крепостные Васильевой находились на трёхдневной в неделю барщине (одна семья) и на оброке из 18 руб. в год (вторая). У мужиков имелось 3 жилые избы с сенями, амбар, погреб, скотская изба с хлевами для скотины и сараями. Числившиеся дворовыми занимались землепашеством. Фактически дворовой прислуги у Васильевой не было.

Престарелые мелкопоместные помещики, видимо, собирались встретить старость в своём маленьком имении в Тауше, для чего прикупили землицы и крепостных в 1856–1857 гг. Но тут грянула Великая реформа.

Васильева обратилась в казну, чтобы сбыть с рук имение. Сама барыня в заявлении ясно обрисовала ситуацию. Требовались деньги из-за «крайнего моего домашнего разстройства, ибо я с помощию только этих людей могла заниматься постоянно хлебопашеством и другими сельско-хозяйственными упражнениями, от которых большею частию я имела и собственное моё содержание, ибо муж мой 72-х лет, состоит в отставке, пенсиону не получает, имения приносящего ему какой либо на содержание доход движимого и недвижимого никакого не имеет, подобно ему и я имея от роду 55 лет и слабое здоровье, окроме тех с землёю людей, движимого или недвижимого имущества, которые обезпечили бы содержание моё также никаких не имею». Казна выкупила имение Васильевой в 1863 г.[1]

Наверняка, некоторые владельцы небольших имений на Тауше проживали в Уфе. Здесь находились управляющие, дворовая прислуга следила за хозяйственными постройками. Видимо, усадьбы дворян в Тауше не сильно отличались от обычных сельских построек. К 1861 г. вдоль речки Таушки стояло (судя по наличию дворовой прислуги) восемь небольших деревянных дворянских усадебок[2], без Кадомцевых.

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 776. Л. 1а, 2, 3 и об., 5, 6 об., 13, 15, 16, 18.

[2] Возле речки находилось ещё поместье при сельце Тауш, Елизаветино тож,

Дальнейшую судьбу этих мелкопоместных дворян показывает список землевладельцев уезда за 1874 г. При сельце Тауш лежали земли дворянина Николая Степановича Кадомцева (34 дес.), г-на Шильникова при дер. Шильниково (308 дес.), г-на Угличинина при дер. Черенково (593 дес.). В 1881 г. при Тауше имели землю Василий Николаевич Кадомцев (135 дес.), Тимофей (59 дес.) и Дмитрий (40 дес.) Ионовичи Кадомцевы, наследники Василия Кадомцева (72 дес.)[1]. Видимо, последние дворянские усадьбы дотянули на брегах тихой Таушки до начала 1890-х гг.

Во время земского обследования 1895–1896 гг. статистики собрали сведения о всех частных земельных владениях. Ни один из дворянских родов, владевших здесь землёй и усадьбами в 1861 г., не сохранился. Единственным исключением стал представитель многочисленных Кадомцевых – некий П.В. Кадомцев, совместно с Э.Ф. Солениус, Ю.Ф. Сергеевым и другими владел небольшим участком в 63 дес.

Вокруг современного села Иглино исторически сложился ещё один куст помещичьих владений, село стояло на старой гужевой дороге через Урал. К западу от Иглино на левом берегу речушки Белекес возникла дер. Егоровка (ныне микрорайон села Иглино). Владельцем дер. Березовки (Егоровки) в 1861 г. состоял Степан Егорович Березовский[2], но в Егоровке усадьбу хозяева не держали, прислуги вовсе не имелось.

Березовские относились к именитому уфимскому чиновничеству. Ещё в 1836 г. депутатом от Уфимского уезда для составления дворянской родословной книги и раскладки земских повинностей был избран губернский секретарь Егор Иванович Березовский, а дворянин Степан Егорович Березовский вошёл в ряды первых избранных гласных (депутатов) Уфимского уездного земского собрания, затем от уезда его делегировали в губернское земское собрание[3]. К первым земским выборам, в 1874 г. отставному поручику Березовскому при Егоровке принадлежало около 809 дес., но в примечаниях указали: «продал». На 1881 г.

включавшее 2 рев. души крестьян и около 600 дес. леса. Дворовых и, видимо, усадьбы не имелось. Оно принадлежало умершей коллежской секретарше Елизавете Петровне Поповой (по первому мужу Карповой), затем его наследовали: дочь от первого мужа Юлия Фёдоровна Карпова и сын от второго брака Дмитрий Николаевич Попов. Уставная грамота была оформлена в январе 1863 г. (Там же. Д. 772. Л. 2 и об., 4). Из-за большой площади оно не числилось мелкопоместным и не было выкуплено казной.

[1] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 643 (мать – губернская секретарша Надежда Степановна Березовская). Выкуп оформили в 1863 г. за 3082 руб. 66 коп. (Оренбургские губернские ведомости. 1863. 15 июня).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1875. 15 февраля. Приложение.

за С.Е. Березовским числилось 112 дес. 1800 саж.[1]

Зато в самой здешней столице – селе Иглино (Архангельское, Белегес) дворянская усадьба существовала. По сведениям местных краеведов первый владелец этих земель секунд-майор Сергей Васильевич Йглин[2] в конце XVIII в. выстроил помещичью усадьбу (совр. территория школы № 1 в Иглино). Его супруга бездетная Елена Ивановна Иглина, унаследовавшая все земли, в 1824 г. перед смертью по завещанию поручает своей наследнице, проживавшей в Уфе племяннице мужа Прасковье Угличининой, отпустить часть крепостных на волю[3]. Оставшееся владение было в 1831 г. продано титулярному советнику А. Степанову, за долги последнего имение выставляется на продажу и 18 февраля 1853 г. коллежский ассесор Егор Викторович Веригин с торгов приобретает бывшее имение Иглиных[4].

На момент отмены крепостного права в 1861 г. его обслуживал внушительный штат дворовой прислуги из 39 чел. (22 муж., 17 жен.). Хотя делами управлял сам владелец, вряд ли он здесь постоянно проживал. Центром имений Е.В. Веригина было сельцо Степановка (Вишнёвый холм) на правом берегу реки Уфимки недалеко от губернского центра.

Это подтверждает судьба веригинских дворовых. Из 22 мужских (ревизских) душ одного отпустили на волю, четверо были отданы «дочерям владельца и перечислены в их имение» в Степановку, ещё четверо согласились перейти в крестьяне с наделением землёй, а двое просто пожелали получить земельный надел. Осталось при усадьбе 11 душ дворовых, не наделявшихся землёй и оставшихся на службе помещика до 1863 г.[5]

При составлении уставной грамоты (подписана 24 января 1862 г.) землемер Иванов, специально нанятый владельцем,

---

[1] Там же. 1881. 21 марта. Приложение.

[2] По свидетельствам старожилов ударение на первую гласную. По сей день некоторые наиболее пожилые старожилы склоняют название села по-старинке: в Йглине, из Йглина, к Йглину (сведения П.В. Егорова).

[3] Она также возводит в селе православный храм во имя Архангела Михаила, на территории которого находится могила Иглиной. Местная администрация в 2002 г. установила в её честь памятник и основала парк, названный также в её честь: парк имени Елены Иглиной. Единственный подобный случай в Башкирии.

[4] См.: http://www.iglino.biz; http://iglino-land.ru/history_Iglino.html. Его брат, Николай Викторович Веригин (1796–1872) оставил мемуары. Они приходились троюродными братьями С.Т. Аксакова (внуки родной сестры Н.С. Зубова) (Уфа в художественной и мемуарной литературе: библиография литературного уфаведения / сост. П.И. Фёдоров, Я.С Свице, отв. ред. В.В. Борисова. Уфа, 2016. С. 85).

[5] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 584. Л. 1–2.

произвёл обмен угодьями для ликвидации чересполосицы. В документе упоминается помещичья собственность. Господская усадьба находилась около речки, разделяющая граница проходила от улицы к пруду, «обойдя токмо гуменник и скотный двор господские, к реке белегесу». А «существующий в селе Архангельском базар на площади, близ господской мельницы … остаются в исключительном распоряжении владельца»[1]. Ныне это место почти в центре села так и называется – Веригинская гора.

Ликвидация крепостных отношений сопровождалась разделом земель между членами семьи Веригиных. На 1874 г. поместье при с. Архангельском принадлежало уже господам Веригиным, в 1881 г. наряду с Николаем Егоровичем, землями при с. Иглино владели Анна Алексеевна Веригина (365 дес.) и Вера Ильинишна Веригина (300 дес.). Точные данные за 1895 г. показывают, что все трое оставались собственниками угодий. Н.Е. Веригину принадлежало около 1050 дес., А.А. Веригиной в трёх верстах от Иглино – всего 98 дес., а Вере Ильинишне – 300 дес. Но именно последняя имела усадьбу в 3 дес. (в версте от Иглино). Родовое гнездо сохранялось. В 1896 г. был также зафиксирован хутор Веригина у железной дороги и речки Белегес из двух дворов, там проживало 5 чел. (3 муж., 2 жен.).

Видимо, основным владельцем поместья в Иглино стал Николай Егорович Веригин, занимавший важную должность губернского прокурора в Уфе. Он входил в состав «высшего света», его имя стояло в списке жертвователей Детскому приюту, супруга Вера Ильинична также была в числе благотворительниц[2]. Прокурор долго служил в крае, не отказался от раздававшихся казённых земель, приумножив своё состояние[3]. Поэтому иглинская усадьба превратилась в его летнюю резиденцию, которую хозяин, без сомнения, содержал в исправности. В 1874 г. Н.Е. Веригин «пожертвовал под школу в своём селе Иглином усадебный участок и дом при сельской церкви (на 800 р.)»[4].

Николай Егорович Веригин (1836–1910) сделал успешную карьеру на государственной службе. Обучался в Императорском Училище правоведения, окончил в 1857 г. (18-й выпуск этого знаменитого учебного заведения)[5]. Начал службу канцеляристом

---

[1] Там же. Л. 2 об., 3, 4 об.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1871. 27 февраля; 1872. 1 января; др.

[3] *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 288.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1874. 11 мая.

[5] См.: *Пашенный Н.Л.* Императорское Училище Правоведения и Правоведы ды в годы мира, войны и смуты (http://genrogge.ru/isj/isj-091-1.htm); *Рындин И.Ж.* Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10:

стом второго департамента Правительствующего Сената, младший помощник, помощник секретаря. В августе 1861 г. уезжает из Петербурга и назначается оренбургским стряпчим казённых дел, с мая 1865 г. товарищ (заместитель) председателя Оренбургской судебной палаты, с мая 1866 г. он товарищ председателя Уфимской палаты Уголовного суда, неоднократно исполнял обязанности губернского прокурора. С 1 июня 1869 г. Н.Е. Веригин назначен Уфимским губернским прокурором и служил в этой должности до июня 1881 г. Затем причислен к Министерству юстиции, в июле 1882 г. назначен членом Усть-Медведицкого окружного суда, а в сентябре 1887 г. – членом Рязанского окружного суда. Губернский секретарь (1857), коллежский секретарь (1860), титулярный советник (1862), коллежский ассесор (1865), надворный советник (1869), статский советник (1876), неоднократно награждался. Кроме поместья в Уфимской губернии, видимо, имел собственность в Рязанской губернии (где, скорее всего, похоронен). Жена – дочь губернского секретаря Вера Ильинична (урожд. Фёдорова). После кончины мужа проживала в Санкт-Петербурге (на 1914 г.).

Из детей Веригиных двое родились здесь. Митрофан Николаевич (род. 20 ноября 1877 г.) крещён в Успенской церкви Уфы, восприемниками были известный статистик, редактор местных «ведомостей» и общественный деятель статский советник Николай Александрович Гурвич и жена коллежского советника Александра Андреевича Топорнина Мария Михайловна.

Фёдор Николаевич родился 29 января 1879 г., также крещён в Успенской церкви. Восприемники: губернский секретарь Николай Васильевич Поляков (видимо, муж Екатерины Егоровны Веригиной, в замужестве Поляковой) и жена полковника Александра Ивановна Денисова. Третий сын Георгий Николаевич родился 7 декабря 1881 г., когда семья уже уехала из Уфы.

Веригины издавна жили в районе Успенской церкви города. Дом Егора Викторовича Веригина, коллежского советника, стоял ещё в 1822 г., находился на Большой Успенской (Коммунистической) ниже перекрёстка с Телеграфной (Цюрупы) по чётной стороне, где сейчас стоят дома с номерами 86–90[1].

Дети получили хорошее образование. Митрофан пошёл по стопам отца в Училище правоведения, а Фёдор закончил в Пе-

---

Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / под ред., с доп. проф. Б.В. Горбунова. Вып. 2. Вагины – Гюллинги. Рязань, 2007. С. 89–90; адрес-календари и др. Автор благодарит Игоря Жановича Рындина за предоставленную информацию.

[1] См.: Успенский сборник. Успенская церковь в истории Уфы / Отв. ред. М.И. Роднов, Г.О. Иванова. Уфа, 2014. С. 58, 122.

тербурге Инженерное училище путей сообщения, служил на разных магистралях, в том числе в 1910 г. начальником пути Николаевской железной дороги, соединявшей две столицы Империи.

Семья Веригиных в 1881 г. уезжает из Уфимской губернии, но поместье не продают. По переписи 1912–1913 гг. при с. Иглино существовали земельные владения дворян М. и Ф.Н.[1] Веригиных (1046 дес., в основном лес, вся пашня сдавалась в аренду). И Вера Ильинишна Веригина свои 300 дес. земли не уступала никому. Усадьба по-прежнему занимала три десятины. По воспоминаниям старожилов здесь был пруд на речке с их частной купальней, куда не разрешалось заходить простым крестьянам (сведения П.В. Егорова). Скорее всего, члены семьи наведывались в родные края. Иглинская помещичья усадьба осталась почти единственным в Зауфимье дворянским гнездом, возникшим в конце XVIII в. и дожившим до начала XX в.

Большой деревянный веригинский дом стоял к северу от центра села Иглино, на Веригинской горе. Он сохранялся до 1960-х или даже начала 1970-х гг. В последние десятилетия в нём располагалась больница, к которой вела длинная лестница. После сноса территория была застроена частными усадьбами.

Важно отметить, что унаследованное поместье оказалось вблизи центра села. В.И. Веригиной принадлежала базарная площадь, наверняка, с выгодой сдававшаяся купцам, пашню и выгон (100 дес.) хозяйка также сдавала в аренду. По переписи 1916 г. за дворянкой Верой Ильиничной Веригиной числилась «дача» в полуверсте от посёлка Веригинского, но, видимо, там она уже не проживала, работников не имелось. По справочникам до 1911 г. своего дома в Уфе у В.И. Веригиной не имелось.

К югу от Иглино, на маленькой речушке Чуричеевке, впадающей в Таушку, стоит Калтыманово. В 1861 г. деревня ещё звалась Курчеево, в 1912 г. – Ахмаметево. После ликвидации крепостного права здешние крестьяне сформировали два сельских общества – бывших господских и надельных мещан (часть жителей приписалась к уфимскому мещанскому обществу).

На 1861 г. небольшая деревня Калтыманово была настоящим дворянским «гнездом». Здесь располагалось одиннадцать дворянских владений. Большинство владельцев постоянно тут не жили, хотя управляли хозяйством сами (до Уфы недалеко). У двух помещиков вовсе не имелось дворовых (Протопопов и Халецкая), дворянке Кудрявцевой принадлежал единственный дворовый мужчина, Трубникову – двое мужиков, Петровскому,

[1] В 1911 г. просил выдать копию уставной грамоты титулярный советник, инженер Фёдор Николаевич Веригин (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 584. Л. 16).

наоборот, – три женщины. Наверняка, у этих помещиков усадеб для постоянного проживания не существовало, имелись только хозяйственные строения или летние дачи.

Земля (25 дес.) при дер. Колтымановой штабс-капитана Григория Евстратовича Трубникова в 1866 г. была выставлена на торги за долг в 315 руб. серебром перед титулярным советником Петром Ивановичем Брейтигамом[1]. Видимо, тогда же поместье с маленькой усадьбой перестало существовать.

Можно допустить наличие усадеб у Сосфенова (14 дворовых людей и 12 крепостных мужиков на 45 дес. землицы; это, видимо[2], бывший знаменитый редактор «Оренбургских губернских ведомостей» Иван Прокофьевич Сосфенов) и Краевского (6 чел. дворовых и ещё трое крепостных на 18,5 дес.). По сути, это были загородные дачи с прикреплённой крепостной обслугой.

А дачки в здешней местности держали люди совсем не простые. Рядом с именьицем первого уфимского литератора, редактора и педагога И.П. Сосфенова[3], обосновался не кто иной, как полковник Алексей Григорьевич Краевский[4]. В 1851 г. ещё подполковником он служил адъютантом по особым поручениям при Оренбургском военном губернаторе В.А. Обручеве, затем в Уфе возглавлял жандармское управление. Именно полковник А.Г. Краевский купил в Уфе в Голубиной слободке большую усадьбу с прудом[5], где родился русский писатель С.Т. Аксаков (ныне сад им. Аксакова). Именно в усадьбу Краевского летом 1859 г. пришли студенты почтить память знаменитого земляка[6].

В 1860 г. престарелый офицер продаёт свои дома, в Оренбурге – полковнику Эннатскому, а в Уфе (бывшее родное гнездо Аксакова) – купцу Блохину[7]. Возможно, последние годы своей

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1866. 17 сентября.

[2] Уставная грамота не найдена. Но иных Сосфеновых в Уфе не было.

[3] См.: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012; др.

[4] Служивший в Уфе подполковник Корпуса жандармов Краевский в январе 1843 г. приказом Бенкендорфа был переведён в кавалерию, а в Уфу был назначен майор Лобановский из Казанской губернии (Оренбургские губернские ведомости. 1843. 5 февраля). На январь 1849 г. 45-летний подполковник Алексей Григорьевич Краевский служил в Оренбурге, уфимское именьице включало 8 рев. душ и 46 дес. земли. Супруга его Фа[и]на Семёновна уже умерла. Старший, 24-летний сын Михаил проживал в Уфе, с отцом находились остальные дети: Клавдия (23 года), Наталья (19), Катерина (18), Вера (15) и Софья (13 лет) (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 190 об.).

[5] *Гудкова Зинаида.* Кто купил имение Аксаковых? // Уфа: страницы истории. Книга первая, испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 344.

[6] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С. 372–373; Оренбургские губернские ведомости. 1859. 20 июня.

[7] В 1859 г. публиковалось объявление: «Продаётся состоящий в г. Уфе, в го-

жизни полковник А.Г. Краевский как раз провёл в маленьком именьице под Уфой при сельце Калтыманово, Ахмаметево тож. Это была по сути дача на площади в 4,5 дес. земли, где проживали один крепостной и один дворовый (мужские души).

Около 1863 г. А.Г. Краевский скончался. При оформлении документов об освобождении крепостных 19 ноября 1862 г. на личном заявлении полковника стоит: «Вместо отца моего Полковника Алексея Григорьевича Краевского, подписал сын его отставной Корнет Армейской Кавалерии Михаил Алексеев Краевский». А в уставной грамоте, составленной 30 ноября 1862 г., за владельца «по слабости зрения и по его личному приказанию подписалась дочь его Клавдия Главацкая».

В 1863 г. уже сын М.А. Краевский распродаёт землю. Имение в Бузулукском уезде в 120 дес. перешло к чиновнику И.И. Лосенко, а 14 дес. при Калтыманово купил начальник уфимской жандармской команды Дудкин, видимо, сослуживец.

Но в 1864 г. документы подписывает «вдова корнета» Раиса Ильинична Краевская, оставшаяся хозяйкой имения и опекуншей малолетних детей. Она, «вступая в опекунское управление [...] и по смерти свёкра полковника и мужа моего Краевского и золовки, Г. Головацкой», предложила казне выкупить это крохотное именьице. Казна в 1865 г. приобрела землю за 150 руб.[1]

Рядом в Калтыманово в 1861 г. находились обитаемые четыре дворянские усадьбы, хозяева которых «живут на месте». Это Юрьева (2 чел. дворовых, 16 крепостных, 50,5 дес. земли), Малюкова (2 чел. дворовых, крепостных обычных не имелось, 21 дес.), Курчеевы[2] – в Калтыманово проживал Антон Курчеев[3] (2

лубиной слободке дом деревянного строения, принадлежащий Полковнику Краевскому с двумя при нём флигелями, из коих один двух-этажный, каменный, с местами, садами, огородами, басейнами и прудом, в котором имеется некоторого рода рыба. Желающие купить этот дом могут узнать о цене его от самого владельца, проживающего в г. Оренбурге» (Оренбургские губернские ведомости. 1859. 16 мая).

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 580. Л. 2 и об., 3 об., 5, 13–15, 24, 30–31.

[2] Одной из помещиц была Елизавета Александровна Курчеева (2 рев. души крестьян, дворовых нет, владений, «разбросанных в разных местах дач», на 1861 г. имелось 9 дес.). Хотя, видимо, усадьбы не существовало, но был господский скот, который опекунша над имением Александра Григорьевна Курчеева стремилась продать (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 585. Л. 1–2 об).

[3] Он умер около 1865 г., в июле разыскивались наследники и кредиторы титулярного советника Антона Савельевича Курчеева (Уфимские губернские ведомости. 1865. 24 июля). Из других совладельцев земли Курчеевых при Калтыманово около 1871 г. известен скончавшийся коллежский ассесор Дмитрий Иовлевич Курчеев (104 дес., оценка – 418 руб.). Имение покойного было выставлено на торги за неплатёж «растраченных казённых денег 349 руб. 36 ¾ коп.» (Там же. 1871. 12 июня).

чел. дворовых, 20 чел. крепостных, 567 дес.), Александра и Давыд Ахмаметевы (7 чел. дворовых, 15 чел. крепостных, 159 дес.). Постоянные обитатели Калтыманово тоже отличались своеобразием. Кроме Ахмаметевых, у всех насчитывалось всего по двое дворовых слуг, а Малюкова ими и ограничивалась (фактически ненаселённое имение). Данные четыре усадьбы, скорее всего, являли собой скромное деревенское жильё, наподобие дачных «фазенд», старинного обедневшего дворянства.

Так, выкупленное в казну в 1863 г. за 1500 руб. имение титулярного советника Давыда Ефимовича Ахмаметева при сельце Давыдино, Калтыманово тож, возникло следующим образом. В июне 1825 г. девица Стефанида Герасимовна Ахмаметева из-за слабого здоровья готовилась «к вечному п[е]реселению» и составила завещание, по которому всё своё имение при сельце Ахмаметево, Колтыманово тож, доставшееся ей от покойного отца, не бывшего в службе дворянина Герасима Михайловича Ахмаметева, она отдавала двоюродным своим братьям коллежскому регистратору Давыду и канцеляристу Семёну Ефимовичам Ахмаметевым[1]. За неумением грамоте за С.Г. Ахмаметеву расписался прапорщик из дворян Николай Фёдорович Курчеев. В феврале 1830 г. завещание было приведено в действие.

Служивший в Уфе новый хозяин старался обустроить имение. В октябре 1838 г. уже титулярный советник Д.Е. Ахмаметев купил ещё 10 дес. земли в Калтыманово и семью дворовых у вдовы из дворян отставного казачьего капрала Ефима Ахмаметева Варвары Ивановны (матери?). В 1839 г. в Шакше у канцеляриста Максима и губернского регистратора Лаврентия Михайловичей Артемьевых он покупает «дворовых людей». В 1845 г. у коллежской советницы Дарьи Ивановны Мармылёвой приобретает «на вывод» семейство в сельце Каменка, Пасмурово тож, Уфимского уезда, а вторую семью переселяет из Каширского уезда Тульской губернии (по доверенности продавец: писец 1-го разряда Иван Кириллович Мармылёв, сын). Наличие купленной дворни предполагает стремление создать жилую усадьбу.

Но по ревизии 1858 г. и уставной грамоте у Д.Е. Ахмаметева только крестьяне. Более того, когда он продал именьице в казну, помещик обязался «построить избу для семейства крестьянина Николая Селантьева»[2]. Видимо, барин и крепостные по-

---

[1] Согласно завещанию, остальные родственники не должны были претендовать на наследство, в их числе родная сестра Аксинья Герасимовна Малюкова, племянники, дети умершей другой сестры Екатерины Пётр и Михаил Скворцовы, прочие.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 704. Л. 4, 14 и об., 15, 16, 18 и об., 20, 27 и об., 31 и об., 32 (из выданной суммы вычли долг Уфимскому попечительному о

мещались в одном доме.

Земли калтымановских помещиков лежали чересполосно. На 1865 г. назначили размежевание дачи сельца Ахмаметево, Колтыманово тож, гг. Ахмаметевых (1291 дес.)[1]. Когда на август 1867 г. Уфимский уездный суд выставил к продаже имение титулярного советника Николая Павловича Прото[по]пова, оказалось, что владения его при д. Колтымановой лежат в окружной меже (130 дес.) совместно с угодьями губернских секретарш Александры Ахмаметевой и Капиталины Юрьевой. Кстати, всё поместье Н.П. Протопопова в 24 дес. 2057 саж. по судебной оценке стоило лишь 83 руб. (а долг коллежскому секретарю Дмитрию Адамантову составлял почти 98 руб. с процентами)[2].

Ещё одна небольшая обитаемая дворянская усадьба в сельце Колтыманово (6 рев. душ дворовых по уставной грамоте на 1862 г.) принадлежала Александре Петровне Ахмаметевой и Капиталине Дмитриевне Юрьевой (матери с дочерью). Это было родовое поместье губернского секретаря Дмитрия Степановича Ахмаметева, которое в марте 1848 г. полюбовно разделили вдова (А.П. Ахмаметева) и дочери К.Д. Юрьева и титулярная советница Раиса Дмитриевна Протопопова. Сёстры к 1841 г. также унаследовали земли бабки, коллежской секретарши Анисьи Ахмаметевой («которая уже умерла»). Мать в 1843 г. выделила доли дочерям, но по духовному завещанию от 10 декабря 1855 г. Р.Д. Протопопова завещала свои владения[3]: половину мужу Николаю Павловичу Протопопову, а вторую половину матери и сестре (раздел оформили 18 декабря 1856 г.).

Это семейство Ахмаметьевых, видимо, постоянно проживало в Калтыманово, не случайно, Александра Петровна активно расширяла владение[4]. В августе 1823 г. она купила родовую землю при сельце Ахмаметево у подканцеляриста Фёдора Михайловича и отставного юнкера Ивана Дмитриевича Ахмаметевых, затем в августе 1825 г. губернский секретарь Тимофей Михайлович Ахмаметев там же продал ей свои угодья (сделку оформили в Челябинске). Кроме земли, А.П. Ахмаметева приоб-

---

бедных комитету в 486 руб. с процентами).

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1865. 26 июня.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1867. 17 июня.

[3] Кроме части имения доставшегося от матери, Раиса Протопопова в 1841 г. купила семью дворовых у поручицы Бурмакиной в Калтыманово «со всем принадлежащим к нему господским строением». Ей также принадлежала земля от умершего титулярного советника Льва Галкина (утверждена во владении в 1841 г.), видимо, первого мужа.

[4] В 1855 г. у А.П. Ахмаметевой оспаривал владения губернский секретарь Платон Иванович Ахмаметев, заявлявший, что это земли его отца, юнкера Ивана Ахмаметева. Уфимский уездный суд отказал в иске.

ретает крепостных. В мае 1821 г. коллежский ассесор Степан Никитич Можаров (в Мензелинском уездном суде) продал тогда ещё коллежской регистраторше А.П. Ахмаметевой крестьян в сельце Степановке, доставшихся ему после смерти матери Катерины Мажаровой. В сентябре 1827 г. Ахмаметева купила семью дворовых у майорши Марьи Григорьевны Степановой. По ревизии в 1858 г. за Ахмаметевой и Юрьевой числились три семьи дворовых (одна у дочери).

В дореформенный период в имении Ахмаметевых (с дочерью К.Д. Юрьевой), по всей видимости, крепостные проживали в жилой барской усадьбе, занимаясь как домашней работой, так и землепашеством (своеобразная «месячина»). После 1861 г. все 6 рев. душ дворовых пожелали получить землю и было двое «крестьян, живущих при господском дворе, не пользующихся прежде землёй», также изъявивших желание получить надел. При этом помещики специально добавили, что дворовые получают землю, «но должны отбывать работы по прежнему до 19-го февраля будущего 1863 года». А в 1865 г. власти удержали с Ахмаметевой 80 руб., а с Юрьевой – 40 руб., так как три семьи бывших крепостных получили «по ½ дес. усадьбы, но домами не обзаведены», не имели домашней оседлости.

Обе помещицы (мать и дочь) проживали в Калтыманово, на уставной грамоте есть подписи обеих, а план имения составил зять, губернский секретарь Юрьев. На плане, кроме деревенской улицы, присутствуют отдельные усадьбы, возможно, одна из них и есть жилой господский двор внутри сельца.

В июне 1863 г. именьице было принято в казну за 2700 руб. за вычетом частного долга ещё отца (1840 г.) и ссуды в 150 руб. серебром А.П. Ахмаметевой, взятой в июле 1859 г. в Уфимском попечительном о бедных комитете под залог незаселённой земли[1]. Сохранилась ли усадьба? Среди многочисленных здешних землевладельцев они затем не упоминаются.

В сельце Ахмаметево / Калтыманово проживало немало обедневших потомков старинных уфимских фамилий. Когда в январе 1862 г. составлялась уставная грамота на крохотное именьице коллежского секретаря Петра Тарасьевича Ахмаметева (дворовых не имелось) свидетелями выступали неслужащие «из дворян сельца Калтыманова» Сергей Кузьмич Ахмаметев и Василий Николаевич Курчеев, а за крестьян подписался коллежский секретарь Пётр Иванович Курчеев[2]. Само же имение Петра

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 784. Л. 4 и об., 5 об., 6, 9а, 10, 14, 16, 18 и об., 19 об., 20–23, 24 об. – 25, 26 об. – 27, 28, 31 и об., 32, 36, 56–57.
[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 778. Л. 3, 6, 8.

Тарасьевича (его матушка – губернская секретарша Афимья Васильевна Ахмаметева) было старинной «вотчиной», унаследованной от предков – из дворян служившего в казачьей службе Финогена Ахмаметева, которому оно досталось за женой Анной в 1814 г. По крайней мере, копию с раздельного акта Пётр Тарасьевич приложил к уставной грамоте[1].

В 1874 г. при Калтыманово сохранялись владения дворян Дмитрия, Сергея, Онисима Давыдовича и Александра Ахмаметьевых, г. Курчеева. Проживал также Фёдор Артемьев, «дворянин», ему при дер. Калтыманово принадлежало 125 дес. 1693 саж. Возле этой деревушки к 1881 г. разместился «куст» Ахмаметьевых: наследники Ивана Павловича (125 дес. 1693 саж.), Амвросий Иванович (40 дес. 140 саж.), Анисим Давыдович (16 дес. 351 саж.), Дмитрий Евсеевич (26 дес. 1300 саж.), наследники Николая Потаповича (23 дес. 1088 саж.), Сергей Кузьмич (64 дес. 800 саж.) и Александра Петровна (88 дес. 876 саж.). Рядом лежали земли (211 дес.) Кузьмы Николаевича Кадомцева[2].

Исследование 1895 г. подтвердило живучесть калтымановского дворянского гнезда. В Архангельской (Иглинской) волости сохранялись владения дворян А.Н. Ахмаметьева (2,14 дес.), А.Н. и А.М. Ахмаметьевых с другими – 65,68 дес., А., К., Н., Г. Ахмаметьевых – 21,16 дес., А.И. Ахмаметьева – 124,9 дес., И.В. Ахмаметьева наследники – 10,36 дес., А.И. Ахмаметьева и П.Н. Мещеряковой – 10,5 дес., А.Н. Ахмаметьева – 29,26 дес., другого А.Н. Ахмаметьева – 9,95 дес., но ни у кого усадьбы не имелось, даже на летний отдых, видимо, не приезжали. Лишь у двоих зафиксирована земля под усадьбами: у Д.Е. Ахмаметьева – 24,75 дес. (усадьба – 0,5 дес.), да у С.К. Ахмаметьева, владевшего участком в 63,9 дес. совместно с купцом М.Н. Старухиным, – усадьба 0,83 дес., а также дворяне И.К. и Г.Г. Артемьевы имели 1,67 дес. земли (одна десятина под усадьбой).

В 1895 г. также оставались земли у дворян А., В., В., Н. и Л.А. Кудрявцевых – 25,3 дес., А.С. Курчеевой с детьми – 27,8 дес., у Курчеевых имелась обширная усадьба в 6,5 дес., наследникам Н.П. и Р.Д. Протопоповых принадлежало 389,17 дес. (усадьба – 5 дес.). В списке населённых мест за 1896 г. упомянута усадьба Курчеева при р. Чюрючейке (одна семья, 10 чел.).

Даже по переписи 1912–1913 гг. при дер. Калтыманово существовало поместье дворян Н. и М.Н. Ахмаметьевых всего в 39,9 дес., велось хозяйство и была усадьба площадью целых три десятины. Мир мелкопоместного дворянства при всей внешней

---

[1] Там же. Л. 11–12, 23 об.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

слабости отличался живучестью и упорством. Небогатые дворяне упорно цеплялись за клочки родовых поместий, приносивших пусть скромный, но всё же доход. Несколько небольших дворянских усадеб в Калтыманово продержались до начала XX в.

В составе современной Уфы оказалось небольшое село Касимово. История его связана с судьбой семьи Аксаковых, их родственников Зубовых, почему краеведы уже обращались к прошлому этого селения[1]. Бывшие крепостные села Касимово (Никольское, в 1912 г. ещё Гриневичевка) после реформы 1861 г. образовали три сельских общества, в двух из них проживали украинцы, что было редкостью для Уфимского уезда. Одна из помещиц Касимово – подполковница Елена Михайловна Ригонье в 1826 г. перевела сюда крепостных из Полтавской губернии[2].

На момент отмены крепостного права земля и крестьяне в Касимово принадлежали четырём помещикам: Гриневич, Яхонтовой, Зубову и Сокуровой. Но дворовые (и усадьба) имелись только у Зубова. В его руках находилось старинное поместье и 16 чел. обслуги (9 муж. и 7 жен.). Часть земли оставалась неразмежёванной и летом 1865 г. планировали землемерные работы на площади 578 дес. при с. Касимово во владениях «Гг. Гриневич и наследников князя Уракова»[3].

Имения Зубова и Яхонтовой в 1861 г. состояли в опеке, прочими управляли старосты, то есть хозяева здесь не жили. Надворной советнице Софье Петровне Гриневич (дочь Е.М. и П.С. Ригонье) принадлежали и другие имения, а владение Марии Сергеевны Сокуровой состояло из одного двора и пяти душ крепостных. Такое же крохотное «поместье» числилось за генерал-лейтенантшей Александрой Лазаревной Яхонтовой (5 чел. крепостных и 144 дес. земли), оно ещё в 1857 г. «было подчинено опеке […] за неплатёж податной недоимки». Дворовых у неё не имелось, уставную грамоту в 1862 г. оформляли без неё. В 1865 г. Уфимская дворянская опека обратилась в губернское правление с просьбой разыскать хозяйку или её наследников «для принятия из опекунского управления имения»[4]. Разыскать не удалось и единственная семья крепостных платила оброк помещикам аж до 1 января 1883 г., когда их перевели на выкупные платежи, начислив 150 руб. 5%-ными билетами Госбанка[5]. К тому време-

---

[1] См.: *Гудкова З.* Из истории села Касимова // Уфа: страницы истории. С. 288–289; *Смирнова Полина.* Село Касимово – имение деда С.Т. Аксакова // Бельские просторы. 2010. № 1. С. 121–126 (здесь историография).

[2] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С. 73.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1865. 26 июня.

[4] Там же. 16 января; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 696. Л. 1а, 3 об.

[5] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 735. Л. 1, 108 и об., 109, 116 (план – л. 112а).

ни А.Л. Яхонтова скончалась, сын её, ротмистр Михаил Васильевич Куракин-Текелей[1] (был записан в дворянство Херсонской губернии) в 1876 г. вступил в права и сразу продал землю. Но ни он, ни его вдова София Куракина-Текелей, в 1893 г. проживавшая в Одессе, денег за поместье не получили[2].

Судьба поместья Зубовых тоже решалась в судебном порядке. Видимо, долго не могли разобраться с вопросом о праве собственности на совместное владение. При составлении уставной грамоты на маленькое поместье умершего титулярного советника Александра Николаевича Зубова дворовых не было (на 1863 г.). Имение находилось в опеке, к 1866 г. хозяйкой суд признал жену канцелярского служителя Прасковью Мамыкину, урождённую Зубову[3]. Шли споры по зубовским землям.

Так, 8 марта 1869 г. Уфимский уездный суд вызывал на имение при сельце Касимове наследников секунд-майора Сергея Николаевича, капитана Александра, Надежды и Екатерины Зубовых[4]. Наконец, к декабрю 1871 г. крестьяне Касимово (13 рев. душ) согласовали условия договора о выкупе на 1560 руб. с владельцем – писцом 1-го разряда Петром Сергеевичем Зубовым[5], который уже начал распродавать землю[6].

Именно П.С. Зубов стал одним из последних помещиков Уфимского уезда, отпустившим своих крепостных на волю. Видимо, его долго не могли найти. Лишь 23 июля 1874 г. в Петербурге разрешили выдать ссуду в 1560 руб. за выкуп крестьянами 58,5 дес. при с. Касимово, Никольское тож, в имении «рядового рабочей Бригады Петра Зубова»[7]. Барина призвали в армию простым солдатом.

По данным за 1874 г. сохранялись при Касимово владения

---

[1] Текелий (Текели) – род сербского происхождения, после того как пресёкся в 1810 г. в мужском поколении, их фамильное имя передано Куракиным. Александра Лазаревна Яхонтова – супруга (во втором браке) Александра Андреевича Яхонтова (1786–1862), участника войны 1812 г., сенатора, помещика Псковской губернии. Она урождённая Текели, детей от этого брака не было. В интернет-публикации И.Е. Иванченко (Нарва, Эстония) указан годом её смерти 1863 г. (www.bibliopskov.ru/zip/ivanchenko.doc).

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 735а. Л. 211, 233, 240, 333, 372. Но в 1881 г. Александра Васильевна Куракина значилась владелицей 80 дес. «из пустоши Головинской» (Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта).

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 766. Л. 1а, 4 и об., 33, 34 и об.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1869. 8 марта.

[5] Там же. 1871. 30 января.

[6] Имение писца П.С. Зубова в 130 дес. при сельце Никольском, Касимово выставлялось на торги за долг титулярной советнице Екатерине Панковой в 409 руб. 38 коп. (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 13 октября).

[7] Уфимские губернские ведомости. 1874. 26 октября.

Гриневич (133 дес.), Петра (143,5) и Александра (418 дес.) Зубовых, на 1881 г. земли «из пустоши Головинской» (около 153 дес.) принадлежали уже наследникам Петра Зубова[1].

Последняя хозяйка родовых земель при с. Касимово Прасковья Петровна Мамыкина, урождённая Зубова, вышла замуж за обер-офицерского сына, затем канцелярского служителя. На 1884 г. она проживала в Уфе (в доме Куровского, чиновник Куровский был опекуном над имением Зубова) и в Аскинской волости Бирского уезда (дер. Любимовка и село Аскино)[2]. Мамыкины были там крупными землевладельцами.

Точный список земельных собственников Иглинской волости за 1895 г. свидетельствует об отсутствии этих владельцев. Видимо, последние Зубовы, самое позднее, в 1880-е гг. продали землю, а старинную усадьбу ранее сдали на слом. При разорении некрополя Касимовской церкви в 1990-е гг. ничего вразумительного о барской усадьбе старожилы сказать не могли.

В нижнем течении речки Таушки, за железной дорогой и станцией лежит деревня Кирилловка (Кириловка). В 1861 г. она принадлежала представителям старинного рода князей Ураковых. В большой деревне (около 200 чел.) имелась усадьба, при которой жили 13 дворовых (4 муж., 9 жен.). Имение состояло в опеке, являлось собственностью наследников умершего князя Александра Васильевича Уракова. Выкуп за 11 520 руб. утвердили в октябре 1864 г.[3]

Только по этой небольшой деревне Зауфимья сохранилось описание дворянской усадьбы, оставленное побывавшим здесь примерно в 1840 г. писателем М.Л. Михайловым, в очерке «Святки»[4]. В это время имение принадлежало вдове генерал-лейтенанта Василия Егоровича Уракова (в рассказе Алёна Михайловна), чья дочь являлась матерью литератора. Затем поместьем владел сын Александр Васильевич (1812–1845), штабс-капитан в отставке. После его кончины, похоронен на фамильном участке Ураковых кладбища Успенского мужского монастыря[5], наверняка, имение и попало в опеку.

Свидетельство М.Л. Михайлова (1829–1865) относится к последнему периоду в истории поместья. Мальчик (внук) оказался у бабушки зимой, то есть хозяйка постоянно здесь проживала, стояли морозы, ребёнка редко выпускали на улицу, поэтому внешний вид усадебного дома показан фрагментарно.

---

[1] Там же. 1881. 21 марта. Приложение.
[2] НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 225. Л. 23 и об., 32, 41, 106, 116.
[3] Оренбургские губернские ведомости. 1865. 25 января.
[4] *Михайлов М.Л.* По своей воле… Уфа, 1989. С. 60–97.
[5] Уфимский некрополь. С. 39.

«Я облачался в очень тёплую и вместе с тем очень некрасивую одежду [...] и выходил на высокое, так называемое крыльцо. Тут мог я, если желал и если не боялся сломать шею, прыгать со ступеньки на ступеньку, мог, сколько душе угодно, тереться и кружиться около жиденьких деревянных колонок, довольно ненадёжно поддерживавших тяжёлый и нескладный навес крыльца». Главный вход в одноэтажный деревянный барский дом украшало парадное крыльцо с колоннами и крышей.

Желание ребёнка побегать по двору и зафиксировать в памяти приусадебное пространство осталось нереализованным, так как «по двору побегать было решительно негде, не рискуя увязть по уши в снегу: необыкновенно снежная зима сделала его на ту пору огромным сплошным сугробом, и только две узкие тропинки были по нему пробиты: одна вела к бане, другая – к застольной избе[1]; даже у подъезда снег не расчищали».

Возле барской усадьбы находилось несколько хозяйственных строений, раскинулся огород (судя по многочисленному домашнему варенью) и был какой-то парк из хвойных пород. Михайлов вспоминал: «ветер гудит в трубе и качает в саду длинные ели, и ели бьются своими иззябшими ветками в замёрзшие, узорчато-льдяные стёкла окон». Старинный (деревья большие) парк был возле самого дома и был виден из окон девичьей, днём тёмной «от высоких елей, росших у самых окон её в саду».

Но однажды внучок помещицы с младшей воспитанницей Оленькой в холодный зимний вечер всё-же вышли из дома к калитке. Судя по всему, они прошли по заснеженному парадному выезду из дома, откуда бабушка ездила на службу в церковь соседнего села Касимово. Открылся панорамный вид – «белая снежная поляна широко раскинулась, темнее бежит по ней дорога к лесу, угрюмо ощетинившемуся вдали; всё пусто; не видать ни одного жилья: деревня по ту сторону двора».

То есть дворянское поместье стояло за деревней, парадным крыльцом выходило на дорогу к лесу (дети услышали вой волка), дорога шла или в Иглино или к Князевской переправе. Усадьбу Ураковых выстроили, что было типично, не внутри сельского поселения, а на отшибе. «Звякнуло кольцо калитки; скрипнула и визгнула калитка – и отворилась». Усадебный двор был обнесён

---

[1] В помещичьем имении отдельная изба или помещение для питания дворовых, прислуги, работников. См.: «Тут всё есть: и баня, и сушильня, и амбары, и голубятня, и застольная изба, в которой каждый день по колокольчику сбираются обедать человек тридцать дворовых людей» (См.: *М.Н. Загоскин.* Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным / Сост. Н.Г. Охотин. М., 1988). Судя по протоптанной тропинке, в Кирилловке дворовые там питались даже зимой.

оградой, в которой, помимо широких выездных ворот для конных экипажей, существовала пешеходная калиточка.

Зато зимнее затворничество в бабушкином доме оставило яркие воспоминания и М.Л. Михайлов достаточно подробно обрисовал внутреннее убранство помещичьей усадьбы Уфимского уезда, можно допустить, достаточно типичной, так как Ураковы относились к старинному местному дворянскому роду.

Одноэтажный деревянный барский дом в Кирилловке состоял из нескольких комнат с многочисленными печами, судя по тексту, голландками и русскими (Фоминишна «залегла на печь, прикрывшись полушубком»), и делился на парадную, жилую и хозяйственную части (кухня, кладовая, пр.). Из рассказа очевидно, что всё это находилось в едином пространстве. Дом был большой («мог я разгуливать по огромному дому бабушки») с целым рядом окон, застеклённых и с двойными рамами.

Изначально усадьба возводилась как центр обширных владений Ураковых, возможно, во второй половине XVIII в. В особняке мальчик нашёл заброшенную, уже неиспользовавшуюся в 1840-е гг. парадную часть дома, куда он прибегал играть. Главной была многооконная, длинная, широкая и высокая зала, где даже имелись хоры (там, скорее всего, когда-то помещались музыканты во время балов). К приезду Миши Михайлова они были уже настолько «утлые [...] ежеминутно грозившие обрушиться», что ему категорически запретили туда забираться. Износ древесины обычно происходит долго, что указывает на возведение особняка в Кирилловке именно в XVIII в.

Скорее всего, это был бальный зал для приёмов и многолюдных танцев. Помещение отличалось объёмом, находившийся «слишком высоко» потолок (почему не подлежал ремонту, дорого и бессмысленно) смотрелся «угрюмо и серо», стены же старались содержать в приличном состоянии, не часто, но их «подмалёвывали да подбеливали». Видимо, изначальное оформление стен уже сгнило. В XVIII в. стены и потолки чаще всего расписывались красками или обивались штофом.

Например, помещичий дом П.И. Куролесовой удивил маленького Серёжу Багрова роскошью. «Взглянув на залу, я был поражён великолепием: стены были расписаны яркими красками, на них изображались незнакомые мне леса, цветы и люди»[1].

В Кирилловке престарелая хозяйка (бабушка) всё же сохраняла парадный зал как память о своей безвозвратно ушедшей молодости и угасающем роде князей Ураковых. Миша Михайлов встретил здесь «стулья, тесным рядом стоявшие около стены», с

---

[1] *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. I. М., 1956. С. 465–466.

подушками, у которых «расползлось сукно их и разлезлись шелковые узоры, выведенные искусными руками по этому сукну». Видимо, сама бабушка рассказала внуку, что подушки вышивались разноцветными шелками «на приданое» для «свадьбы моей возлюбленной бабушки». Это подтверждает датировку парадных залов – XVIII столетие, возможно, сразу после пугачёвщины.

Второй комнатой в центральной части усадьбы была гостиная. «Ещё более следов оставило безпощадное время на мебели и стенах сумрачной и неприглядной гостиной, и никто не заботился загладить эти следы: подклеить тёмные обои[1], которым золотые блёстки, рассыпанные по их когда-то фиолетовому фону, вовсе не сообщали ни красы, ни приветливости, и переменить или по крайней мере починить вытершуюся и полинявшую материю, которой была обита мебель. Не веселее была гостиная и от огромного портрета, висевшего на главной стене её, над старомодной софой; надо отдать справедливость этому портрету – лицо у него было совершенно коричневое, а белков глаз было вовсе не видно под слоём старой, въевшейся в полотно, пыли». По всей видимости, на портрете был изображён кто-то из наиболее видных представителей княжеского рода Ураковых.

Парадные помещения (бальный зал и гостиная для обедов) стояли запертыми. Писатель вспоминал: «Обе комнаты эти были вечно пусты, и дверь, ведшая из гостиной в комнату бабушки, была постоянно затворена. Вероятно, только со времени моего приезда к бабушке голос живого человека стал довольно часто раздаваться в этих холодных и неуютных комнатах». Скорее всего, раз внука не пускали на улицу, ему открыли эти две большие неотапливаемые комнаты, чтобы дитя там резвилось.

К 1840-м гг. жизнь в старинной усадьбе полностью переместилась во внутренние горницы, изначально спланированные под частную семейную жизнь. «Но как тепло, как уютно было во всех остальных покоях бабушкина дома! С каким удовольствием припоминаю я и комнату самой бабушки, всю обставленную кругом мягкими диванами, устланную коврами, и маленькую каморку, где была моя постель». В бабушкиной комнате стояло большое зеркало в старинной раме.

Население кирилловской усадьбы не могло освоить пространство некогда огромного особняка князей Ураковых. Для бабушкина воспитанника Саши, Александра Васильевича, «была отведена и убрана одна из лишних комнат дома, издавна необитаемая». Вся жизнь, праздники и гаданье, проходили во внутренних комнатах, две старинные залы никак не использовались,

[1] Обои повсеместно стали применяться с конца XVIII в.

даже во время приезда долгожданного Саши[1].

О состоянии кирилловской усадьбы после визита юного литератора свидетельствует объявление о торгах на имение князя Александра Васильевича Уракова при дер. Кирилловке. Князь накопил частных долгов на 32 971 руб. 19,5 коп., при общей оценке поместья в 24 430 руб.

Весной 1866 г., кроме 3380 дес. земли, «при имении находятся деревянные: ветхий дом и прочный флигель с принадлежащими к ним строениями, а также водяная мельница»[2].

Старинная усадьба сохранялась. При составлении уставной грамоты на имение скончавшегося штабс-капитана А.В. Уракова указывались границы «от Господской усадьбы». Из трёх дворовых душ двое пожелали получить надел, один остался служить до 1863 г. Ликвидацией крепостных отношений занималась С.Л. Забусова, которая из-за слабого здоровья поручила вести дела «по вверенному моему опекунскому управлению сельцу Кирилову князя Уракова» своему мужу Г.П. Забусову (август 1861 г.)[3].

В 1874 г. за одним из Ураковых при дер. Кирилловой значилось имение, но приписали: «продал». Маленькая усадебка в Кирилловке, наверняка, была разобрана уже в 1870-е гг. А может барская усадьба стала ядром хозяйственного комплекса Базилевских, существовавшего здесь до начала XX в.[4]

На самом берегу реки Уфы, в стратегически важном месте, где задолго до возведения железнодорожного моста действовала

---

[1] Приехавшего офицера Сашу (Александра Васильевича) бабушка женила на старшей из своих трёх воспитанниц Танечке. В рассказе Саша тоже воспитанник бабушки. Но сыном (видимо, единственным) являлся Александр Васильевич Ураков, штабс-капитан в отставке. Возможно, М.Л. Михайлов рассказывал как бабушка женила своего сына? Автор подметил драматический момент в истории со сватовством. Наверняка, остальные девушки понимали, что им уже так не повезёт, благодетельница-бабушка была преклонного возраста и в действительности вскоре умрёт.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1866. 23 апреля.

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 775. Л. 2 и об., 3, 8.

[4] Гипотетически это возможно, несмотря на временной разрыв. Согласно описи за 1903 г., дворянину В.И. Базилевскому при Кириллово (и Дорогино) принадлежала большая усадьба с выгоном (25 дес.). Кроме водяной мукомольной мельницы, здесь находились «постройки: дом деревянный 2000 р., флигель 200 р., изба 50 р., казарма для рабочих 300 р., баня 100 р., амбар 1000 р., зерносушилка 600 р., молотильный сарай 150 р., конюшня, каретник, сарай и навес 300 р., скотный двор 150 р., две погребицы 50 р. и две избы для лесников 100 руб., всего на 5000 руб.» (НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2879. Л. 6, 8). Краеведы упоминали, что в усадьбе в Кирилово Базилевский «жил последние годы своей жизни» (*Гудкова Зинаида.* Золотопромышленник Базилевский // Уфа: страницы истории. Книга первая, испр. и доп. С. 47). Это миф.

оживлённая паромная переправа, лежит большая деревня с историческим именем Князево (Ураково). Чрезвычайная выгодность положения деревни вызвала большую плотность заселения. В 1861 г. это были два отдельных селения: маленькое Ураково (Князево) из семи дворов и большое Князево из 44 дворов. После реформы они составили единую деревню, но с двумя отдельными сельскими обществами / общинами – Гринеевское (77 рев. душ) и Лузгинское (34 рев. души).

А многочисленное население (около 340 чел.) считалось крепостными шести помещиков. У троих не имелось дворовых и, следовательно, никакой усадьбы тоже не было. Это упоминавшаяся выше Яхонтова (у неё даже земля отсутствовала, было только 8 крепостных), одна из Ураковых, а также уже называвшаяся надворная советница Софья Петровна Гриневич. Последней принадлежало больше всего крепостных (201 чел.) и земли (1070 дес.), но хозяйка запуталась в долгах. Часть её имения при сельце Князево, Ураково тож, (свыше 261 дес.) в 1868 г. была выставлена на торги из-за задолженности разным лицам[1].

Действительно, дворовых в поместье С.П. Гриневич при сельце Ураково-Князево не было вовсе, на плане надела тоже не видно присутствия барской усадьбы. Сама Софья Петровна, «по случаю проживания моего в СПетербурге», доверила все дела по своему имуществу коллежскому советнику Николаю Андреевичу Сокурову[2]. А имущество С.П. Гриневич включало землю и 150 ревизских душ крестьян при Никольском, Касимово тож, а также Ураково (Князево), мукомольную мельницу на два постава с обдиркой на р. Шакше, а также была «особая дача называемая Ерунус Каловская» и в Уфе каменный дом со службами.

Семь крепостных С.П. Гриневич, приписанных к дер. Князево (Ураково), проживали «в Киеве и Санктпетербурге и имении той же владелицы села Короваях Полтавской губернии», а один, наоборот, числился в Короваях, но жил в Князево[3]. Гриневичи состояли в рядах дворянства Полтавской губернии[4], в Пирятинском уезде по Тепловскому тракту находилась большая деревня

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1868. 9, 16 ноября.

[2] А с сентября 1860 по 1861 г. хозяйством управлял коллежский регистратор Илья Васильевич Зефиров, скорее всего, сын известного писателя В.В. Зефирова. Но, видимо, плохо, так как Оренбургская палата гражданского суда по прошению помещицы уничтожила его доверенность «на управление недвижимым населённым имением её, состоящим в Уфимском уезде» (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 9 сентября).

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 569. Л. 2 и об., 7 об., 13, 28 а.

[4] См.: Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898.

Аннинское (Короваи) в 124 двора[1]. Все крепостные С.П. Гриневич в Князево и Касимово (112 рев. душ) были отпущены за выкуп в 13 340 руб. в 1864 г.[2]

В Князево на 1861 г. крепостная прислуга была у Гурьевой (5 чел. дворовых), Мальгиной (4 чел.) и Лузгиных (12 чел.). При этом земли были не разграничены, в 1865 г. межевые работы на площади почти 1710 дес. запланировали для «сел. Князево, Ураково тож Гг. Лузгина, Гриневич и друг.»[3] Из-за близости к Уфе, скорее всего, дворяне там и проживали. В 1861 г. самым крупным имением Гриневич управлял староста, всеми остальными владениями разных лиц командовал Лузгин.

Это был надворный советник Василий Поликарпович Лузгин[4], хозяин сельца Ураково, «в нераздельном пользовании» которого с дочерьми коллежской секретаршей Ольгой Васильевной по мужу Гурьевой и Елизаветой Васильевной по мужу Мальгиной находились все крепостные. Последняя передала свои две мужские (ревизские) души дворовых отцу, после 1861 г. Лузгин и Гурьева отпустили четыре души дворовых на волю, и дворовые оставались только у батюшки[5]. Видимо, пожилой помещик жил в Князево, дочери в лучшем случае навещали родное гнездо.

Отец же сразу после отмены крепостного права взял курс на ликвидацию поместья. Уже в 1863 г. в прессе появилось подробное объявление о продаже имения, из которого хорошо видны владения В.П. Лузгина.

«Продаётся за 10 500 рублей, в 23 вер. от г. Уфы 1) земли свободной с лучшими удобствами и угодьями 418 десят. 1505 сажен, оставшейся за наделом крестьян сельца Уракова Уфимского уезда. 2, Устроенные тут же в 1859 году лучшей прочности и вида из елевого и липового леса господский дом, флигель, че-

---

[1] Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел [Вып.] XXXIII. Полтавская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862. С. 172.

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 14 сентября; 1864. 15 февраля.

[3] Там же. 1865. 26 июня.

[4] В 1851 г. помощником начальника Окружного управления государственных имуществ служил титулярный советник Василий Поликарпович Лузгин, а в Челябинске на аналогичной должности находился титулярный советник Павел Поликарпович Лузгин. Поликарпу Петровичу Лузгину принадлежала также дер. Тарбеевка к западу от Уфы. А в 1834 г. в первую часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии была включена вдова титулярного советника, проживавшая в Уфе Анна Егоровна Лузгина (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1331).

[5] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 666. Л. 1, 2 и об.

тыре хлебные анбара, два погреба, каретник, пять скотских тёплых хлевов, один лабаз, баня, рига и гумно. 3, Право на содержание устроенной при этой земле чрез реку Уфу переправы; два парома; двои при берегах реки мостков; одна косная и две лёгкие лодки и землянка при той переправе и 4. Рыбные ловли в озёрах и в реке на пять по ней вёрст и удобная пристань на берегах её, для складки хлеба и другого товара приготовляемого к сплаву промышленниками. Желающие купить всё это могут обращаться для окончательной на то сделки ко мне в г. Уфу в дом чиновника Василья Васильевича Гурьева. Имение это может быть также отдано мною кому либо в арендное содержание на продолжительные сроки за 550 руб. ежегодного платежа мне оброка, а господский дом может быть продан и на слом за 430 руб.» Земля при реке Уфе, годовой доход – 750 руб. «Надворный Советник Василий Лузгин»[1].

Как видно, В.П. Лузгин накануне реформы (в 1859 г.) выстроил новый хороший дом, видимо, рассчитывая развернуть бизнес возле переправы. Потеря дармовой рабочей силы разрушила планы предпринимателя. Крестьяне (34 рев. души) В.П. Лузгина и его дочери жены коллежского секретаря Ольги Васильевны Гурьевой перешли на выкуп в 1863 г. за 4080 руб.[2]

В 1874 г. близ дер. Князево сохранялись владения Гриневич, жены генерал-лейтенанта Яхонтовой и княжны Авдотьи Алексеевны Ураковой (на другом берегу), на 1881 г. О.В. Гурьева сохраняла 82 дес.[3], в списках землевладельцев за 1895 гг. все князевские помещики отсутствуют.

Буквально за околицей села Касимово располагалась деревня Курочкино (Ивановка, в 1861 г. Старая Курочкина), где потребности помещика губернского секретаря Василия Павловича Курочкина обслуживали 16 дворовых людей (9 муж., 7 жен.). В уставной грамоте, которую за сына 26 февраля 1862 г. подписала мать коллежская ассесорша Александра Фёдоровна Курочкина, есть краткие упоминания об усадьбе. Межою служил «овраг разделяющий господское строение от крестьянского». При определении границ указывалось: «мимо господского дома», «около господского огорода». На 1865 г. управляющим в имении служил капитан Афонасьев[4]. В 1866 г. коллежский секретарь Василий Павлович Курочкин договорился о выкупе с крестьянами Ивановки (36 рев. душ) за 4097 руб. 72 коп.[5]

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 19 января.
[2] Там же. 9 марта, 10 августа.
[3] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.
[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 577. Л. 1, 2 и об., 3 об. – 4, 8.
[5] Уфимские губернские ведомости. 1866. 26 февраля, 2 июля.

Курочкины – уфимская дворянская фамилия[1], у них имелись другие имения, особенно был известен Уфимский уездный предводитель дворянства, титулярный советник (на 1836 г.) Павел Иванович Курочкин. А в марте 1865 г. Оренбургский приказ общественного призрения за долг в 3360 руб. назначил к продаже имение в сельце Ивановке коллежского регистратора Василья Павловича Курочкина[2]. В 1874 г. ещё упоминается имение Курочкина при Ивановке, но в последующих источниках эта фамилия среди землевладельцев Иглинской волости исчезает. Как у многих здешних дворян, в 1870-е гг. усадьбы не стало.

К югу от Иглино, за речкой и сельцом Тауш лежала довольно крупная деревня Ново-Березóвка (Чумаковка, Ивановка). Являясь продолжением таушского «гнезда» дворянских поместий, Ново-Березовка была украшена усадьбами двух дам. После реформы сельчане образовали самостоятельные общества – Чумаковское (37 рев. душ) и Ново-Березовское (75 рев. душ).

На 1861 г. первые являлись крепостными вдовы надворного советника Екатерины Ивановны[3] Ястребовой (27 дворовых, 9 муж., 16 жен.), вторые – жены надворного советника Ольги Ивановны Шахуриной[4] (37 чел. дворовых, 16 муж., 21 жен.). Такой обширный штат персонала предполагает внушительные размеры усадеб. Обоими имениями управляли старосты, но вполне вероятно хозяйки регулярно навещали родовое гнездо, возможно, на лето переселяясь сюда. Шахурины жили в Уфе. Шахурина состояла членом дамского комитета, занимавшегося попечением о раненых и больных воинах, Ольга Ивановна и Егор Афанасьевич Шахурины постоянно упоминаются в светской хронике (жертвовали детским приютам и пр.)[5].

Помещицы Ново-Березовки являлись сёстрами, дочерьми надворного советника Ивана Ларионовича Березовского, одного из персонажей аксаковского окружения[6]. Ольга Ивановна была замужем за надворным советником Е.А. Шахуриным, а Екатерине Ивановне земля досталась по наследству «от отца её Ивана

---

[1] Известна также вдова подполковница Анна Ивановна Курочкина, которая продала наследникам умершего генерал-майора Акима Ивановича Середы крепостных крестьян «с раздроблением семейств и вместо живых умерших» (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 26 апреля).

[2] Там же. 1865. 1 мая.

[3] В списке 1881 г. ошибочно указано Николаевна.

[4] В 1861 г. владельцем назван Шахурин.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1871. 27 февраля; 1872. 1 января. В 1878 г. упоминается только Ольга Ивановна Шахурина (Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г. Отдел III. С. 26).

[6] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. С. 41–42.

Ларионовича Березовского»[1].

У обеих дам дворовые оставались служить до 1863 г. (у Е.И. Ястребовой – 10 рев. душ[2]), а делами О.И. Шахуриной занимался её зять, коллежский ассесор Павел Иванович Подашевский, он и подписал уставную грамоту 18 октября 1862 г.[3] Затем Подашевский купит землю возле Новой Березовки и, вероятно, унаследует шахуринскую усадьбу.

С крестьянами о выходе из крепостной зависимости удалось договориться лишь в 1869 г. Ястребова запросила с мужиков 4440 руб., Шахурина – 7856 руб. 25 коп., а получила ссуду в 8380 руб.[4] На 1874 г. оба имения сохранялись, в 1881 г. Шахуриной уже не было.

Надворная советница Ольга Шахурина была в числе немногих уфимских дворян, пытавшихся заниматься предпринимательством. В 1865 г. действовал её Ивановский винокуренный завод в Уфимском уезде (1300 вёдер спирта на 7580 руб.), а на 1870 г. у неё был водочный завод в Уфе (произвели 4434,6 вёдер водки на 13 958 руб. 99 коп.). Водочный завод Шахуриной функционировал в 1861, 1866, 1867, 1870 гг.[5]

Имение Ястребовых существовало до начала XX в. По данным за 1895 г. дворянам Е.И. Ястребовой, наследникам В.А. Ястребова и Н.А. Листовской принадлежало около 243 дес. земли, включая усадьбу на площади в 3 дес. Отдельно в руках Е.И. Ястребовой находилось ещё свыше 112 дес. и тоже присутствовала усадьба в 3 дес.

Владение Ястребовых было почти единственным в Зауфимье, которое попытались продать Крестьянскому поземельному банку (Уфимскому отделению), переписка с которым приоткрывает последний этап истории поместья.

Престарелая помещица скончалась, по всей видимости, летом 1895 г., потому что 30 июня 1895 г. по иску П.С. Листовского суд выписывает исполнительный лист на опись имущества покойной. Ястребова взяла 15 октября 1893 г. в долг у П.С. Листовского 5 тыс. руб. Пётр Степанович Листовский[6] торопился не не случайно, совладельцев насчитывалось несколько.

---

[1] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3250. Л. 22.
[2] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 733. Л. 10.
[3] Там же. Д. 715. Л. 2; Д. 720. Л. 2, 5, 7.
[4] Уфимские губернские ведомости. 1869. 27 сентября, 27 декабря; 1870. 21 марта.
[5] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 161, 171. Отд. паг.
[6] В конце века проживал в Уфе на Большой Ильинской улице в доме Лоссиевской (НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3250. Л. 57).

Ещё 12 июня 1843 г. по дарственной записи Е.И. Ястребова «подарила сыну своему Виталию Андреевичу» 50 дес., которые находились «в общем владении». Сын к 1890-м гг. умер и права на землю были у наследников. Наконец, 50 дес. в общей даче принадлежали Н.А. Листовской – жене действительного статского советника Петра Степановича Листовского (предположим, урождённой Ястребовой). Е.И. Ястребова была связана родственными узами с известной уфимской дворянской фамилией Листовских[1]. Родственники не желали терять землю и деньги.

Материалы, связанные с разделом имущества, показывают отсутствие в Новой Березовке усадебного комплекса. Хотя по исследованию 1895 г. усадебной земли числилось 6 дес., «построек в имении нет и усадьбы не было». Когда 8 февраля 1896 г. судебный пристав описывал имение умершей Ястребовой, он отметил: «Построек на означенной земле не имеется».

В составленной рукописной схеме земель при Новой Березовке, видно, что севернее лежат земли Ястребовой и других совладельцев, вплотную примыкавшие к деревне.

С другой стороны, на правом берегу речушки Чуручейки лежали земли П.П. Подашевского (бывшие Шахуриной). Вероятно, изначально дворянские усадьбы стояли напротив друг друга, разделённые Чуручейкой (в неё впадал ручей Ржавец). А северный участок ястребовских владений на 1895 г. являлся остатком некогда существовавшего усадебного комплекса, к тому времени заброшенного, все строения на котором ликвидировали.

Выставленные на торги 250 дес. были приобретены Крестьянским банком. Над землями Е.И. Ястребовой учредили опеку, опекуны меняли один другого: Леонид Александрович Хабаров, П.С. Листовский, Пётр Флегонтович Ахмаметьев.

Видимо, сын П.С. Листовского (ему тоже принадлежал кусок участка) Пётр Петрович, свидетельствовавший от лица родни опись поместья в 1896 г., скончался, а перешедшие к нему 22 дес. достались малолетним детям (опекун – их мать Ольга Листовская). Оставались и земли умершего сына Ястребовой. Последний опекун, канцелярский служитель П.Ф. Ахмаметьев в апреле 1910 г. решил продать всю землю, так и неразмежёванную, Крестьянскому банку с общего согласия всех собственников[2]. По переписи 1912 г. Ястребовы не фиксируются.

Рядом, в двух верстах от села Юрмаш (Русский), в чью цер-

---

[1] О Листовских см.: *Тюрина И.П., Гончаренко Е.Б.* Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян Листовских (на основе собрания портретов из коллекции Томского областного художественного музея) // Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015.

[2] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3248. Л. 1, 2; Д. 3250. Л. 1–2, 5, 11, 17, 22.

ковь ходили жители, лежит дер. Петровка (Крючевка, Ильинка, в 1861 г. Карачевка), владелице которой Марфе Энгелькрон[1] принадлежала здесь в 1861 г. приличная усадьба с 32 чел. дворовых (14 муж., 18 жен., правда в работоспособном возрасте лишь 4 и 9 чел.[2]). Уставная грамота с крестьянами, утверждённая в Уфе 11 июля 1862 г., составлялась от имени наследников М.П. Энгелькрон, опекуном являлся надворный советник К. Энгелькрон. Семья уфимских чиновников, скорее всего, наезжала сюда в летние месяцы, хозяйством в 1861 г. управлял староста.

Владелица поместья Марфа Петровна первым браком была замужем за коллежским ассесором Андреем Игнатьевичем Киричевским (дети: дочь Лидия, записана в Александровской церкви Уфы, сын Пётр). Видимо, имение в Ильинке досталось ей от мужа, не случайно подчёркивал мировой посредник А.Е. Угличинин местное название деревни «Киричевка» (в искажённом виде оно сохранялось долго).

Овдовев, 9 ноября 1849 г. надворная советница Марфа Петровна Киричевская обвенчалась в Успенском храме Уфы вторично с титулярным советником Константином Васильевичем Энгелькроном (во втором браке детей не было). В 1861 г. М.П. Энгелькрон скончалась, духовное завещание было утверждено 23 октября 1861 г.

Основную часть имения она завещала несовершеннолетнему сыну от первого брака П.А. Киричевскому (опекун К.В. Энгелькрон), а отдельная Головинская пустошь, которую Марфа Петровна купила в 1844 г. у майора Сергея Николаевича Зубова, досталась дочери – жене надворного советника Лидии Андреевне Васильевой. Но 28 мая 1864 г. 17-летний ученик Пермской гимназии Пётр Андреевич Киричевский умер «от чахотки». И всё поместье оказалось в руках Л.А. Васильевой (муж: надворный советник Пётр Михайлович Васильев).

Усадьба в 1860-е гг. сохранялась, все 14 рев. душ дворовых остались служить до 1863 г. О бывшей господской усадьбе при речке Кокушке несколько раз упоминается при определении границ («на право крестьянская усадьба, на лево господская»). Крестьянам дозволялся «прогон скота по улице мимо господского дома». То есть барская усадьба стояла посреди деревни. А за речкой Ильинкой, пройдя к «господскому коноплянику», требовалось «поворотить подле господского двора и дойдя до саду

---

[1] В 1851 г. одним из старших чиновников по особым поручениям при Оренбургском гражданском губернаторе (в Уфе) служил титулярный советник Константин Густавович Энгелькрон.

[2] См., также: *Кречетович И.П.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). М., 1911. С. 625.

обойдя господскую усадьбу и пройдя чрез ригу на берегу стоящей около строевого лесу» можно было выйти к речке Юрмашке, была и мукомольная мельница. То есть существовала крупная усадьба с двором, хозяйственными постройками, имелся сад, видимо, обширный, раз упоминается как важный ориентир.

За поместье Л.А. Васильева получила выкуп в 6240 руб., за исключением маменькиных долгов приказу общественного призрения, взятых в 1856 и 1859 гг. Судя по переписке, новая хозяйка постоянно проживала в своём поместье. В 1866 г. она подчёркивала: «имея надобность отлучиться из дому», в 1867 г. письма подписывала из Ильинки и просила выкупные деньги выдать коллежскому ассесору Дмитрию Петровичу Баранцеву[1], то есть съездить в Уфу ей было сложно.

Дальнейшая судьба этой усадьбы не известна, вероятно, во второй половине 1870-х гг. она исчезла или перешла в другие руки. По списку мелких землевладельцев уезда за 1881 г. дворян Васильевых нет.

Близ поймы реки Уфы, по дороге из Кириллово в Князево, у подножия высокого холма лежит ещё одна деревня – Покровка (Дорогино). Поместье принадлежало умершей (к 1870 г.) вдове коллежского советника Марье Васильевне Дорогиной[2]. Её владения доходили до самой реки Уфы, а в деревне она проживала «в господском деревянном доме с строениями». Здесь располагалась немалая усадьба, которую обслуживали 43 чел. дворовых (21 муж., 22 жен.). Стоило поместье целиком 4680 руб. и было весной 1870 г. выставлено на торги[3]. Дело в том, что М.В. Дорогина вместе с другой дворянкой и окрестной помещицей С.И. Забусовой унаследовала имение скончавшегося штабс-капитана князя Александра Уракова, но в придачу с большими долгами. Да у самой Дорогиной имелась серьёзная задолженность в 1241

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 623. Л. 1а, 2, 3 об., 5, 7; Д. 815. Л. 1, 2 об., 4, 5, 14, 27, 28, 30, 32 об., 34 об., 41, 42 об., 62–63, 72; Уфимские губернские ведомости. 1867. 6 мая, 17 июня.

[2] Примерно в 1862 г. умер подпоручик Василий Аркадьевич Дорогин, но наследство включало только деньги, без имения (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 17 ноября).

[3] Имение М.В. Дорогиной при Покровке выставлялось за долг в 1359 руб. приказу общественного призрения ещё в 1863 г. (Там же. 1863. 9 марта). В 1866 г. поместье при сельце Покровке (387 дес. и «кроме того при имении находится господский деревянный дом, с принадлежащими к нему строениями») в 1866 г. снова выставлялось на торги (оценка – 2400 руб.). Оно было заложено в Московской сохранной казне, а М.В. Дорогина была должна 700 руб. штабс-капитану Булгакову, 4000 руб. – его жене, 110 руб. – священнику Лебедеву и 500 руб. вдове Шубиной (Уфимские губернские ведомости. 1866. 23 апреля).

руб. 51 коп. Деньги она позаимствовала в Оренбургском (в Уфе) приказе общественного призрения, в 1862 г. долг перевели в Московскую сохранную казну[1].

Все дворовые остались служить до 1863 г., имение в 1862 г. находилось в опеке (опекун титулярный советник Амвросий Ахмаметьев), на 1866 г. оно сдавалось в аренду титулярному советнику Александру Парфёновичу Секавину[2]. Усадебные строения, наверняка, постепенно сносили. После кончины хозяйки, в 1870-е гг. земля при Дорогино была продана Базилевскому. Новый владелец-миллионер здесь развернул лесоразработки.

Недалеко от Иглино (сейчас слилось с ним) лежало большое сельцо Ключевое / Ключёвское (иначе Березовка, Старая Березовка). Ныне это юго-западная часть Иглино, южнее железной дороги. Старожилы до сих пор употребляют название Березовка. Здесь находилось поместье Дмитрия Ивановича Березовского, за которым ухаживало 29 дворовых (13 муж., 16 жен.). Имением управлял староста. Известный уфимский дворянский род Березовских сходил со сцены и в 1860-е гг. поместье при сельце Старой Березовке, Ключёвка тож, (90 рев. душ) перешло к надворной советнице Екатерине Ивановне Ястребовой (о ней выше) и Анне Константиновне Юзефович[3]. Сестре и вдове.

Е.И. Ястребова унаследовала долю в поместье от родного брата (в 1868 г. вдова надворного советника) и усадьбу, где из 7 рев. душ дворовых одного отпустили на волю, остальные остались служить до 1863 г.[4]

Анна Константиновна первым браком была замужем за надворным советником Дмитрием Ивановичем Березовским (второй супруг – Дмитрий Владимирович Юзефович).

Именно обе помещицы в 1869 г. договорились с мужиками о выкупе за 8744 руб. 62,5 коп. Но в Петербурге выкупную сумму на крестьян в феврале 1870 г. накинули до 9255 руб. 60 коп. за 324 дес. На имении было много долгов и недоимок[5].

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1870. 2 мая.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 693. Л. 5, 9.

[3] Действительным членом Уфимского губернского статистического комитета состоял Владимир Михайлович Юзефович (Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Отдел III. С. 7). А Д.В. Юзефович опубликовал статью «О коннозаводстве, коневодстве и табунах в Уфимской губернии» (Уфимские губернские ведомости. 1870. 31 января, 7 февраля). Его же перу принадлежит статья «О числе конных заводов, табунов и крестьянских лошадей в Уфимской губернии за 1869 г.» (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / сост. Н.А. Гурвич. Ч. I. Уфа, 1873. С. 108–117. Отд. паг.).

[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 733. Л. 7 и об.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1869. 12 июля; 1870. 27 июня.

Когда согласовывали уставную грамоту, в сентябре 1862 г. мировой посредник прибыл «в имение» подполковницы Анны Константиновны Юзефович (7 душ дворовых)[1]. Значит, усадьба существовала. Как и в подавляющем большинстве случаев, дворовые согласились ещё два года (до 1863 г.) служить барыням на прежних основаниях.

Дворяне Ястребовы не спешили продавать свои владения (см. выше в Ново-Березовке), возможно и здесь усадьба, хозяйственные постройки продолжали существовать. В 1874 г. обе помещицы всё ещё имели землю при Березовке, затем Юзефович избавляется от недвижимости[2].

Последние помещичьи деревни Иглинской волости располагались вдоль речки Шакшинки в двух – четырёх верстах от села Касимово, куда отправлялись молиться жители. Это Яхонтово и Шакша, которые ныне находятся на границе города.

В 1861 г. кроме Яхонтово (Михайловки), рядом существовало Яхонтово (новая слободка). В первом находилось самое большое поместье дворян Михайловых, откуда возникло второе имя деревни (в 1912 г. имелось и третье: Шергина). А новая слободка представляла собой владение дворян Де-Граве, где не было крепостных, при маленькой усадьбе проживали 15 чел. дворовых (7 муж. и 8 жен.). У Михайловых, наоборот, они не числились, хотя усадьба, возможно, стояла. Господа только собирали доход с крестьян, имением управлял надворный советник Федюкин, который, думается, тоже бывал здесь наездами.

Второе именьице «живущей в городе Челябе[3]» Любови Павловны Де-граве обслуживали две семьи (2 рев. души) дворовых, «пользующихся землёй». Дворяне тут не жили и прислуга занялась сельским хозяйством. Имение быстренько в 1863 г. хозяйка сдала в казну[4], оставшиеся от надела крестьян земли числились

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 730. Л. 2, 3; Д. 819. Л. 7, 33, 39, 50 об.

[2] На 1873 г. жене полковника Анне Константиновне Юзефович принадлежал Айбашевский № 11 винокуренный завод в Бирском уезде (в 1870 г. произведено 23 272 ведра спирта на сумму 21 759 руб. 32 коп. Завод стабильно работал с 1861 по 1870 гг. (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 160, 171).

[3] Видимо, семейство там постоянно проживало. В 1836 г. в составе Челябинского попечительного комитета о тюрьмах состоял земский исправник поручик Иван Фёдорович де-Граве (кавалер ордена Св. Анны 4-й ст.).

[4] При этом Сенат в 1864 г. освободил помещицу от задолженности её мужа. Бывшего члена Курганского окружного управления, заседателя Окружного суда Ивана Деграве судили за растрату казённой соли в 1836 г. По завещанию в 1846 г. муж Любови Павловны поручик Фёдор Деграве оставил ей кроме поместья задолженность в 1,9 тыс. руб. перед Тобольским губерн-

за Л.П. Деграве и в 1881 г. (50 дес.)[1]. А происхождение названий Михайловка и Шергина объясняют документы.

В марте 1811 г. надворная советница Анна Евлампьевна Мартынова продала за 500 руб. пятерых крепостных крестьян из дер. Анниной, Костарёво тож (совр. Дёма), доставшихся ей от покойного мужа Андрея Фёдоровича Мартынова, губернской секретарше Александре Савиновне («Савиной дочери») Шергиной. По доверенности договор подписал муж последней Пётр Иванович Шергин. Когда в 1849 г. утверждалась межевая книга по сельцу Яхонтово, «владения поручицы Любови Павловой Дегрове», её соседями были помещики коллежский секретарь Аркадий Михайлович Дорогин, надворный советник Ларион Михайлович Михайлов и многочисленные Артемьевы. Затем опекуншей малолетних детей Михайловых выступала коллежская ассесорша Раиса Пичугина[2]. Наследниками Л. Михайлова являлись коллежский секретарь Андрей Михайлов и др.[3]

Начинавший службу в Симбирской губернии, чиновник Л.М. Михайлов с января 1825 г. проживал в Уфе, занимал должности губернского казначея в казённой палате (с 1826 г.), чиновника особых поручений в канцелярии военного губернатора (январь 1830 – апрель 1831 г. в Оренбурге), затем снова в Уфе секретаря Оренбургского губернского правления[4]. Успешное продвижение по службе позволило получить дворянство в 1832 г., но ещё до этого Л.М. Михайлов в ноябре 1826 г. женится на дочери местного помещика, генерал-лейтенанта Василия Егоровича Уракова – Ольге Васильевне. В приданое она и получает родовое имение – сельцо Яхонтово.

Первенцем в семье был Михаил (род. 3 января 1829 г. в Уфе), достаточно известный поэт, переводчик[5] и политический

ским правлением (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 787. Л. 3, 10, 24 об., 27, 35).

[1] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

[2] Там же. Л. 13 и об., 15 об., 17, 19 и об.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1857. 23 ноября.

[4] Наиболее полные сведения о семье Михайловых (в литературе и интернете до сих пор обилие ошибок) изложены в статье, из которой приводится здесь информация, уфимского краеведа и архивиста В.Г. Хазиева: *Хазиев В.Г.* Писатель-революционер Михайлов – уроженец Уфы // Поиски и находки / Сост. В.А. Скачилов. Уфа, 1984. С. 76–85.

[5] *Михайлов М.Л.* В провинции. Ч. 1–2. СПб., 1859–1860; Стихотворения М.Л. Михайлова. СПб., 1866; *Он же.* Собрание стихотворений. СПб., 1890; *Он же.* Благодетели: роман в 3 ч. СПб., 1891; Полное собрание сочинений М.Л. Михайлова / Под ред. П.В. Быкова. Т. 1–4. СПб., [1913– 1914]; Переиздавался в советское время: *Михайлов М.Л.* Сочинения. В 3-х т. / Под общ. ред. Б.П. Козьмина; вступ. статья М.И. Дикман и Ю.Д. Левина; подгот. текста и примеч. Г.А. Коган. Т. 1–3. М., 1958; *Он же.* Собрание сочине-

деятель Михаил Илларионович Михайлов (1829–1865).

В 1835 г. Л.М. Михайлова переводят на службу в Илецкую Защиту в соляное правление, затем родители умирают (мать в 1841 г., отец в 1845 г.). Над сыновьями Михаилом и Андреем (1831 г. р.) учреждается опека в лице Р. Пичугиной. В 1846 г. М.Л. Михайлов уезжает в Петербург. Среди произведений М.Л. Михайлова есть рассказ «Святки. Очерки деревенского быта», впервые опубликованный в 1853 г.[1], переизданный в советское время[2]. Это единственное описание быта местных помещиков. Но родовое имение досталось не братьям, а сестре.

В начале 1860-х гг. имение при сельце Михайловке перешло к подполковнице[3] Софье Иларионовне Забусовой, которая уже в 1865 г. оформила сделку с крестьянами (39 рев. душ) за 4680 руб.[4] Ей принадлежали три участка: Шакшинская дача, луга за рекой Белой и Яхонтовская дача. На последней располагалась усадьба со строениями, огородом, гуменником и коноплянниками. Центр поместья находился «в господском одноэтажном доме». Имение оценили в 5490 руб., весной 1870 г. его выставили на торги вместе с поместьем М.В. Дорогиной (см. выше)[5].

Здесь сталкиваемся с новой ситуацией. На 1861 г. у Михайловых в Яхонтово дворовые не числились. Может быть, Софья Иларионовна (сестра литератора) выстроила новое жильё.

Поместье удалось отстоять. В 1874 г. зафиксировано владение г-жи Забусовой при Яхонтово, в 1881 г. земли принадлежали супругам Забусовым, лишь к 1895 г. они исчезают. Вполне вероятно, одноэтажный барский дом ещё простоял пару десятилетий в Яхонтово (Михайловке).

В соседней Шакше[6] на 1861 г. находились сразу три дворянских усадьбы, причём у Андреевой (трое дворовых: 1 муж., 2 жен.) и Филипович (17 дворовых: 7 муж., 10 жен.) кроме прислуги никого в деревне не было: «людей на месте нет». Единственным «нормальным» поместьем можно назвать хозяйство Беневоленской (20 чел. крепостных со старостой и 8 чел. дворовых).

Про Андрееву нечего сказать, а статская советница Марья Ивановна Беневоленская скончалась в 1867 г. Суд вызывал на-

---

ний / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю.Д. Левина. Л., 1969; др.

[1] Отечественные записки (СПб.). 1853. Т. LXXXVII. № 3. Отд. VIII. С 1–31.

[2] *Михайлов М.Л.* По своей воле… Уфа, 1989. С. 60–97.

[3] Делами занимался её муж, майор (на 1861 г.) Григорий Петрович Забусов, который от имени Софьи Ларионовны (Илларионовны) 26 сентября 1862 г. и подписал уставную грамоту (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 692. Л. 2, 5 об., 6).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1865. 18 декабря; 1866. 1 января.

[5] Там же. 1870. 2 мая.

[6] По переписи 1912–1913 гг. все жители переселенцы-собственники.

следников, имущество включало дом в 1-й части Уфы и 40,5 дес. при дер. Шакше[1]. Возможно, поместье унаследовал Аристарх Андреевич Беневоленский, уфимский чиновник (на 1870 г.).

Шакшинский Филипович – это, скорее всего, прапорщик Аркадий Филипович, недолго служивший в уфимском губернском правлении и уволенный «за слабостию здоровья»[2]. Правда, затем он вполне здравствовал и в 1881 г. Аркадий Егорович Филипович сохранял фазенду в 12 дес. 2080 саж. вблизи дер. Шакша. К 1895 г. все шакшинские помещики распродали землю и маленькие дворянские гнёзда исчезли.

Подведём итог. В следующей таблице показаны дворянские поместья Иглинской (ранее Архангельской) волости, где на момент отмены крепостного права в 1861 г. существовали усадьбы, имелись дворовые крепостные люди.

Селение	Владелец на 1861 г. / дату выкупа	Дворовых в 1861 г. (муж., жен.)	Дальнейшая судьба дореформенной усадьбы (приблизительная)
Базилевка	1. Софья Платоновна Тимофеева	28 – 37	Исчезла или перешла в другие руки в 1880-е гг.
Баранцево	2. Александра Андреевна Платцова	2 – 2	Исчезла в 1870-е гг.
	3. Надежда Петровна Тиханова	10 – 7	Исчезла в 1870-е гг.
Тауш (Аничково, Грибовка, Черенкова)	4. Юлия Ивановна Кадомцева (Рагозина) и Лидия Ивановна Грибовская (Сокурова)	6 – 10	Исчезла в 1870-е гг.
	5. Прасковья Ивановна Дударь	3 – 2	Исчезла в 1860-е гг.
	6. Дмитрий Иванович Шильников	8 – 11	Исчезла в 1870-е гг.
	7. Анна Дмитриевна Угличинина, (Авдотья Кирилловна Хорошкевич, Александр Егорович Угличинин)	нет	В 1890-е гг. распродано
Тауш (Кадомцево)	8. Баранцева	4 – 4	Исчезла в конце 1860-х гг.
	9. Судоплатова	3 – 4	Исчезла в конце 1860-х гг.
	10. Щиголевы (Ва-	2 – 6	Исчезла в конце 1860-х

[1] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 января.
[2] Там же. 1867. 2 сентября, 10 декабря.

	силий Екимович Щеголев? и др.)		гг.
	11. Кадомцевы (несколько)	0 – 1	Отдельные усадьбы Кадомцевых существовали в 1890-е гг.
	12. Наталья Ивановна Васильева	нет (2 рев. души)	Исчезла в 1860-е гг.
Иглино	13. Егор Викторович Веригин	22 – 17	Усадьба в Иглино просуществовала до 1917 г., снесена в 1960-х гг.
Калтыманово	14. Малюкова	1 – 1	Исчезла в конце 1860-х гг.
	15. Петровский (Фёдор Михайлович?)	0 – 3	Исчезла в конце 1860-х гг.
	16. Сосфенов (Иван Прокофьевич?)	5 – 9	Исчезла в конце 1860-х гг.
	17. Григорий Евстратович Трубников	2 – 0	Исчезла в конце 1860-х гг.
	18. Ахмаметевы (несколько)	5 – 2	Усадьба Ахмаметевых существовала в 1912–1913 гг.
	19. Курчеевы (несколько)	1 – 1	Исчезла в 1870-е гг.
	20. Капиталина Дмитриевна Юрьева	1 – 1	Исчезла в конце 1860-х гг.?
	21. Алексей Григорьевич Краевский	1 – 5	Исчезла в конце 1860-х гг.
	22. Кудрявцева	1 – 0	Возможно, исчезла в 1890-е гг.
Касимово	23. Зубовы	9 – 7	Исчезла в 1870-е гг.
Кирилловка	24. наследники Александра Васильевича Уракова	4 – 9	Исчезла в 1870-е гг. (или продана Базилевскому)
Князево	25. Ольга Васильевна Гурьева	2 – 3	Исчезла в конце 1860-х гг.
	26. Елизавета Васильевна Мальгина	2 – 2	Исчезла в конце 1860-х гг.
	27. Василий Поликарпович Лузгин	6 – 6	Исчезла в конце 1860-х гг.
Курочкино	28. Василий Павлович Курочкин	9 – 7	Исчезла в 1870-е гг.
Ново-	29. Екатерина	9 – 16	Усадьба существовала до

Березовка	Ивановна Ястребова		1890-х гг.
	30. Ольга Ивановна Шахурина	16 – 21	Исчезла в 1870-е гг. (перешла к Подашевскому?)
Петровка (Крючевка)	31. Марфа Петровна Энгелькрон	14 – 18	Исчезла в 1870-е гг.
Покровка (Дорогино)	32. Мария Васильевна Дорогина	21 – 22	Исчезла в 1870-е гг.
Старая Березовка	33. Дмитрий Иванович Березовский (Е.И. Ястребова, Анна Константиновна Юзефович)	13 – 16	Возможно, усадьба просуществовала до 1890-х гг.
Яхонтово (Михайловка)	34. Любовь Павловна Де-Граве	7 – 8	Исчезла в 1860-х гг.
	35. Софья Илларионовна Забусова	нет	Исчезла в 1880-е гг.
Шакша	36. Аркадий Егорович Филипович	7 – 10	Исчезла в 1880-е гг.
	37. Мария Ивановна Беневоленская	4 – 4	Исчезла в конце 1860-х гг.
	38. Андреева	1 – 2	Исчезла в конце 1860-х гг.

Итого, с определённой долей условности, считая Кадомцевых, Ахмаметьевых и Курчеевых в единственном числе, а также учитывая ряд таких же маленьких поместий (летних дач с крепостной прислугой), по которым сведений не удалось найти, к 1861 г. в Иглинской волости существовало 38 дворянских усадеб, в семи держали свыше 20 чел. крепостной обслуги.

Конечно, в это число входили члены семей дворовых, но, судя по литературным и иным источникам, немало в рядах поваров и конюхов имелось одиноких. Поэтому, опираясь на численность дворовой прислуги, можно утверждать, что в пределах Иглинской волости стояло семь достаточно крупных усадебных комплексов в Базилевке и Иглино, Новой (две) и Старой Березовке, Петровке и Покровке. Абсолютное же большинство усадеб принадлежало мелкопоместным дворянам, являя собой, скорее всего, простые одноэтажные деревянные дома.

При всей скудости источников, дальнейшая судьба старинного, дореформенного помещичье-усадебного мира Иглинской волости вырисовывается вполне отчётливо. Оговоримся, что само понятие «исчезновение» усадьбы достаточно расплывчато.

Постройки могли быть проданы на слом, перейти к новым хозяевам, но, в любом случае, старый, сложившийся в крепостную эпоху, жилой и хозяйственный комплекс строений заканчивал свою историю как социокультурное явление.

Приблизительная датировка гибели дореформенных барских усадеб тем не менее свидетельствует о буквальном крахе помещичьего хозяйства в Зауфимье в первые два пореформенных десятилетия. В 1860-е гг. прекратили существование 17 усадеб из 38, в 1870-е гг. – ещё 12, а в 1880-е гг. – всего две. Как только дворяне «развязались» со своими бывшими крепостными, началась стремительная распродажа земли и снос строений (или переход к новым владельцам). Почти 80% «старых» усадеб Иглинской волости исчезают ещё до строительства железной дороги в 1888 г. Массовое «вымирание» коренного дворянства в Иглинской волости происходит до последовавшего наплыва переселенцев (и роста цен на землю). Без дармового труда крепостных рентабельность производства резко упала, на скудных лесных почвах доходность поместий снизилась настолько, что проще стало избавиться от дорогой недвижимости.

Лишь единицы дореформенных поместий дожили до 1890-х гг. (исчезли пять усадеб) и всего в двух случаях они перешагнули рубеж столетий. Какая-то ахмаметьевская усадебка дождалась в Калтыманово Первой мировой войны. И лишь старинная усадьба Веригиных пережила всех, закончив свою судьбу в разгар советской эпохи. Этот усадебный комплекс находился возле волостной столицы и экономического центра округи – села Иглино. Высокий спрос на землю и более благоприятные хозяйственные условия способствовали «живучести» данного дворянского гнезда. Ну, и отдельные мелкие дворяне отчаянно цеплялись за свои клочки земли, как Ахмаметьевы в Калтыманово, но уже мало чем отличаясь от окружающего крестьянства.

Своеобразным продолжением Иглинской волости являлась *Нагаевская волость*, чьи земли тянулись на юго-восток по правому берегу реки Белой, заходя за её приток Сим. Это был последний рубеж распространения помещичье-дворянского усадебного мира, далее сплошной стеной стояли лесные чащобы начинавшихся Уральских гор.

Вдоль речки Юрмаш возникло несколько поместий, на берегу стоит небольшая деревня Атаевка / Атаево (носившая также иные прозвища), сейчас именуется Шмидтово. В 1861 г. было две Атаевки. Первая, она же Курочкина, Шмитовка и Натальино тож, принадлежала дворянам Тарони[1], у которых стояла здесь

[1] В 1851 г. среди медицинских чиновников при частных уральских заводах

обширная усадьба с 33 чел. дворовых. Вторая Атаевка, маленькая, она же Екатериновка или Боссе, находилась в собственности дворян Боссе[1]. Последние держали небольшую усадьбу (11 чел. дворовых). Хозяева постоянно в поместьях не жили, делами заправляли староста и дворовый человек.

Коллежская советница[2], вдова Марья Фёдоровна Торони договорилась о выкупе с крестьянами в 1869 г., получив от казны ссуду в размере 3960 руб.[3]

Боссе, видимо, сразу избавились от имения, а за женой коллежского ассесора Марией Тороне в 1874 г. ещё числилась земля. Потом эти фамилии исчезают, усадьбы, наверняка, тогда же закончили своё существование.

Ниже по течению речки Юрмаш от Атаевки лежит дер. Богодаровка (Никитино). Вдоль нижнего течения Юрмаша по левому берегу выстроилась целая цепочка помещичьих усадеб с прилегавшими деревнями крепостных крестьян[4]. В Богодаровке на момент отмены крепостного права стояли две усадьбы на трёх владельцев. У дворян Бороздны усадьбы не имелось (дворовые отсутствовали) и добавлялось: «на его земле принадлежащие ему люди не проживают»[5]. Дворянке Черкасовой принадлежало только трое дворовых, крестьян не было вовсе, участок в 10 дес. земли представлял, скорее всего, просто загородную дачу. И только у дворян Никитиных в Богодаровке стояла большая

Кагинских Демидова и Авзяно-Петровских купца Губина служил коллежский ассесор Иосиф Карлович Торони.

[1] Известен Александр Фёдорович Боссе, которому в 1852 г. принадлежала популярная аптека в Уфе. В 1846 г. в доме чиновника 10 класса Боссе, «в одном из лучших зданий города, как по наружной, так и внутренней отделке» открылось Дворянское собрание (*Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 29, 85, 92). Боссе также интересовался метеорологией, составлял таблицу вскрытия и замерзания Белой возле города. Данные опубликовал (*Боссе.* Таблица о вскрытии реки Белой, и покрытии её льдом, при городе Уфе // Вестник Императорского Русского географического общества на 1851 год. Ч. 3 / Ред. А.А. Краевский. СПб., 1851. Отд. X. С. 77).

[2] В 1862 г., при подписании уставной грамоты, коллежская ассесорша. При поместье имелся «водопой в пруду» (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 745. Л. 2, 4).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1869. 8 февраля, 12 июля.

[4] Так, на лето 1852 г. было назначено полюбовное размежевание земель «сельца Хлебодаровки и Богодаровки владения Статского Советника Никитина, жены его Александры Никитиной, Коллежского Советника Пекарского, жены его Александры Пекарской, девицы Хрулёвой и Сотника Черкасова» (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 19 апреля). Все эти владения находились в единой поземельной даче.

[5] В 1895 г. не имевший чина М.А. Борозна владел в Нагаевской волости землёй (свыше 71 дес.), но усадьбы не имелось.

усадьба (26 чел. дворовых), хозяйством заведовал староста.

Барскую усадьбу возвели недалеко от речки Юрмаш, на водопой скотину пригоняли к месту, «на котором стоит господское строение и гумно». Поместье Никитиных располагалось внутри крестьянских земель, в чьих «границах заключается и господская усадьба с хлебным амбаром, огородом и гуменником, заключающая в себе 1982 сажени». Из 10 душ дворовых (по X ревизии), двоих отпустили на волю до реформы, остальные остались служить до 1863 г. Хозяйка (опекунша) А.И. Никитина в январе 1862 г. доверила оформление документов И.И. Барадулину: «Не имея возможности, по домашним моим обстоятельствам, лично быть в г. Уфе и в имении покойного мужа моего сельце Богодаровке», указав свой адрес: г. Казань[1].

Многочисленное семейство Никитиных включало вдову статского советника Андрея Никитина Александру Ивановну Никитину, детей: не имеющего чина дворянина Николая, коллежского регистратора Александра и юнкера 8-го пехотного Эстляндского полка Владимира Андреевичей Никитиных, а также сестру последних, титулярную советницу Марью Андреевну Астраномову. К осени 1869 г. они договорились с мужиками о выкупе за 3720 руб.[2] Однако, весной следующего года три участка статской советницы А.И. Никитиной стоимостью 725 руб. были выставлены на продажу за долг училищу Ордена Св. Екатерины в 450 руб. В Москве и Петербурге действовали два таких училища (иначе институты благородных девиц), куда Никитины отдали на учение, возможно, дочь Марию, и не смогли расплатиться. Но главная задолженность была перед казанским купцом 2-й гильдии Искаком Барышевым почти в 6,5 тыс. руб.[3] Одновременно, в марте 1870 г. в Петербурге утвердили выкупную сделку Никитиных с крестьянами Богодаровки за 3720 руб.[4]

Как семья смогла рассчитаться с большими долгами, не известно, но в 1874 г. Никитины землёй при Богодаровке ещё владели, а в 1895 г. дворянину Н.А. Никитину в Нагаевской волости принадлежала одна десятина земли, занятая под усадьбу. В 1895 г. кассиром в земской управе служил дворянин Николай Андреевич Никитин[5]. Возможно, это тот самый сын А.И. Никити-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 649. Л. 2–3 об., 6.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1869. 27 сентября.

[3] Там же. 1870. 7 марта. Имение вдовы А.И. Никитиной при сельце Благодаровка (100 рев. душ) за долг Совету училища Ордена Св. Екатерины за воспитание дочери выставлялось на торги ещё в 1864 г. (Оренбургские губернские ведомости. 1864. 11 января).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1870. 27 июня.

[5] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1895 год.

ной, сохранивший родовое гнездо, усадебный дом. Так что на берегу Юрмаша вплоть до начала XX в. стоял старинный барский особняк рядом с Богодаровкой.

Буквально в двух шагах от последней находится дер. Бурцево (Пронино)[1], чьё имя связано со славной для уфимской истории фамилией Бурцевых. В первую очередь известен атаман казачьей команды в Уфе майор Прокофий Иванович Бурцев (1740 – 12 декабря 1810 г., похоронен на Успенском кладбище Уфы[2]). Его избрали депутатом Уложенной комиссии в 1767 г., первом проекте представительного учреждения в России, в годы пугачёвщины атаман (с 1769 г.) П.И. Бурцев входил в число руководителей героической обороны Уфы, в 1787 г. вышел в отставку в чине секунд-майора. Имя Бурцева знал А.С. Пушкин, собиравший материалы по истории пугачёвского бунта.

В 1785 г. Прокофий Иванович приобретает у дворянки Т.Г. Артемьевой землю с крепостными по речке Юрмашу, деревня именовалась тогда Ильиной. Ему наследует сын, отставной прапорщик Иван Прокофьевич Бурцев[3], скончавшийся примерно в 1851 г. в чине титулярного советника (см. выше).

Сын знаменитого атамана с супругой Настасьей Никитичной, урождённой Черниковой-Анучиной, не имели, по всей видимости, наследников по мужской линии, и на 1861 г. имение с большой деревней принадлежало поручице Анне Шешминцевой, которая тоже скончалась, в 1862 г. уставную грамоту с крестьянами подписала новая помещица Т.Д. Вавилова (дела вёл её муж титулярный советник Иван Фёдорович Вавилов).

Хозяева, наверняка, тут не проживали, дворовых на 1861 г. числились всего две женщины, делами заведовал староста. В 1862 г. дворовых вообще не было, но усадьба существовала. При определении границ выяснилось, что четверо крестьян самовольно выстроили дома рядом с барской усадьбой. Их назначили «к сломке и переселению на другие места по случаю близкого разстояния к господскому дому» Они находились, «идя от господского дома по улице сельца Бурцева», «от господской усадьбы и дома не далее шести сажен». Крестьян переселяли «на другой

Уфа, 1894. С. 149.

[1] Южнее Бурцево и Атаевки (Шмитово) лежала деревня Волково, бывшие владельцы которой распродавали последние (ненаселённые) земли. В январе 1863 г. на торги были выставлены 70 дес. надворного советника Виктора Ивановича Волкова при дер. Бурцево (Ивановка тож) за долг дворянам Азиковым (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 22 сентября).

[2] Уфимский некрополь. С. 17–18.

[3] См.: *Роднов М.И.* Краткая историческая справка по деревням Бурцево и Шмидтово Уфимского района РБ. Уфа, 1994.

конец ведущей от господского дома на верх улицы», а внизу, «следуя по улице от господского дома», находился водопой[1].

Дворянская усадьба с домом в начале 1860-х гг. находилась внутри деревни, была плотно окружена крестьянскими строениями. Это свидетельствует о древности помещичьего «гнезда», основанного, скорее всего, самим атаманом П.И. Бурцевым.

Выкупную сделку с крепостными сельца Бурцево, Пронино тож, и получение ссуды в размере 5280 руб. оформили в Петербурге 28 июня 1867 г. на имя жены титулярного советника Татьяны Даниловны Вавиловой[2].

В начале XX в. в Бурцево существовало две крестьянских общины / общества бывших крепостных. Скорее всего, при Шешминцевой произошёл раздел поместья. Вторая группа крестьян Пронино (Бурцево тож) в количестве 28 рев. душ (у Вавиловой 44 рев. души) оказалась «у бездетно умершей крестьянской жены Екатерины Евдокимовой Лопатиной, урождённой казачьей дочери Бурцевой». У атамана имелась родственница, вышедшая замуж за представителя известной уфимской фамилии однодворцев Лопатиных, часть которых утратила документы на дворянство, как супруг Екатерины Евдокимовны. Но права на обладание поместьем она сумела доказать.

Правда, новая хозяйка скончалась к августу 1870 г. и крестьян отпускали на волю уже по договору с покойницей (ссуда в 1750 руб.)[3]. Следы Бурцевых, естественно, исчезают, а вот Вавиловы оказались весьма цепкими хозяевами.

Татьяна Даниловна Вавилова в 1874 и 1881 гг. продолжала владеть поместьем, в 1895 г. коллежский ассесор М.И. Вавилов владел двумя участками в Нагаевской волости общей площадью свыше 580 дес., причём в одном имелась обширная усадьба на трёх десятинах при р. Юрмаш (6 муж., 4 жен.). По переписи 1912–1913 гг. М.И. и Ю.М. Вавиловы возле дер. Бурцево сохранили поместье (208,5 дес.) с усадьбой на двух десятинах. Имение наследников Вавиловых фиксируется в 1916 г.

До Первой мировой войны на берегу Юрмаша недалеко от Бурцево (или в самой деревне) существовала старинная усадьба, заложенная ещё знаменитым атаманом уфимских казаков П.И. Бурцевым, наверняка, неоднократно перестраивавшаяся, возможно, окружённая садово-парковым ансамблем, учитывая значительную площадь усадьбы даже на рубеже XIX–XX вв.

В Нагаевской волости существовали две деревни с одина-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 724. Л. 3, 5–8.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1867. 17 июня, 12 августа.
[3] Там же. 1870. 22 августа; 1871. 28 августа.

ковым названием Жилино. Первая находилась на берегу Белой, в полутора верстах от большого села Охлебинино, сейчас вошла в его состав. Это Жилино (Кохановка, Мончазы, Колпак), где в 1861 г. находилась усадьба дворян Кохановых[1] (20 чел. дворовых), хозяйством управлял сельский староста.

К августу 1865 г. между крестьянами сельца Мончазы и владельцами была достигнута договорённость о выкупе в размере 9840 руб., которые должны были получить помещики гвардии капитан Фёдор и инженер-капитан Павел «Апполоновичи» Кохановы[2] (супруга последнего Мария Александровна, урождённая Голохвастова[3]). Известны ещё два брата – полковник и георгиевский кавалер (1853 г.) Пётр Аполлонович Коханов (1810–1858), участник Кавказской войны[4], а также гвардии полковник Василий Аполлонович Коханов (1830–1901), участник Венгерского похода 1849 г. и кампании 1854 г., генерал-лейтенант (1886 г.)[5]. Кохановы состояли в родстве со Столыпиными, Лермонтовыми и другими известными фамилиями.

После отмены крепостного права братья разделили землю пополам, а в 1867 г. часть имения полковника Фёдора Аполлоновича Каханова в дер. Мончазе, Жилино-колпак тож, была выставлена на торги. Пожилой полковник задолжал Марье Александровне Кахановой 2600 руб., жене тайного советника Кобеко 5000 руб., г-же Сарапиной 228 руб., офицерской вдове Степановой 1500 руб. и штабс-капитану Россинскому 925 руб. Имение оценивалось в 1560 руб., земля продавалось «с находящимся на ней господским домом и строением к оному»[6]. В Жилино стояла дворянская усадьба.

---

[1] На 1861–1862 гг. опекуном над имением был титулярный советник Василий Щеголев (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 660. Л. 1а, 7).

[2] Договор утвердили в ноябре 1865 г. (Уфимские губернские ведомости. 1865. 13 ноября; 1866. 1 января, 12 февраля).

[3] Голохвастовым принадлежала усадьба Яковлевская (Усть-Мга) возле Шлиссельбурга в Санкт-Петербургской губернии (совр. пос. Павлово), бывшее поместье духовника Елизаветы Петровны Ф.Я. Дубинского. «Марии Александровне, вдове полковника Коханова, отошла усадьба с 1078 десятинами земли». Затем имение принадлежало её сыну Александру Павловичу, который умер в 1903 г. (*Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Южное Приладожье: Волховский и Кировский районы. СПб., 2009. С. 105–106). На 1900 г. в Шлиссельбургском уезде Александр Павлович Коханов владел 1172 дес. (*Никулин В.Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2015. С. 247).

[4] См.: https://traditio.wiki/ (Пётр Аполлонович Каханов, материал из свободной русской энциклопедии «Традиция»).

[5] Биографию см.: http://regiment.ru/bio/K/105.htm; Википедия; др.

[6] Уфимские губернские ведомости. 1867. 21 января.

Через год полковник скончался, в октябре 1868 г. Уфимский уездный суд разыскивал наследников и кредиторов умершего полковника Фёдора Аполлоновича Коханова[1]. Половину имения, находившуюся в общем и нераздельном владении с братом Павлом Аполлоновичем Кохановым, долго не могли продать. Объявление о торгах показывает состояние усадьбы. Собственность заключалась «в ветхом одноэтажном деревянном господском доме с таковыми же принадлежащими к нему строениями». Помещичий дом был очень стар, его оценили всего в 14 руб., тогда как всё имение стоило 2550 руб. Нашлись новые кредиторы (надворная советница Н.Е. Гаврилова и казённые недоимки)[2]. По всей видимости, Кохановы не обитали на берегу Белой. Но имение сохраняли в 1874 г. (господа Кохановы) и в 1881 г. (наследники Кохановой), к 1895 г. земля вся была продана. Исчезла, наверняка, и усадьба.

Вторая деревня Жилино (Тихвинка, Пыпина) располагалась недалеко от Уфы, на дороге из города через Каменную переправу в сторону Нагаево. Здесь в 1861 г. обосновались сразу четыре (или три) небольших усадьбы дворян Поповой (6 чел. дворовых), Голявинской (6 чел.) и Пыпиной (12 и 4 чел.). В лучшем случае, эти маленькие поместья использовались как летние дачи, в первых двух управляли старосты, а владения Пыпиной находились в опеке из-за долгов.

Это были «осколки» некогда единого поместья, которое в январе 1844 г. купила у статской советницы Екатерины Григорьевны Лаврентьевой Серафима Ивановна Пыпина. В декабре 1856 г. штабс-капитанша С.И. Пыпина подарила часть земли своей дочери, из дворян девице Александре Алексеевне Пыпиной, которая находилась в общем владении с долями матери и второй дочери Екатерины Галявинской.

А.А. Пыпина обустраивала свою усадьбу, купив в январе 1857 г. у вдовы губернского секретаря Юлии Алексеевны Аничковой за 342 руб. 85 ¾ коп. серебром две крестьянской семьи в дер. Покровке без земли на вывод (наследство мужа Ардалиона Ивановича Аничкова). К апрелю 1858 г. помещица вышла замуж и значилась уже как титулярная советница Александра Алексеевна Попова (свёкор – отставной титулярный советник Дмитрий Афонасьевич Попов был свидетелем при совершении дарственной записи). В 1859 г. имение заложили в Оренбургском приказе общественного призрения на 26 лет за 1120 руб.

При отмене крепостного права за А.А. Поповой значились

[1] Там же. 1868. 5 октября.
[2] Там же. 1872. 1 января.

три мужских души дворовых, при описании границ упоминалась барская усадьба: «под господским двором 962 сажени», далее шли выгон, гумно и роща на площади в 3 дес. 242 саж., лес оговаривался отдельно. Уставную грамоту в 1862 г. по доверенности подписал муж помещицы коллежский ассесор Филарет Дмитриевич Попов. Имение сразу же, в 1862 г. сдали в казну[1], но даже в декабре 1892 г. вдова коллежского ассесора Александра Алексеевна Попова претендовала на землю родни «за давностию владения» (проживала Попова в Уфе, на Большой Казанской, в собственном доме).

У штабс-капитанши Серафимы Ивановны Пыпиной были ещё дети: жена коллежского регистратора Екатерина Алексеевна Голявинская и дворянин Апполинарий Алексеевич Пыпин (в 1862 г. писец 1-го разряда, служил в Оренбургском приказе общественного призрения), у которых были дворовые и, возможно, свои усадьбы тоже (уставные грамоты составили в 1862 г.).

Землю при сельце Зинино, Панково тож, в 1846 г. С.И. Пыпина купила у титулярного советника Николая Петровича Панкова за 300 руб. серебром. Тот не собирался жить в деревне, получив наследство от матери коллежской секретарши Александры Фёдоровны Панковой (в 1844 г., утверждено в 1845 г.), и, полюбовно поделив землю с прочими наследниками, сразу продал. А крепостных С.И. Пыпина приобрела в 1845 г. у Е. Лаврентьевой и титулярной советницы Анны Степановой.

Мать умерла до 1863 г., но ещё в 1856 г. она подарила дочери коллежской регистраторше Екатерине Алексеевне Галявинской часть поместья, которая вместе с сестрой А.А. Поповой и братом коллежским регистратором А.А. Пыпиным унаследовали неразделённое имение[2].

Несмотря на скромные размеры и, наверняка, не слишком высокую доходность, помещики цепко держались за угодья. Близость к Уфе, прямая дорога от Каменной переправы повышали ценность земли. К 1874 г. в Жилино сохранялись владения Екатерины Галявинской и Аполлинарии [надо Аполлинария] Пыпиной [-а], фигурируют среди владельцев и Поповы. В 1895 г. дворянину А.А. Пыпину в Нагаевской волости принадлежало 10 дес. без усадьбы, зато у дворян П.В. Попова и К.В. Дудкина имелось обширное поместье в 344 дес. и усадьба площадью 3 дес. Наследники П.В. Попова, правда, вблизи дер. Куяново в 1912–1913 гг. владели 292 дес. земли с усадьбой в 1,5 дес.

Следуя из Жилино в волостной центр Нагаево, через две

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 723. Л. 1, 5, 8, 9 об., 10–12, 22.
[2] Там же. Д. 842. Л. 1, 3, 10, 18–19, 22, 28.

версты попадаем в дер. Зинино (в 1861 г. ещё и Лухино), где лежали три дворянских владения и стояли две усадьбы: Лосенко (10 чел. дворовых[1]), Регодушенко и Раговской (7 чел.). Хотя у Регодушенко дворовые не числились, на момент отмены крепостного права указано, что «Регодушенко и Раговская живут на месте» (в Зинино), но у Регодушенко невдалеке, в дер. Карпово была усадьба с дворовыми. Имением Лосенко управлял староста. В начале XX в. крестьяне Зинино образовывали три сельских общества: Регодушенское, Лосенковское и Ах[ма]метьевское.

Коллежский ассесор Иван Иванович Лосенко в 1867 г. договорился со своими крепостными сельца Зинино, Лухино тож, им за 1923 руб. 80 коп. на 20 рев. душ досталось 65 дес. земли[2]. Через два года пришёл к соглашению с мужиками и второй зининский помещик, коллежский регистратор Василий Александрович Регодушенко (выкупная ссуда 3360 руб.)[3]. В.А. Регодушенко в Уфимском уезде принадлежали три имения в дер. Панково, Зинино и Карпово, он переводил крепостных из одного селения в другое (уставную грамоту составили в 1862 г.)[4].

В списках на 1861 г. есть из дворян унтер-офицерская жена Александра Максимовна Роговская[5], которой имение досталось от её матери прапорщицы Марьи Фёдоровны Лухиной в 1816 г. В Зинино располагалось ещё поместье племянника А.М. Роговской Фёдора Яковлевича Маркевича[6], но в 1847 г. его лишили «за преступление всех прав состояния» и сослали в Сибирь на поселение. Наследницей суд признал А.М. Роговскую, к которой перешла земля[7]. Летом 1852 г. проводилось полюбовное размежевание земель «сельца Зинина владения Подпоручика Маркевича и Унтер Офицерской жены Роговской»[8]. На январь 1849 г. А.М. Роговская (50 лет) проживала в своём имении (5

---

[1] Три мужских (ревизских) души, из них одного отпустили на волю. Уставная грамота была составлена в 1862 г. Граничили с землями Роговской, Регодушенко, Петра Панкова и Пыпина (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 738. Л. 2, 5). В 1872 г. Уфимский уездный суд выставил на торги имение при сельце Зинине (Александровка) в 89 дес. 984 саж. титулярного советника Якова Петровича Панкова за долг по закладной уфимскому мещанину А.В. Сулуянову в 286 руб. (Уфимские губернские ведомости. 1872. 5 февраля). Видимо, это было ненаселённое имение.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1867. 6 мая, 17 июня.

[3] Там же. 1869. 27 сентября; 1870. 21 марта.

[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 718. Л. 3, 6 об., 14.

[5] Там же. Д. 617. Л. 2–3.

[6] О связях Маркевичей с Уфимским краем см.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Глава XXXV. Родственные связи не известны.

[7] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 830. Л. 4–5, 26.

[8] Оренбургские губернские ведомости. 1852. 19 апреля.

рев. душ) и занималась хозяйством. Её дочь, 21-летняя Авдотья уже была замужем за чиновником Ахмаметевым[1].

Унтер-офицерша А.М. Роговская и отпускала крепостных на волю, 5 душ дворовых согласились служить до 1863 г. Документы, «по безграмотству её», подписывал губернский секретарь Алексей Васильевич Тимашев[2].

Часть поместья мать подарила дочери, «при выдаче ею меня в замужество». После смерти матушки губернская секретарша Авдотья Игнатьевна Ахмаметева стала собственницей всех угодий[3]. В июле 1871 г. договор о выкупе с крестьянами (13 рев. рев. душ) заключила жена коллежского секретаря А.И. Ахмаметева (ссуда 1560 руб.), что утвердили в Петербурге в январе 1872 г.[4] За ней при дер. Зинино числилось 63 дес. 184 саж. в 1881 г.[5]

Из зининских помещиков наиболее известен Иван Иванович Лосенко, один из старейших уфимских бухгалтеров. Ещё в 1851 г. губернский секретарь Иван Иванович Лосенко[6] трудился ся бухгалтером в хозяйственном отделении Палаты государственных имуществ, в 1870-е гг. продолжал служить бухгалтером в уфимской канцелярии Министерства государственных имуществ[7]. У финансиста с финансами, однако, были проблемы. В 1864 и 1865 гг. Оренбургский приказ общественного призрения выставил на торги заложенное имение титулярного советника Лосенко при сельце Зинино (11 рев. душ), так как владелец регулярно пропускал платежи (долг 899 руб. 57 коп.)[8]. Затем, в 1870 г. Уфимский уездный суд выставил на торги его имение при сельце Зинино «по решению Сената» за неплатёж 316 руб. с процентами аж с 10 сентября 1843 г., которое никак не могли продать[9]. Но опытный бухгалтер всегда «разруливал» ситуацию.

По всей видимости, какие-то маленькие усадьбы в Зинино, принадлежавшие Лосенко, Ахмаметьевой, возможно, Роговской, существовали. Так, в списке землевладельцев за 1874 г. при сельце Зинино встречаем г. Лосенко, г-жу Роговскую и вдову

---

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189.

[2] РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 155. Л. 4, 15, 17 об. – 18, 27. А.М. Роговская умерла около 1870 г.

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 830. Л. 6, 26 об.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1871. 28 августа; 1872. 4 марта.

[5] Там же. 1881. 21 марта. Приложение.

[6] Супруга – Елена Григорьевна, 22 августа 1855 г. у них родился сын Александр (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 38. Л. 102 об.).

[7] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Отдел III. С. 13.

[8] Оренбургские губернские ведомости. 1864. 27 июня; 1865. 29 мая.

[9] Уфимские губернские ведомости. 1870. 2 мая; 1871. 31 июля; 1872. 7 октября.

Авдотью Ахмаметьеву. Регодушенко, видимо, землю продал.

На 1881 г. при дер. Зинино небольшие поместья принадлежали Авдотье Игнатьевне и Фирсту Яковлевичу Ахмаметьевым. Коллежский ассесор Ф.Я. Ахмаметьев оставался собственником поместья (257 дес.) в Нагаевской волости в 1895 г. Сохранялась усадьба площадью 2 дес., просуществовавшая, наверняка, до начала XX в. Сын последнего – надворный советник Николай Фирс[тович] Ахмаметев в 1903 г. служил судебным следователем по важнейшим делам в Уфе по Министерству юстиции[1].

По соседству, в двух верстах от Жилино на главной дороге с Каменного перевоза к селу (Русский) Юрмаш лежит небольшая деревня Карпово. Выгодное местоположение рядом с Уфой на оживлённой трассе всегда привлекало покупателей. К началу XX в. земли при Карпово скупила семья известного уфимского предпринимателя, владельца крупнейшего пивоваренного завода В.И. Видинеева, усадьба которых возле Карпово в 1912 г. занимала площадь в 10 дес.

А в 1861 г. здесь обосновались сразу четверо дворян помещиков: Ионас (10 чел. дворовых), Киржацкая (не имелось дворовых), Пахомова (4 чел.) и уже знакомый коллежский регистратор Василий Александрович Регодушенко[2] (10 чел. дворовых). Именно в Карпово размещалась усадьба последнего. Современники отметили: «Регодушенко проживает на месте, имением же остальных управляют старосты».

Ионас[3] вообще не принадлежали крепостные помимо дворни, у Киржацкой, наоборот, не было дворовых, зато были два крепостных (мужчина и женщина). Скорее всего, «прилич-

---

[1] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа, 1903. С. 71. Гласный Уфимской городской думы Николай Фирсович Ахмаметьев (свой дом на Телеграфной ул.) скончался 29 марта 1906 г. Отпевание состоялось в Ильинской церкви (Уфимские губернские ведомости. 1906. 30 марта).

[2] На январь 1849 г. вдова хорунжего Александра Петровна Реготушенкова (48 лет) умерла, дети: сын Василий (21 год) находился на службе в Уфе, он унаследовал 13 рев. душ и 260 дес. земли, дочь Мария (18 лет) была замужем за чиновником Калугиным и проживала в Бугульме, младшей дочери Елене исполнилось 13 лет (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189). Супруга В.А. Регодушенко – Пелагия Никаноровна, в январе 1856 г. у них родилась дочь Евпраксия (Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 39. Л. 72 об.). Пелагея Никаноровна Реготушенко, урождённая Львова, умерла 14 января 1889 г., похоронена была в с. Нагаево (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2: Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2015. С. 92).

[3] На 1846 г. в Палате государственных имуществ служил землемер, губернский секретарь Михаил Генрихович Ионас (Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1846 год. Ч. 2. СПб., б. г. С. 127).

ные» усадьбы в Карпово стояли лишь у Пахомовой и Регодушенко[1].

К концу XVIII в. в Карпово обосновался фамильный «куст» совладельцев дворян Карповых, служивших в основном на нижних чинах в армии. На сентябрь 1798 г., когда здесь проводилось межевание земель, Карпово представляло собой общее владение вахмистра[2] Семёна Андреевича Карпова и его сыновей сержантов Степана и Дмитрия, а также унтер-офицера Ивана Семёновичей Карповых, родных племянников С.А. Карпова – прапорщика Ефима и сержанта Филиппа Никитичей Карповых, унтер-офицеров Филиппа и Семёна Тимофеевичей Карповых, и ещё прапорщика Григория Ивановича Шумского.

Видимо, кто-то жил в сельце, у кого-то здесь были только летние «фазенды» с малочисленными крепостными или без оных. Постепенно из этого калейдоскопа мелких и мельчайших совладений земля переходила в руки новых собственников, выбиравших близкое к городу Карпово.

Так, в феврале 1807 г. уже отставной сержант Филипп Никитич Карпов за 100 руб. продаёт подпоручице Ирине Алексеевне Головиной своё имение, доставшееся «от предков моих», при сельце Карпово с «усадьбою», с «моим хоромным строением, то есть: собственно-построенном мною домом и прочим к нему принадлежащим» имуществом. Оформлял сделку брат покупательницы коллежский секретарь Лука Алексеевич Пахомов.

Затем, в июне 1812 г. уже сам подпоручик Максим Никитич Головин докупает при Карпово за 85 руб. ещё один участок у Елены Ефимовны Ахмаметевой, урождённой Карповой, жены отставного станционного смотрителя Фёдора Михайловича Ахмаметева. А в июне 1825 г. коллежский ассесор и кавалер Лука Алексеевич Пахомов[3] покупает за 500 руб. землю в Карпово у губернского регистратора Андрея Алексеевича Карпова, доставшуюся тому в наследство от умерших отца Алексея, дяди Семёна Тимофеевичей Карповых и прочих родственников[4].

---

[1] Сохранился план сельца Карпово, составленный в 1860-е гг. Усадьба В.А. Регодушенко не указана. На 1862 г. в окрестностях были земли наследников Карповых (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 736. Л. 3, 13).

[2] Вахмистр – старший унтер-офицер в кавалерии, в пехоте фельдфебель, по современному – старшина. Прапорщик – первый офицерский чин.

[3] Коллежский ассесор Лука Алексеевич Пахомов в 1825 г. служил заседателем Уголовной палаты (Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Часть вторая, содержащая в себе роспись чиновным особам, в Губерниях обращающимся. СПб., б. г. С. 275–276).

[4] Часть земель без крепостных осталась в руках дворян Карповых. На 1881 г. при дер. Карповой существовало совместное владение «дворян» Евграфа,

Новые собственники, скорее всего, приобретали доли в общем совладении многочисленных дворян-землевладельцев. В июне 1840 г. уже надворный советник Л.А. Пахомов получает 10 дес. по полюбовному размежеванию от титулярного советника Михаила Фёдоровича Вавилова, «как общему со мною владельцу». Вавилову земля досталась по наследству от умершей бабки Василисы Петровны Вавиловой, урождённой Карповой, и сестры её Ульяны, унтер-офицерской жены Перфильевой.

Предчувствуя старость, 23 апреля 1841 г. Л.А. Пахомов, к тому времени унаследовавший имение бездетной сестры подпоручицы Ирины Головиной, по первому мужу Басиной, отделил доли из купленных у Карповых и Вавиловых земель своим детям: 27-летнему С.Л. Пахомову и 29-летней Н.Л. Киржацкой.

Детям также принадлежали крепостные в с. Атаево, в 1840 г. они их продали (6 и 4 душ) коллежскому ассесору Шамонину, оставшихся (5 и 2 души) переводят в Карпово, где накануне приобрели землю (40 и 20 дес.) у помещицы Кутыевой.

Надворный советник и карповский помещик Лука Алексеевич Пахомов скончался, примерно, в 1849 г. В январе 1850 г. наследники согласовали раздельный акт на земли, крепостных и имущество в Карпово. Собственность разделили между вдовой Верой Яковлевной и детьми: девицей Авдотьей (40 лет), коллежским секретарём Сергеем Лукичём Пахомовым и титулярной советницей Наталией Лукиничной Киржацкой. Сын также получил каменный дом в Уфе (2-я часть, № 8) и господское строение в Карпово, за что он в течение двух лет должен был выплатить матери 150 руб. и сестре (Киржацкой) – 90 руб.

В 1850-е гг. скончалась сначала матушка, а затем внезапно умирает и брат, С.Л. Пахомов (в 1857 г.?). В марте 1858 г. во владение всем наследством в Карпово вводятся титулярная советница Наталья Лукинична Киржацкая и пожилая девица Авдотья Лукинична Пахомова, «но между собою на две равные части неразделились».

Эти две мелкопоместные помещицы и встретили реформу в 1861 г. Кроме своей земли, включавшей пустошь Шумскую, Киржацкая в сторону к дер. Жилино (20 дес.) купила ещё пустошь, замежёванную в 1844 г. С учётом доли в 57,5 дес. в общем владении с Карповыми, у них было 203 дес. 1560 саж. Уставную грамоту с 11 крестьянами они заключили 2 мая 1862 г. (Авдотья подписалась по-старинному), единственный дворовый человек Николай Григорьев «никогда землёю не пользовался», а платил

Павла, Анны Карповых и Семёна Чернобаева площадью 78 дес. 1401 саж. (Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение).

оброк (принадлежал Пахомовой, сестра дворовых вообще не имела). То есть, он чем-то подрабатывал, но не землепашеством, господа его не содержали (не кормили, не обеспечивали ничем). Видимо, фактически старинная усадьба была полузаброшена, в лучшем случае, использовалась как летняя дача.

Сёстры быстренько сдали в казну своё поместье с бывшими крепостными (7 декабря 1862 г.) за 1650 руб. Но часть земли без крестьян осталась за ними (имелся пруд).

Наследие этого броуновского движения мельчайшей собственности возле Карповки видно на плане 1862 г. Земли сестёр Пахомовой и Киржацкой окружали владения подпрапорщика[1] Павла Максимовича Павловского при сельце Каловском (это дер. Самохваловка на речке Юрмаш), поручика Николая Андреевича Каловского там же, пустошь «из дворян вдовы крестьянки» Анны Фёдоровны Мамылиной, покосы Павловских и Каловских, пахотная пустошь прапорщицы Анны Семёновны Шумской[2]. Никто из перечисленных соседей карповских помещиц крепостными не владел и в душевладельцах на 1861 г. не значился. Это были «ненаселённые» имения, которые по-разному эксплуатировались хозяевами или стояли пустыми[3].

Владения дворянок Натальи Лукинишны Киржацкой при Жилино (20 дес.) и Любови Егоровны Киржацкой возле Карпово (35 дес.) существовали в 1881 г.[4] Василий Александрович Регодушенко также сохранял имение при дер. Карпово, в 1895 г. коллежскому регистратору В.А. Регодушенко принадлежал участок площадью около 30 дес., но без усадьбы. Видимо, купец В.И. Видинеев приобрёл позднее его земли с усадьбой.

В верховьях притока речки Юрмаш Холодного Ключа стояла большая деревня Куяново (в 1861 г. основным было название Убежище). Сейчас это просто урочище Куяново недалеко от деревни Блохино, где выстроены дачи.

В 1861 г. там располагалось имение, принадлежавшее коллежской ассесорше княгине Варваре Сергеевне Болховской и её дочерям: коллежской ассесорше Анне Яковлевне Мусиной-Пушкиной и губернской секретарше Александре Яковлевне Протопоповой. Усадьба, видимо, имелась общая у Болховской (14

---

[1] В документе ошибочно сказано: «полупрапорщик».

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 628. Л. 2, 4, 5, 12, 14 и об., 15, 17 и об., 19, 20 и об., 21, 23, 24, 25 и об., 27, 28, 30, 34, 43–44.

[3] В 1857 г. близ Карпово, в 7 верстах за р. Уфой, продавались 86 дес., принадлежавшие дочери статского советника Надежде Ильиничне Фёдоровой. Владелица проживала в Благовещенском женском монастыре в Уфе (Оренбургские губернские ведомости. 1857. 15 июня).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

чел. дворовых, 8 рев. душ). Согласно уставной грамоте, ещё четыре ревизских души принадлежали Протопоповой, вторая дочь дворовых не имела. Хозяйством управлял староста, хозяева тут не проживали (указывались границы: «между заказного господского лесу» и барской запашкой). Выкупная сделка с крестьянами сельца Убежище, Куяново тож, (122 рев. души) была оформлена в 1864 г. на троих совладельцев вместе (ссуда в 14 640 руб.): князя Ивана Яковлевича Болховского, Александру Яковлевну Протопопову и Анну Яковлевну Мусину-Пушкину[1].

Отсутствие обитаемой усадьбы подтверждает реклама за 1864 г. о продаже 115 дес., «при земле может быть передан флигель и ветряная мельница; о цене можно узнать в с. Куянове близ селения Юрмаш от прикащика Фомы Ильтдифорова»[2]. Под флигелем понималась лёгкая деревянная постройка.

Княгиня В.С. Болховская происходила из казанских Болховских, двое из которых служили Казанскими губернскими предводителями дворянства: С.Б. Болховский в 1782–1787 гг., В.Б. Болховский – в 1787–1790 гг. В уставной грамоте 1862 г. отмечалось, что двое крестьян проживали в Спасском уезде Казанской губернии в селениях Гусиха и Хлановка, в имении сына княгини Ивана Яковлевича Болховского. А свидетелем выступал коллежский регистратор князь Николай Яковлевич Болховский[3] (имевший усадьбу в Казани на Верхне-Фёдоровской улице[4]).

Княгиня Варвара Сергеевна (урождённая Есипова) была замужем за Яковом Николаевичем Болховским (1785 г. р.), служившим в армии с 1800 г., участник Отечественной войны (штабс-капитан), затем до 1841 г. чиновник на гражданской службе. Сын – Иван Яковлевич Болховский (1841 г. р.)[5].

Владение Болховской сохранялось в 1874 г., затем эта фамилия исчезает из рядов земельных собственников, но, вплоть до Первой мировой войны, возле дер. Куяново располагалось имение дворянина А.И. Лещинского[6] с большой усадьбой в две – три десятины. Возможно, он купил поместье.

Центром всей восточной части Нагаевской волости явля-

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1864. 28 марта, 21 ноября.
[2] Там же. 8 февраля.
[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 793. Л. 1–2, 4–5, 10.
[4] *Миронова Е.В.* Городская жизнь дворян Казанской губернии в 1861–1917 гг. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2014. Вып. 1. С. 25.
[5] См.: http://rurik.genealogia.ru/Rospisi/Bolkh.htm.
[6] Артюр Игнатьевич Лещинский на 1881 г. имел при дер. Куяново 219 дес. 293 саж. земли (Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта).

лось большое село Охлебинино с православным храмом[1], возле которого существовал целый «куст» дворянских имений. Недалеко, в четырёх верстах, на брегах речушки Мончазы стоит большая деревня Мончазы (Старое Охлябинино / Ахлебинино), в 1861 г. известная в первую очередь как Дмитриевка.

На момент отмены крепостничества в густонаселённой Дмитриевке (около 450 чел.) находилось имение дворян Ахлебининых, за коим присматривали 22 чел. дворовых (14 муж., 8 жен.). Сельцо принадлежало трём владельцам: уволенному от службы полковнику Александру Дмитриевичу[2], гвардии штабс-ротмистру Семёну Дмитриевичу Охлябининым и сестре их Зинаиде Дмитриевне Лопатиной[3]. Имением управлял коллежский регистратор, уфимский дворянин Галявинский. Усадьба, видимо, мало посещалась хозяевами. Из 22 душ дворовых лишь семеро (6 муж. и 1 жен.) были трудоспособного возраста[4].

Дворянский род, восходивший к Ярославским князьям, чьи представители жили в Рязанской, Пензенской, Саратовской, Самарской и иных губерниях, Ахлебининых / Охлебининых / Охлябининых[5] оставил по себе память на географической карте Башкирии. Но старое Ахлебинино находилось не на берегу Белой, а в сторонке, на незатапливаемых холмах невдалеке от речушки Мончазы. Видимо, первоначально современное Охлебинино являлось пристанью. Во второй половине XIX в. род угасал, хотя ещё в 1851 г. поручик Сергей Семёнович Ахлебинин служил посредником в комиссии по размежеванию земель. А в 1864 г. коллежский регистратор Дмитрий Охлябинин поступил младшим помощником акцизного надзирателя 5-го округа, уволив-

---

[1] Церковь «Св. Троицы, в селе Новотроицком, каменная, построена Гг. Охлябиниными, в 1826 году» (*Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 82). Храм, видимо, являлся семейной усыпальницей. Местные краеведы указывали, что Охлебинин «и его члены семьи были похоронены в ограде церкви, и на этом месте стоял памятник вплоть до закрытия церкви» (История села Охлебинино. Школьный альбом // Коллекция П.В. Егорова. С. 4). При Троицкой церкви были похоронены Анна Петровна Ахлебинина (умерла 14 февраля 1827 г., 24 лет) и её дети: сыновья Симеон и Иоанн, дочь Юлия (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 93).

[2] В 1862 г. полковник Александр Дмитриевич Охлебинин приглашал управляющего в имение возле рек Белой и Сим (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 10 ноября).

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 639. Л. 7.

[4] *Кречетович И.П.* Указ. соч. С. 624.

[5] Правильное написание фамилии Охлябинины. Именно так в 1862 г. собственноручно подписался подпоручик Дмитрий Дмитриевич Охлябинин (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 604. Л. 3 об.).

шись из кандидатов в мировые посредники[1]. По справочнику за 1873 г. фамилия Ахлебининых среди служащего люда не встречается[2], хотя ещё в 1871 г. среди участниц дамского комитета общества попечения о раненых и больных воинах встречаем С.С. Охлябинину[3], а в 1871–1872 гг. сообщалось о приездах в Уфу из своего имения полковника Охлябинина[4].

Ликвидация крепостничества[5] совпала с разделом владений полковника Дмитрия Семёновича и Екатерины Дмитриевны Охлябининых. Хотя между братьями С.Д. и А.Д. Охлябиниными уже был совершён раздельный акт, утверждённый Рязанской палатой гражданского суда[6], земля на 1862 г. (составление уставной грамоты) оставалась неразмежёванной. Семён Дмитриевич просил брата оформить все бумаги, так как «прибыть на место не могу». В имении был винокуренный завод[7], в описании границ также встречаем: «начиная от существующей плотины вверх по течению речки Малой Манчазы»[8].

Проблемы для по-сути единого поместья при Новотроицком, Шеланах и Мончазах создавали огромные долги членов семейства. Ещё в 1851 г. Ольга и Юлия Дмитриевны под землю при Шеланах получили в Московской сохранной казне 9392 руб. 41 коп., которые никак не возвращали. Дважды казна выставляла имение на продажу, «но желающих на покупку не яви-

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1864. 16 мая, 25 июля.

[2] Сейчас известен писатель, специализирующийся на популяризации военной истории и судеб дворянства XVIII–XIX вв., С.Д. Охлябинин. См., напр.: *Охлябинин С.Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1871. 27 февраля. Отдельные Охлябинины проживали в Уфе. Так, в 1860 г. первой начальницей Уфимского женского училища (будущей гимназии) в 1860 г. избрали Елену Ивановну Охлебинину, служившую до 1865 г. (*Буравцов В.П.* Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа, 2013. С. 42–43).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1871. 23 января (и далее вплоть по декабрь); 1872. 22 января.

[5] Выкупные сделки Охлябининых с крепостными были согласованы в 1864 г. (Оренбургские губернские ведомости. 1864. 15 февраля, 23 мая).

[6] Уфимские Охлябинины были связаны с рязанской ветвью. По раздельному акту от 20 октября 1860 г. сёстрам Софье и Любови досталась земля при сел. Саровском [надо: Серовском] Рязанского уезда (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 833. Л. 94 об.).

[7] Охлябининым принадлежал Екатерининский винокуренный завод (действовал до 1864 г.) и Дмитриевский завод, около 1864–1869 гг. (оба разрушены) (*Юрчук К.И.* Списки винокуренных заводов России XVIII–XIX вв. Ярославль, 2010. С. 146–147). Видимо, речь идёт об одном предприятии.

[8] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 725. Л. 3, 9.

лось»[1]. Тем более, помещики были уже в почтенном возрасте.

В июне 1867 г. Уфимский уездный суд вызывал наследников и кредиторов, имевших права на имение скончавшихся братьев: гвардии штаб-ротмистра Семёна[2] и губернского секретаря Дмитрия[3] Дмитриевичей Охлебининых. Первому при дер. Мончазы и Шеланы принадлежало 1223 дес., второму там же и возле Новотроицкого – 1936 дес.[4] А через год, летом 1868 г. этот же суд разыскивал наследников на имение умершей дочери подполковника Дмитрия Семёновича Охлябинина, девицы Юлии Дмитриевны Охлябининой[5].

В 1869 г. Московская сохранная казна выставляла на аукцион имение подполковницы «Зенаиды Дмитриевны Лопатеной» в сельце Мончазы[6]. В 1870 г. эта же казна с аукциона выставила ла на продажу заложенные имения из дворян девиц Ольги Дмитриевны и Юлии Дмитриевны Ахлябининых в сельце Шеланах и жены подполковника Зинаиды Дмитриевны Лопатиной (сестра Александра Дмитриевича[7]) в сельце Мончазы[8]. У Ахлебининых было второе поместье и тоже с усадьбой в Шеланах, в верховьях речки Юрмаш, куда из Дмитриевки (Мончазы) вела на север дорога. А в декабре 1870 г. Уфимская палата уголовного и гражданского суда возбудила дело по иску купца Губанова к полковнику Охлябинину по задолженности в 1563 руб.[9]

В ноябре 1875 г. Уфимское губернское правление рассмат-

---

[1] Там же. Д. 833. Л. 3.

[2] Семён Дмитриевич Охлябинин, род. 8 марта 1820 г., крещён 9 марта в Вознесенской церкви Рязани (*Рындин И.Ж.* Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / под ред., с доп. проф. Б.В. Горбунова. Вып. 6. Надеждины – Пчёлкины. Рязань, 2011. С. 138).

[3] Дмитрий Дмитриевич Охлябинин, род. 24 марта 1836 г., крещён 1 апреля в Ильинской церкви Рязани (Там же). Младший помощник акцизного надзирателя 5-го округа 2-го участка губернский секретарь Дмитрий Охлябинин с 3 апреля 1866 г. исключён из списков как умерший (Уфимские губернские ведомости. 1866. 14 мая). Д.Д. Охлебинин умер 3 апреля 1866 г., похоронен при Троицкой церкви села Охлебинино (дата рождения указана – 24 мая 1836 г.) (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 93).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1867. 17 июня.

[5] Там же. 1868. 1 июня.

[6] Там же. 1869. 22 марта.

[7] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 755. Л. 4 (уставную грамоту за неё подписал по доверенности А.Д. Охлебинин). Александр Дмитриевич Охлябинин, род. 26 января 1827 г., крещён 3 февраля в Спасоярской церкви Рязани (*Рындин И.Ж.* Указ. соч. Т. 10. Вып. 6. С. 138).

[8] Уфимские губернские ведомости. 1870. 1 августа.

[9] Там же. 14 ноября.

ривало дело о казённых и частных долгах уже всех шести братьев и сестёр Охлябининых. На Дмитрии, Семёне и Александре «висела» задолженность в сумме 52 561 руб. 81 коп., Юлия с Ольгой были должны 13 544 руб. 97 коп., а Зинаида (Лопатина) всего лишь 2331 руб. 48,5 коп. Все их земли были подчинены дворянской опеке, хотя к тому времени «сами же Охлябинины, кроме Юлии и Ольги, умерли»[1].

Сама деревня Мончазы (Старое Охлябинино) к 1912 г. состояла из трёх сельских обществ: Александровского (100 рев. душ), Лопатинского (52) и Семёновского (58 рев. душ) по именам бывших господ. Но договор о выкупе с крепостными крестьянами (52 рев. души) сельца Мончазы в декабре 1870 г. заключили от имени наследников Зинаиды Дмитриевны Лопатиной: Капитолины (1854 г. р.), Бориса (1855 г. р.), Григория (1875 г. р.?) и Александра (1859 г. р.) Александровичей Лопатиных (утверждён в Петербурге 25 июня 1871 г. на сумму 4749 руб. 33 коп.)[2].

При этом судебный процесс о признании наследников на огромные земли Охлябининых был в самом разгаре. Лишь в мае 1876 г. Уфимский уездный суд утвердил наследниками к имению умерших девиц Ольги и Любови Дмитр. Охлябининых сестёр их Софию и Лидию, а также 4-х племянников из рода Лопатиных, детей овдовевшего действительного статского советника Александра Григорьевича Лопатина (опекун над частью имения, принадлежавшего детям).

Обширные владения Охлябининых находились в опеке, опекуны – титулярный советник Абросим Иванович Ахмаметев (на 1873 г.), статский советник Александр Николаевич Ахмаметев (позднее)[3], видимо, и другие распродавали землю за долги.

В 1874 г. г-же Лопатиной близ дер. Мончазы принадлежало 879 дес. Остальные части, видимо, остались в руках Охлябининых. В 1881 г. при Новотроицком, Мончазах и Шеланах огромное имение в 6271,5 дес. находилось в руках наследников Охлябининых. Кому досталась барская усадьба в Мончазах не известно. К переписи 1895 г. владений ни Лопатиных, ни Охлябининых в Нагаевской волости уже не существовало.

А на самом берегу судоходной реки Белой, выше устья речушечки Мончазы стояло и стоит большое село Охлебинино, в 1861 г. по церкви именовавшееся только как Новотроицкое. К началу XX в. второе имя вытеснило первое и в переписях указывалось: Охлебинино (Нов.-Троицкое). Это был крупный торговый

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 833. Л. 85–86.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1871. 30 января, 28 августа.
[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 833. Л. 94–95, 112, 198.

центр всей округи, сюда из Уфы ходили пароходы, ездили туристы на отдых. Современник живописал об Охлебинино в 1909 г.: «В центре построек, длинным рядом вытянувшихся вдоль берега, виднеется красивая белая каменная церковь во имя Св. Троицы… На право вдали, где сливаясь с горизонтом серебрится река, привлекает взор ваш скалистые громады – Большой и Малый Колпак, свесившиеся над Белой»[1].

Жители многолюдного села в 1861 г. являлись крепостными двух господ: Заварицких и Охлябининых, но последние дворовых здесь не держали, значит, усадьбы не имелось[2]. Барская усадьба и, видимо, не маленькая, с обслугой в 26 чел. (13 муж., 13 жен.) в Охлебинино стояла только у Заварицких. Хозяйство вёл бурмистр. Оно вошло в список крупнейших дворянских поместий Уфимского уезда в 1861 г. по всему Зауфимью.

К моменту ликвидации крепостничества это было огромное владение при селе Новотроицком, деревнях Воздвиженская и Шеланы, в двух последних господских усадеб не существовало. В пользовании крестьян трёх селений числилось 571 дес. земли, а у помещиков состояло 7705 дес., из которых 6690 дес. находились под лесом. Выгоном и лесом мужики пользовались барским.

Владельцами в 1861 г. являлись Ольга Флоровна, а также Дмитрий, Николай, Александр и Надежда Александровичи Заварицкие. Дворяне Заварицкие относились к недавним помещикам Уфимского края. Огромные владения в Предуралье приобрёл Александр Емельянович Заварицкий (1795–1854), чья супруга Ольга Флоровна (урожд. Доливо-Добровольская, 1808–1888) с детьми унаследовала обширное поместье, им пришлось отпускать крепостных на волю. Действительный статский советник А.Е. Заварицкий служил на разных должностях, начинал в Саратовской губернии, Симбирский губернский прокурор, Новгородский вице-губернатор, возглавлял казённые палаты в Вятке и Казани, в последней и похоронен[3].

Именно А.Е. Заварицкий купил землю возле Охлебинино. Местные краеведы собрали воспоминания: «После помещика Охлебинина его земельные владения перешли в пользование помещика Димитриева, владевшего землями и угодьями в деревне Мончазы. Сам Димитриев жил в Петербурге, а его землями

---

[1] См.: *Турист.* Село Охлебинино // Река времени. 2015. С. 12.

[2] При составлении уставной грамоты на с. Ново-Троицкое подпоручика Д.Д. Охлябинина указано, что 3 чел. дворовых «находятся в Рязанской Губернии» (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 604. Л. 1).

[3] См.: http://forum.vgd.ru/1863/7407/100.htm?a=stdforum_view&o=; др. ресурсы Интернета; *Муталов Минниахмет.* Первый академик Башкортостана // Бельские просторы. 2008. № 2.

управляли управляющие. В Мончазах он имел винный завод. Спирт возили на лошадях в Петербург. На дорогу туда и обратно уходил один год. Впоследствии помещик Димитриев часть своих земель продал помещику Заварицкому, и село Охлебинино оказалось разделенным на две части: Березовка, принадлежащая Димитриеву, и центр села, зависимый от Заварицкого»[1].

Усадьба Заварицких в Новотроицком (Охлебинино) имелась, но хозяева вряд ли постоянно здесь проживали. Не случайно, из 13 мужских ревизских душ дворовых, троих перевели на оброк с платежом по 31 руб. 70 коп. в год. Содержать излишнюю дворню было невыгодно.

После отмены крепостного права сельчане образовали два сельских общества: Дмитриевское (бывшие Охлябининых) и Заварицкое. Судя по всему, владения последних подлежали разделу, дети выросли. Так, договор о выкупе с жителями дер. Шеланы и Воздвиженской (90 рев. душ) в марте 1868 г. подписали коллежский ассесор Николай Александрович (1836 г. р.) и коллежский секретарь Александр Александрович (1841 г. р.) Заварицкие, просили у казны ссуду в 10 075 руб. 20 коп.[2]

Члены большой семьи разлетелись по просторам России (многие остались жить в Казани). С уфимской землёй связал свою судьбу один Николай Александрович Заварицкий (1836–1923). Уже в 1869 г. он в чине коллежского ассесора состоит в действительных членах уфимского губернского статистического комитета[3], а к 1873 г. становится даже помощником председателя, то есть самого Уфимского губернатора (уволен по прошению в начале года). В статкомитет входила вся образованная элита региона. В 1875 г. во время первых земских выборов Н.А. Заварицкий был избран депутатом (гласным) Уфимского уездного земства, затем от его имени вошёл в состав губернского земского собрания[4]. Заварицкий служит мировым посредником и

---

[1] История села Охлебинино. С. 4. В 1866 г. у Николая Заварицкого действовал маленький Воздвиженский поташный завод (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 172).

[2] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 июля.

[3] Там же. 1869. 5 апреля. Н.А. Заварицкий не был чужд литературной деятельности. В 1873 г. вышли две небольшие его заметки «О землевладении в Уфимской губернии за 1870 г.» и «Движение гражданственное» (о населении) (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии). Состоял в местном сельскохозяйственном обществе, в 1899 г. выступил с сообщением, что в Сибири подделывают знаменитый уфимский мёд (Протоколы и труды Уфимского отдела Императорского Московского Общества сельского хозяйства. Вып. VIII. 1901 год. Уфа, 1901. С. 15).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1875. 15 февраля.

сам составляет уставные грамоты соседям-помещикам[1].

Помимо службы, Н.А. Заварицкий активно эксплуатирует своё имение, огромные лесные массивы. Осенью 1869 г. реклама извещала, что «в имении Гг. Заварицких, Уфимского уезда, на реках Белой и Симу продаются на сруб участки липового леса. Условия можно узнать у владельца дачи в Уфе, в доме Малоярославцева, и в самом имении при деревне Родники, Нагаевской волости, у доверенного владельцев, Г. Яблонского»[2].

После раздела огромного поместья, вероятно, рядом со старым родовым гнездом в Охлебинино Н.А. Заварицкий строит новую усадьбу, которая уже стояла в 1869 г.

При сельце Воздвиженское (выселок Новотроицкий), что недалеко от Охлебинино, к началу XX в. получившего новое наименование Родники, на момент отмены крепостного права дворовых не имелось вовсе. Жилой усадьбы, видимо, тоже. Делами заведовал бурмистр. Можно предположить, на базе существовавших каких-то хозяйственных строений, Николай Александрович Заварицкий строит здесь усадьбу, как центр мощного хозяйственного комплекса, откуда руководит бизнесом.

Деревня Родники стоит в выгодном месте, в верховьях речушки Мончазы, рядом с гужевой дорогой из Охлебинино на север, в третью деревню Заварицких – Шеланы и далее на Калтыманово, Алаторку, Иглино. С другой стороны, Родники лежат рядом со сплавной рекой Сим и пристанью Асканыш, где раскинулись уральские леса, богатые первоклассной древесиной.

Как раз в это время начинается бурная распродажа башкирских земель, чем в первую очередь занимались лесные башкиры, а также вакханалия с раздачей казённых участков. По сведениям весьма информированного землемера Н.В. Ремезова, именно Н.А. Заварицкий в компании с Эверсманом и купцом Морозовым участвует в самых крупных операциях по приобретению башкирских лесов (попытка купить до 70 тыс. дес. в 1872 г.)[3]. Хотя не все сделки удались, к первым земским выборам Николай Александрович являлся владельцем 427 дес. возле Новотроицкого (Охлебинино), а также 6909 дес. близ сельца Воздвиженского (Родники) совместно с братом Александром. Наконец, в единоличном владении в Булекей-Кудейской волости за одним Н.А. Заварицким значилось 17,5 тыс. дес.

На 1881 г. по-прежнему с братом Александром он владел 6499 дес. при Воздвиженском, а единолично в Нагаевской и Бу-

---

[1] См.: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 664; др.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1869. 11 октября.

[3] См.: *Ремезов Н.В.* Указ. соч. С. 222–223 (Заварицкому со товарищи посвящён также отдельный очерк «Башкирские опекуны»).

лекей-Кудейской волостях ему принадлежало 34 230 дес. Николай Александрович Заварицкий вошёл в число крупнейших землевладельцев Уфимского уезда и всей губернии.

Сбыт леса на сруб, торговля лесоматериалами, продажа участков крестьянам-переселенцам, чей наплыв как раз усилился в конце 1880-х гг., без сомнения, приносили хорошие барыши, не считая эпизодической службы (он так и остался в невысоком чине коллежского ассесора), позволяли обустраивать свою усадьбу в Родниках. Тем более, что предприимчивый Н.А. Заварицкий во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., оказавшись в южных краях, знакомится с юной сестрой милосердия И.И. Филаретовой (1854–1936), женится на ней, невзирая на неприятие незнатной невестки роднёй (супруга являлась дочерью дьячка из крестьян Пензенской губернии)[1]. Появляются дети: 6 сыновей (один умер в младенчестве) и дочь. Одним из сыновей был Александр Николаевич Заварицкий (1884–1952), известный учёный-геолог, академик (1939 г.).

Поместье в Родниках, наверняка, изначально лишь центр коммерческой деятельности, превращается в родовое поместье, хотя Заварицкий владел домом в центре Уфы (ул. Центральная, 48), а также на своё имя и супруги приобреталась земля в Стерлитамакском, Белебеевском и Уфимском уездах[2]. Фигура академика привлекла исследователей, воспоминания оставили родственники, что позволяет восстановить облик усадьбы.

Главенствовавшая в семье супруга руководила хозяйством на практичный крестьянский манер. Дети воспитывались в религиозной и спартанской обстановке. Возможно, и усадьба в Родниках не отличалась изысканностью классических дворянских поместий, а была рационально организованной летней дачей. Сын Георгий упоминал, что в трёхлетнем возрасте (в 1897 г.) упал в колодец в имении в Родниках, но был спасён.

По воспоминаниям, хозяйка усадьбы Ирина Ильинична

---

[1] В местном предании говорится иначе: «Из рассказов жителей стало известно, что главную роль в управлении хозяйством Заварицкого играла его жена Ирина Ильинична, родом из деревни Родники из бедной крестьянской семьи Ильи Спиридонова. В молодости она пасла свиней, работала кухаркой у Заварицкого. О ней местные жители отзывались как о простой, доброй женщине, часто оказывающей помощь крестьянам. После случившегося в 1906 году большого пожара, в результате которого сгорело всё село, по настоянию Ирины Ильиничны было разрешено в лесу Заварицкого каждому крестьянину срубить по двадцать деревьев, в итоге была вырублена вся роща. Сам Заварицкий хотел через суд взыскать с крестьян за самовольный заруб, но Ирина Ильинична мужа отговорила» (История села Охлебинино. С. 4–5).

[2] См.: НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2959–2963.

выращенные в саду цветы срезала «собственноручно и отправляла прислугу на базар – не пропадать же добру». Семейство Заварицких, благо от Уфы недалеко, «большую часть времени проводили в Охлебинине, которое было скорее местом отдыха. Все хозяйственные постройки находились в деревне Родники. Там были сараи с сеном, конюшни, мельница[1] и большие риги с молотилкой, работавшей на конной тяге»[2].

Перепись 1895 г. показывает все владения дворянина Н.А. Заварицкого в Архангельской (Иглинской) волости: 711 дес. без усадьбы, и Нагаевской волости: три участка в 250, 906 и 10,5 дес. также без усадеб. Но имелись ещё два участка в Нагаевской волости уже не одного Николая Александровича, а на Н., А.А. (то есть братьев, как в 1860-е гг.) и И.И. (Ирину Ильиничну) Заварицких. На первом, самом большом участке в 3078 дес. находилась обширная усадьба площадью целых 19 дес. Второй участок в 62,5 дес. состоял из одного леса. То есть, 60-летний преуспевавший помещик продолжал оставаться крупным латифундистом, центром владений которых выступало семейное родовое гнездо. Переписью 1912 г. земли Заварицких не фиксируются, но при проведении этого исследования случались пропуски.

Изучение источников ставит вопрос – сколько было усадеб у Н.А. Заварицкого? В воспоминаниях говорится о двух усадьбах – старой в Охлебинино и новой в Родниках. Тем более, что они находились в нескольких верстах одна от другой и могли восприниматься как единое целое. На 1896 г. фиксируются как отдельные поселения хутор Заварицкого (Воздвиженской, Родники) при ключе Безымянном из четырёх дворов, в которых, правда, статистики зафиксировали всего 2 чел. Там стояла часовня. А также существовали усадьба и пристань Заварицкого при р. Белой (3 двора, 6 чел.). Последние могли быть возле Охлебинино. По словам представителей семьи Заварицких, в Родниках стоял дом, были хозяйственные постройки, но местом отдыха считалось Охлебинино. Так, во время пожара 21 мая 1906 г. в Охлебинино сгорели «постройки в усадьбе Заварицкого»[3].

Когда Марианна Александровна Заварицкая, дочь учёного (жила в Москве), предлагала организовать в Уфе или Охлебинино мемориальный музей, родовой дом ещё стоял. В 1987 г. она даже получила ходатайство от Академии наук в адрес Совмина Башкирии. Но ни музеи, ни учёные, ни «Башкиргеология», ни

---

[1] На карте 1945 г. южнее Родников показана мукомольная мельница.

[2] См.: *Муталов Минниахмет.* Указ. соч.; *Краснова Рашида, Заварицкий Александр.* Способен и достоин // Уфа (журнал). 2007. № 6; http: // www. kmay. ru / sample_pers.phtml?n=1159; Википедия.

[3] Уфимский вестник. 1906. 9 июня.

общество охраны памятников, ни администрация Иглинского района не пожелали заняться спасением усадьбы. Время было упущено, и в 1988 г. «дворянское гнездо» снесли[1].

Здесь говорится об усадьбе в Охлебинино, а не в Родниках. П.В. Егоров при посещении Охлебинино собрал воспоминания старожилов, что барин Заварицкий был очень строг, барыня же, напротив, добрая. Жили они всем семейством в селе почти безвыездно. Огромной была в Охлебинино помещичья усадьба, находилась она в центре села, севернее церкви и состояла из большого барского дома и хозяйственных построек.

Наличие двух усадеб подтверждают собранные земскими статистиками сведения за 1916 г. Поместья были зафиксированы у Николая Александровича и Ирины Ильиничны Заварицких при дер. Родники (жили три работника), и только у Н.А. Заварицкого при Охлебинино (семья – 4 чел., прислуга – 3 чел.). По местным воспоминаниям, разгром усадьбы Заварицких приходится на 1917 г. и последующую эпоху.

К северу от Охлебинино, в 20 верстах, в верховьях речки Юрмаш лежало ещё одно селение – выселок Шеланы, где в 1861 г. находились владения Н.А. и А.А. Заварицких и Охлябининых. Если у Заварицких здесь только проживала небольшая группа крепостных[2], то Охлябинины держали усадьбу (22 чел. дворовых), не на много уступавшую усадьбе в Мончазах. Её судьба, наверняка, сложилась одинаково с первой (см. выше). Шеланы принадлежали на 1861 г. девицам Юлии Дмитриевне и Ольге Дмитриевне, а уставную грамоту в 1862 г. за них подписал брат и опекун подпоручик Дмитрий Дмитриевич Охлябинин[3].

В 5,5 верстах от села Юрмаш, на берегу одноимённой речки, в составе «дворянского куста», в двух верстах от Фёдоровки вверх по течению, находилась маленькая деревня Самохваловка (Никольское). В 1861 г. она носила имя Степановка (Каловка, Самохваловка). Там находилось поместье наследников коллежского секретаря Ивана Евстафьевича Павловского (опекуншей была вдова) с усадьбой (10 чел. дворовых).

При определении границ есть упоминание о барской усадьбе. Недалеко от крестьянских дворов «отстоит господский дом и амбар в 10 саж., а гумно от последнего дома в 70 саженях»[4].

Договор о выкупе крепостные Никольского, Каловское тож,

---

[1] См.: *Краснова Рашида, Заварицкий Александр.* Указ. соч. В этой статье (продолжение в № 7) приведены фотографии из домашнего архива Заварицких, где в частности видна обстановка усадьбы.

[2] См.: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 610. Л. 2.

[3] Там же. Д. 683. Л. 1, 4 об.

[4] Там же. Д. 631. Л. 3 об., 4 об., 11.

(12 рев. душ) в июне 1869 г. заключили с коллежской секретаршей вдовой Марьей Васильевной Павловской и детьми её: коллежским регистратором Александром Ивановичем Павловским, а также женой титулярного советника Марией Ивановной Смирновой. В сентябре в Петербурге утвердили выкуп за 1440 руб.[1]

В 1874 г. жене коллежского секретаря Марии Павловской при Никольском принадлежало 567 дес., а в 1881 г. Александр Иванович Павловский возле дер. Карпово и Самохваловка имел 702 дес. В 1896 г. на речке Юрмаш существовала усадьба Павловского (1 двор, 3 чел.), по сведениям переписи 1895 г. коллежский регистратор А.И., совместно с М.В., Павловские в Нагаевской волости имели участки в 474 и 228 дес. На первом была усадьба в 0,3 дес. К 1912 г. Павловские уже не фиксируются.

В «дворянском кусте» на брегах Юрмаша, в одной версте от дер. Бурцево (вниз по течению) стояла деревня Степановка (Исаково). Здесь в 1861 г. располагались два имения дворян Соколова с усадьбой (9 чел. дворовых) и Матиас тоже с усадьбой (4 дворовых женщины, по уставной грамоте имелось 7 рев. душ дворовых на 1862 г.). Скорее всего, господа здесь не проживали. Имение Матиас вообще находилось в опеке (опекун титулярный советник Амвросий Ахмаметев), а людьми Соколова управлял мещанин Котельников.

Если судьба поместья Соколова не известна, то Матиасы упорно держались за свои владения. Судьба этой крохотной деревушки вызвала многочисленные судебные споры, доходившие до императора и Сената в Санкт-Петербурге.

Сельцо Степановка (Исаково) имело третье название Каловское тож. Здесь лежали родовые владения старинного уфимского дворянского рода Каловских: рядом, но юридически отдельно, губернского секретаря Фловианта Каловского, его супруги Графиры Каловской и родственника подполковника Исака Каловского. Земли, крепостные, хозяйственные строения с водяной мукомольной мельницей и прочее имущество от отца с матерью унаследовала поручица Ольга «Фловьянтовна» Матиас. В 1837 г. свою долю завещал ей и подполковник. Кроме того, О.Ф. Матиас сама купила 150 дес., имелись капиталы в Оренбургском приказе общественного призрения, да заводчик Иван Демидов взял в долг большую сумму и не отдал (дело слушалось в Сенате).

Когда 21 марта 1844 г. бездетная Ольга Матиас скончалась, получить наследство для мужа уже штабс-капитана Александра Даниловича Матиаса оказалось проблематичным. С одной сто-

[1] Уфимские губернские ведомости. 1869. 12 июля, 27 декабря.

роны, крепостные крестьяне потребовали признать имение выморочным, а их зачислить в казённые. Во-вторых, из дворян девица Александра Каловская в 1845 г. предъявила права на отцовское имение (Ф. Каловского, она сестра покойной супруги).

В апреле 1847 г. Уфимский уездный суд постановил долю О.Ф. Матиас отдать мужу, отцовскую часть (Ф. Каловского) – дочери Александре Каловской, материнскую долю оставить в опекунском управлении. Если в течении десяти лет (по закону) не объявятся наследники Графиры Каловской, сдать имение в казну. Деньги оставить в приказе общественного призрения в обеспечение долга матери перед поручиком Николаем Каловским в 37 тыс. руб.

Хотя оба наследника согласились с решением, но в декабре 1847 г. вышестоящая Оренбургская палата гражданского суда всё пересмотрела. Оказалось, что по раздельному акту ещё от 13 июля 1828 г. в наследниках Ф. Каловского, кроме дочери Александры, числился его родной племянник Иван Павловский, а по долгу производится отдельное следствие. Новый суд решил Александре Каловской отдать только половину отцовского имения, вторую половину – сыну покойной её сестры Марьи Каловской – Ивану «Ефстафьеву» Павловскому, а пока тот не объявится, земля с крестьянами остаются в дворянской опеке.

С этими и рядом иных решений суда снова согласились наследники (супруг покойной, тётя и палата государственных имуществ), но тут вмешались мужики. Не желавшие оставаться в крепостных, они потребовали как выморочное имение отдать в казну и, вдобавок, высказали сомнения в праве И.Е. Павловского владеть крестьянами, то есть истребовали доказательств его дворянского происхождения.

Бумаги пошли в Сенат. В июле 1851 г. в Петербурге окончательно постановили: имение отца (Ф. Каловского) отдать ½ мужу О.Ф. Матиас, ½ Александре Каловской; имение матери (Г. Каловской) уходит в опеку, имение Исака Каловского – ½ Павловскому (если докажет право владеть крепостными), ½ в казну. Все остальные спорные вопросы снимались. Всё? Опять нет.

Решение Сената не было приведено в исполнение, так как 28 февраля 1855 г. в Уфимский уездный суд подала прошение коллежская секретарша Варвара Козырская, потребовавшая признать её тоже наследницей имения Каловского. При этом, её прошение поступило через месяц после истечения 10-летнего срока подачи претензий. Палата государственных имуществ опротестовала решение уездного суда. В таком состоянии Степановка встретила отмену крепостного права.

Спустя двадцать лет оказалось, «что уставной грамоты на

эту деревню составлено не было, а земля отведена частным порядком бывшим опекуном Ахмаметевым в 1872 году на 26 душ». В итоге в 1885 г. имение всё же признали выморочным, но жалобы из-за земли (большую часть передали в казну) и суммы оброка продолжались до 1910 г.! Сенат дважды разбирал дело о бывшем имении Матиас в Степановке[1]!

Естественно, в условиях юридической неопределённости о дворянской усадьбе не могло быть речи. Наследники или распродали остатки строений, либо мужики всё растащили.

В 1861 г. имелось ещё одно имение Матиас с маленькой деревушкой Журавлёвка (Матиасовка), управлял староста (в 1912 г. не фиксируется). Но барской усадьбы там не имелось.

Это были близкие поселения крепостных одного помещика. Встречались названия Журавлёвка (Исакова, Степановка или Александровка). Из-за проблем с выкупом земли крестьянами мировой посредник Н.А. Заварицкий отобрал у них землю и «в том же 1870 году все жители помянутой деревни оставили усадьбу и переехали в деревню Исакову (Степановку тож)».

На 1861 г. земля и крепостные принадлежали майору Александру Даниловичу Матиас. В августе 1862 г. именно он подписывает уставную грамоту. Примерно в конце 1860-х гг. он умирает, наследники долго разбираются с собственностью, делят имущество. Владельцами поместья упоминаются или наследники, или умершая (на 1874 г.) поручица Ольга Матияс. Над имением учреждается опека в лице сначала соседнего помещика Регодушенко, затем коллежского ассесора Александра Васильевича Дядина (он купил при Зининой 26 дес., на 1881 г.[2]).

Наконец, в апреле 1874 г. Уфимский уездный суд признал наследниками «вдову Авдотью Павлову Матияс и сотницу Нехорошеву». Вдова сотника Мария Даниловна Нехорошева, сестра майора, проживала в Оренбурге. В 1874 г. земли Матиасов сохранялись при Журавлёвке и Степановке. В марте 1877 г. земли при Журавлёвке (видимо, Нехорошевой) были проданы уфимскому купцу Фёдору Михайловичу Боброву[3].

На 1881 г. Ольга Флаваинтовна Матиас ещё числилась собственницей 753 дес. В 1895 г. вдова офицера А.П. Матияс в Нагаевской волости владела крохотным участком в 4,7 дес., но уже

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 739. Л. 3, 6, 9–12, 19 об., 20, 39 и др. (есть чертёж земельного надела).

[2] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 679. Л. 1, 5, 23 об., 35, 44, 46, 69, 78–79, 88, 92, 95, 96 об., 106. В деле сохранился геометрический план дер. Александровки, Каловское тож, отставного майора Александра Даниловича Матияс, выполненный после 1861 г. (Там же. Л. 116а). На плане усадьбы нет.

без усадьбы. В дальнейшем они из числа владельцев исчезают.

Наконец, посреди неоднократно упоминавшегося «дворянского куста» на левом берегу речки Юрмаш, между Богодаровкой и Самохваловкой лежала дер. Хлебодаровка (в 1912 г. ещё Чертова[1] и Пекарская). Последнее напоминало о роде уфимских дворян Пекарских, из которых вышел первый из уроженцев Уфы академик Пётр Петрович Пекарский (1827–1872).

Хотя имением управлял староста, наверняка, хозяева регулярно здесь бывали, так как в Хлебодаровке в 1861 г. стояла весьма крупная усадьба с обслугой из 47 чел. дворовых, одно из двух самых больших по численности дворовой прислуги поместий в будущей Нагаевской волости. Можно предположить, что именно здесь, в Хлебодаровке находилось «дворянское гнездо» Пекарских, точнее летний филиал, второе, загородное жильё (у них были и другие имения). Наверняка, после продажи отцом академика главного поместья Пекарских в Отраде (см. выше) именно Хлебодаровка стала основной усадьбой семьи.

Усадьба Пекарских, видимо, стояла в самой деревне. При описании границ в уставной грамоте говорится: «начинается господская усадьба, прошед оною 50 сажен, далее господский выгон», а напротив крестьянские дворы[2].

Выкупная сделка с крепостными была утверждена в Петербурге 31 октября 1864 г. Вдова коллежского советника Александра Петровна Пекарская предоставила крестьянам 162 дес., получив за это ссуду от правительства в размере 4320 руб.[3] Правда, в январе 1864 г. имение А.П. Пекарской при сельце Хлебодаровке выставляли на торги за долг в 3455 руб. 72 коп. перед Оренбургским приказом общественного призрения[4].

Если в 1874 г. жене коллежского советника Александре Пекарской при Хлебодаровке принадлежало 123 дес. земли, то в дальнейшем среди землевладельцев она не упоминается. Александра Петровна Пекарская (около 1797 – 28 октября 1887) постриглась в монахини Уфимского женского Благовещенского монастыря под именем инокини Феофании. Урождённая Пеутлинг[5] (предок – правитель Уфимского и Симбирского наместни-

---

[1] Отставной капитан Михаил Аполлонович Чертов умер 12 сентября 1846 г. в возрасте 70 лет. Похоронен при Димитриевской церкви села Юрмаш (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 95).

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 671. Л. 3 об.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1865. 25 января.

[4] Там же. 1864. 25 января.

[5] Как урождённая Пеутлинг, она имела долю в поместье при сельце Александровка, Бишкази тож (Там же).

чества А.А. Пеутлинг), была замужем за Петром Николаевичем Пекарским, который в должности губернского предводителя дворянства принимал в Уфе в 1824 г. императора Александра I. Именно она, «блиставшая тогда молодостью, красотою и первенствующим положением в обществе», удостоилась открыть бал, приглашённая самим императором на первый танец. Академик П.П. Пекарский – её сын[1]. Похоронившая мужа (1853 г.), сына (1872 г.), невестку и внука инокиня Феофания, наверняка, простилась и со своей родовой усадьбой в Хлебодаровке.

А завершением «дворянского куста» на Юрмаше являлась (в трёх верстах выше по течению от Бурцево) деревня Холмское (Шамонино), где в 1861 г. лежало, находившееся в опеке, небольшое имение наследников Шамонина с усадьбой (14 чел. дворовых). Титулярный советник Семён Андреевич Шамонин в 1836 г. служил советником Оренбургской палаты уголовного суда, состоял в попечительном комитете о тюрьмах. Хозяева если не проживали в имении постоянно, то, во всяком случае, контролировали ситуацию в деревне. Об этом косвенно свидетельствует конфликт между барином и крепостными в 1858 г.[2]

---

[1] Река времени. 2015. С. 128. Имелась также дочь, летом 1861 г. за границу уехала дочь коллежского советника девица Александра Петровна Пекарская (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 24 июня).

[2] «3 июня 1858 года крестьяне сельца Холмского, Уфимского уезда, подали губернатору жалобу на недостаток в их участке пахатной земли и лугов, жестокое обращение с ними помещика Шамонина и обременение женщин и детей тяжкими урочными работами. Губернатор поручил Уфимскому земскому исправнику, вместе с уездным предводителем дворянства, произвести дознание. По рапорту исправника, от 5 июня, поводом к жалобе было приглашение помещиком Шамониным [значит он был в поместье] станового пристава для полицейского наказания некоторых крестьян за неисправности в работах, грубости и оскорбления, нанесённые священнику села Юрмаша. Виновные, в числе 12 человек, не дали себя наказывать и подали на делаемое им стеснение жалобу. Дознание, выясняя степень справедливости жалобы, установило следующие данные. 1. Крестьяне с. Холмского, в числе 20 душ, владели участком, заключавшим в себе до 180 десятин земли. В продолжение 10-тилетнего владения имением Шамонина жалоб со стороны крестьян на недостаток земли не было. Хотя в пахатной земле и чувствовался крестьянами недостаток, потому что им причиталось в каждом поле на тягло всего по одной десятине с четвертью, но к устранению этого недостатка помещик предоставил им делать расчистку мелкорастущего леса. Крестьяне не только не пользовались этим разрешением, считая для себя такую работу тягостной, но ещё и сами увеличивали недостаток в лугах, не занимаясь очищением и увеличиванием сенокосных полян, находящихся в лесу, и засаривая их при рубке дров. 2. Господские работы у Шамонина производились в тех же размерах, какие были приняты и другими помещиками. Что же касается жестокого обращения Шамонина с крестьянами, то последние, в подтверждение этого обвинения, не могли

После отмены крепостного права имение (20 рев. душ) унаследовал надворный советник Фёдор Андреевич Шамонин, который к 1866 г. договорился с крестьянами о выкупе за 1828 руб. 52 коп.[1] Но на 1 августа 1867 г. в Уфимском уездном суде были назначены торги на продажу имения надворного советника Фёдора Шамонина (земля при сельце Холмском стоимостью 630 руб.) за долги его жене Елизавете Шамониной по заёмному письму на 5 тыс. руб.[2] В 1874 г. г-же Шамониной возле Холмского принадлежало имение в 285 дес., но в документе было приписано: продано. Более эта фамилия в Нагаевской волости не фигурировала. Усадьба, скорее всего, тоже была ликвидирована.

Почти на берегу реки Белой по дороге из Нагаево в Охлебинино, близ большой старицы, от которой ныне осталось несколько озерков, лежала деревня Шипово (она же Белорецкое, Зыково, Васильево в 1912 г.), а в 1861 г. основным прозванием сельца являлось Белорецкое (Шипова тож). Здесь располагались три дворянских поместья (Зыковых, Корецкой, Васильевой).

Имение Зыковых (127,5 дес., земли доходили до Белой, был бечевник) принадлежало надворному советнику Андрею Алексеевичу Зыкову (сын прапорщика Алексея Степановича и Дарьи Кириловны Зыковых). Около 1856 г. А.А. Зыков скончался. Видимо, ещё при жизни он выделил часть поместья своей дочери Юлии Корецкой[3], за которой числилось 7 чел. обслуги. А остальное имение суд признал в собственности оставшихся дочерей: коллежской секретарши Марьи Алексеевны Сухановой и девицы Александры Алексеевны Зыковой, «родные сёстры». В январе 1857 г. девица Зыкова отказалась «от всякого наследства».

Сёстры в Белорецком не жили и не собирались возводить усадьбу. У Зыковых имелись только крепостные, прислуга не числилась («дворовых вовсе не было и нет»), но какой-то комплекс строений имелся, на 1861 г. имение при с. Белорецком

привести ни одного случая. Дело кончилось тем, что 5 человек крестьян, виновных в ослушании против помещика и в неповиновении становому приставу, были подвергнуты полицейскому наказанию, при чём им, равно и прочим, было сделано внушение, чтобы на будущее время они удерживались от подобных проступков и были бы в полном повиновении как владельцу, так и местным установленным от Правительства властям» (*Кречетович И.П.* Указ. соч. С. 29).

[1] Уфимские губернские ведомости. 1866. 26 февраля.

[2] Там же. 1867. 23 февраля.

[3] Умерла около 1862 г., имение унаследовала сестра М.А. Суханова, как и владение Корецкой при сельце Тауш (см. выше). В 1857 г. продавалась ненаселённая земля (500 дес.) при с. Белорецком губернского секретаря Гилярия Даниловича Корецкого. Владелец проживал в Самаре (Оренбургские губернские ведомости. 1857. 18 мая).

указано «с пристройками и разною движимостью».

Уже в декабре 1856 г. М.А. Суханова продаёт всех крестьян на вывод без земли коллежскому ассесору Ушакову, но суд отменяет сделку. Не прошло установленного законом 6-месячного срока с объявления о розыске наследников, и, вдобавок, в январе 1857 г. крепостные подали иск о признании их свободными.

Дело в том, что род Зыковых был «в дворянстве не утверждён», говорилось в решении Дворянского депутатского собрания ещё в 1844 г. Судебное дело рассматривалось вплоть до Сената, на имение наложили «запрещение» (было в опеке).

Права Сухановой на часть зыковского имения спасло замужество. Её супруг, коллежский секретарь Андрей Петрович Суханов потомственный дворянин, был внесён во 2-ю часть родословной книги, «показан по спискам о вновь рождённых дворянских детях за 1806 год»[1], и жена с детьми также внесена в число дворян (справка от 1857 г.).

В результате, в 1858 г. Уфимский уездный суд признал Суханову и Зыкову наследницами в равных долях, не принял отказ последней от имения и долю Зыковой отобрал в казну, так как она не дворянка и не имеет права владеть имением с крепостными, все долги отцовские переходили на Суханову[2]. Крепостные и Суханова оспорили судебное решение, в итоге Гражданская палата мужикам в иске отказала, а М.А. Суханову (в 1864 г. уже вдова) признала наследницей всего имения. Помещица в 1863 г. 48 дес. при сельце Белорецкое (Ямское тож) продала купцу Блохину, в купчей «по безграмотству и с приказания руку приложил писец Пётр Андреев Суханов» вместо матери.

В сентябре 1865 г. имение М.А. Сухановой (урождённой Зыковой) было принято в казну за 1800 руб., уставная грамота с крестьянами была подписана ещё в 1862 г., всеми делами от имени Сухановой занимался коллежский ассесор Михаил Максимович Васильев[3], сосед по Белорецкому.

Его супруге[4], коллежской ассесорше Глафире Ильинишне Васильевой принадлежала в Белорецком (Шипово) самая большая в округе помещичья усадьба с 48 чел. дворовых, правда, в

---

[1] Крестьяне в иске утверждали, что муж родился после внесения отца его подпоручика Петра Андреевича Суханова в родословную книгу.

[2] На помещице висел долг отца, который в 1851 г. под 500 дес. земли взял у жены коллежского ассесора Глафиры Петровны Ушаковой 2960 руб., почему М.А. Суханова и хотела всех крестьян продать. Она в 1857 г. рассчиталась с женой Виктора Петровича Ушакова.

[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 675. Л. 1 и об., 3, 6–9, 11 и об., 12–15, 19, 38 и об., 40–41, 49 и об., 54, 60, 62, 72.

[4] Оренбургские губернские ведомости. 1853. 28 февраля.

уставной грамоте за Васильевой числилось уже всего 6 муж. душ дворовых на 1862 г.[1] Видимо, вторые данные более точные. В 1866 г. Г.И. Васильева договорилась о выкупе с крестьянами сельца Белорецкого (63 рев. души) на сумму в 7560 руб.[2]

У помещицы Глафиры Васильевой работал поташный завод (действовал в 1861, 1863, 1865–1867 гг.), сначала вырабатывалось продукции до 4 тыс. пуд. на сумму в 7–8 тыс. руб., затем производство сократилось[3]. В 1876 г. поташеваренный завод Г. Васильевой был сдан в аренду купцу А.С. Софронову[4].

Шиповские помещики уже в 1860-е гг. не фиксируются, но, вероятно, усадьбы сохранились и перешли в другие руки. Возникший по-соседству посёлок Шипово-Казанский был основан на земле, приобретённой крестьянами у Васильева в 1887 г.[5] Вплоть до 1916 г. в Шипово существовали дворянские владения.

На главной дороге из Уфы, от Каменной переправы в Юрмаш стояла сельцо Петропавловское (Федоровка), принадлежавшее в 1861 г. надворной советнице Софье Яковлевне Федоровской. Однако, прислуги не имелось, хозяйством управлял дворовый человек. Сама она проживала в Санкт-Петербурге, откуда в декабре 1861 г. выдала доверенность на имя брата штабс-ротмистра Виктора Яковлевича Стобеуса для составления уставной грамоты. За помещицей остались лесные земли на левом берегу речки Юрмаш, которая была перегорожена плотиной. Специально оговаривалось, что крестьяне не должны «препятствовать возвышению плотины на имеющемся помещичьем пруду даже в случае залития от этого вошедшей в их надел под поймой земли», так как последнюю им барыня подарила[6]. Возможно, поблизости от пруда на Юрмаше стояла усадьба.

В 1863 г. публиковалось объявление о продаже имения «с господскою усадьбою и мельницею на реке Юрмаш». Крестьяне уже являлись временнообязанными, почему господская земля (половина лес) с усадьбой может быть продана отдельно. Адрес продавца указывался: Санкт-Петербург к П.Е. Федоровскому на

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 699. Л. 1, 2, 6 об.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1866. 19 марта, 2 июля.

[3] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 172. Вероятно, с поташным заводом и связано разночтение в числе дворовых, часть крестьян могла работать на поташном заводе и числиться в «дворовых», а после закрытия или сокращения производства их вернули в ряды «обычных» мужиков.

[4] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 2. Уфа, б. г. С. 52.

[5] *Абрютин В.А.* Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 85.

[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 677. Л. 3, 6 и об., 7 об., 11, 12 об.

Торговой улице, № 8[1]. Выкуп утвердили в 1864 г. за 4320 руб.[2]

В самых верховьях речки Юрмаш, рядом с Шеланами, с жителями которых потом войдут в одно общество, лежало небольшое сельцо Никольское (Поступаловка), в 1861 г. находилось в опеке. От него затем отпочкуется посёлок Семёновский. Здесь находилась маленькая усадьба, её обслуживали две женщины.

Имение принадлежало наследникам надворного советника Николая Ларионовича Поступальского[3], который купил поместье у чиновника 9-го класса Дмитрия Ивлевича Курчеева. В начале 1860-х гг. собственниками являлись совершеннолетний сын Николай и несовершеннолетние Виктор и Лидия Николаевичи Поступальские. Дворянская опека поручила их опекуну коллежскому секретарю Александру Яковлевичу Калугину.

В деревне имелись господские «пришедшие в ветхость флигель и строение», которые были переданы Н.Н. Поступальскому в 1868 г., «по нахождении его Поступальского теперь в г. Уфе». В другом документе говорилось о «незначительном господском строении». Маленькая усадебка исчезла в начале 1870-х гг.

К моменту ликвидации отношений с крестьянами, в марте 1869 г. Уфимский уездный суд разыскивал наследников умершего губернского секретаря Виктора Николаевича Поступальского на имение при сельце Никольском[4]. А в ноябре 1869 г. в Уфе составили договор о выкупе сельца Никольского, Поступаловка тож, у наследников Николая Илларионовича Поступальского: совершеннолетнего Николая и малолетних Виктора и Лидии Николаевичей Поступальских (просили 797 руб. 47 коп.)[5].

Хозяевами оставшейся земли были коллежский секретарь Н.Н. Поступальский с сестрой. К началу 1880-х гг., «после смерти моего брата Николая Николаевича Поступальского», единственной владелицей земли осталась жена губернского секретаря Лидия Николаевна Азябина (урожд. Поступальская), на 1883 г. проживавшая в Воткинском заводе Вятской губернии[6]. Она и продала остатки бывшего поместья.

В самом низовье речки Юрмаш, недалеко от её впадения в

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 26 октября.

[2] Там же. 21 ноября (помещица названа как С.Я. Фёдорова).

[3] Среди мелкопоместных дворян Уфимского уезда в 1849 г. упоминается канцелярист Александр Иванович Поступальский, 26 лет, имевший 4 рев. души крепостных и 208 дес. земли. Он проживал в Уфе, занимался хозяйством, при брате проживала сестра Любовь, 17 лет (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1869. 22 марта. Кто это, не ясно.

[5] Там же. 27 декабря. Выкуп оформили в 1870 г. (Там же. 1870. 27 июня).

[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 822. Л. 3 и об., 14–15, 28, 39, 45–46.

Уфимку стоит деревня Елкибаево. Она в 1861 г. принадлежала наследникам коллежского регистратора Василия Даниловича[1] Курковского (опекунша коллежская секретарша Александра Михайловна Калугина[2], имевшая поместье в Сипайлово). Хозяйством управлял староста, но усадьба имелась и обслуживал её внушительный штат дворовых из 33 чел.

После отмены крепостного права семейство Курковских цепко держало свои земли. В 1874 г. господам Курковским возле Елкибаево принадлежала 1 тыс. дес., в 1881 г. Михаил Васильевич Курковский оставался владельцем 1105 дес.

Это была известная в крае семья. Коллежский регистратор Михаил Васильевич Курковский в 1886 г. избирался кандидатом (заместителем) Уфимского уездного предводителя дворянства[3], в 1903 г. коллежский ассесор М.В. Курковский являлся членом Уфимской уездной земской управы, Григорий Михайлович Курковский служил ветеринарным врачом 3-го участка, квартируя в Миньярском заводе[4]. По переписи 1895 г. коллежский регистратор М.О.[В.?] Курковский являлся собственником всё той же 1 тыс. дес. в Нагаевской волости с большой усадьбой на площади в целых пять десятин. Судя по межевой карте начала XX в., усадьба М.В. Курковского лежала к западу от деревни на берегу озера. По списку 1896 г. действительно усадьба Курковского (1 двор, 2 чел.) находилась при озере Безымянном.

На 1907 г. у Михаила Васильевича Курковского (проживал в Уфе, ул. Пушкинская, 104) при дер. Елкибаево имелось два хутора с хозяйственными постройками стоимостью 10 тыс. руб., а усадьба занимала площадь в 3 дес. 1520 кв. саж. Владелец вёл переговоры о продаже земли Крестьянскому банку[5]. Владение Григория Михайловича Курковского дожило до 1917 г.

По переписи 1912–1913 гг. существовала в Нагаевской волости ещё одна деревня, заселённая бывшими помещичьими

---

[1] На январь 1849 г. штабс-капитан Данила Николаевич Курковский (12 рев. душ), владелец поместья, уже умер. В Уфе служил его сын Василий (17 рев. душ) (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189). 13 августа 1854 г. у В.Д. Курковского и жены его Александры Михайловны родилась дочь Наталья, крещена 22 августа в Сергиевской церкви Уфы (Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 564 об.).

[2] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 652. Л. 1, 3 об.

[3] Сборник материалов для истории Уфимского Дворянства, составленный В.А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года включительно Депутатом Уфимского Дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа, 1902. С. 291.

[4] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. С. 56, 58.

[5] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3016. Л. 7–9.

(крепостными) крестьянами. Это Резвово (Надеждино), что лежит между Шипово и Охлебинино недалеко от Белой. В списках за 1861 г. не указано никакого дворянского поместья. Известно, что в июне 1802 г. землемер Василий Лисицын межевал эту местность и отметил, что здесь находится «покупная земля – владения коллежскаго советника Николая Петрова сына Шипова, губернскаго секретаря Резваго и по смерти онаго отпущенных от него на волю крестьян»[1].

В следующей таблице показаны дворянские усадьбы Нагаевской волости, существовавшие на момент отмены крепостного права в 1861 г., их приблизительная дальнейшая судьба.

Селение	Владелец на 1861 г. / дату выкупа	Дворовых в 1861 г. (муж., жен.)	Дальнейшая судьба дореформенной усадьбы (приблизительная)
Атаевка	1. Марья Фёдоровна Тарони	15 – 18	Исчезла в 1870-е гг.
	2. Боссе	3 – 8	Исчезла в 1860-е гг.
Богодаровка	3. Черкасова	1 – 2	Исчезла в 1860-е гг.
	4. Никитины	18 – 8	Была в 1890-е гг.
Бурцево	5. Анна Шешминцева (Татьяна Даниловна Вавилова и Екатерина Евдокимовна Лопатина)	0 – 2	Существовала до 1916 г.
Жилино (Кохановка)	6. Фёдор и Павел Аполлоновичи Кохановы	10 – 10	Исчезла в 1880-е гг.
Жилино (Пыпино)	7. Александра Алексеевна Попова	3 – 3	Исчезла в 1860-е гг.
	8. Екатерина Алексеевна Голявинская	3 – 3	Исчезла в 1870-е гг.
	9 и 10. Серафима Ивановна Пыпина (и Апполинарий Алексеевич Пыпин)	4 – 8 и 1 – 3	Исчезла в 1880-е гг.
Зинино	11. Иван Иванович Лосенко	3 – 7	Исчезла в 1870-е гг.
	12. Александра Максимовна Роговская (Авдотья Игнатьевна Ах-	4 – 3	Исчезла в 1900-е гг.

[1] РГАДА. Ф. 1355. Д. 1884. Л. 212 об. – 213 (сведения любезно предоставлены Ю.М. Абсалямовым).

	маметева)		
Карпово	13. Ионас	3 – 7	Исчезла в 1860-е гг.
	14. Авдотья Лукинична Пахомова	1 – 3	Исчезла в 1860-е гг.
	15. Василий Александрович Регодушенко	5 – 5	Исчезла в 1890-е гг.
Куяново	16. Варвара Сергеевна Болховская (и дети)	8 – 6	Исчезла (перешла в другие руки) в 1870-е гг.
Мончазы (Дмитриевка)	17. Охлябинины / Лопатины	14 – 8	Исчезла к 1880-м гг.
Новотроицкое (Охлебинино)	18. Заварицкие	13 – 13	Просуществовала до конца 1980-х гг.
Шеланы	19. Охлябинины	13 – 9	Исчезла к 1880-м гг.
Самохваловка	20. Мария Васильевна Павловская	6– 4	Исчезла в 1890-е гг.
Степановка	21. Соколов	5 – 4	Исчезла в 1860-е гг.
	22. Александр Данилович Матиас и другие	0 – 4	Исчезла к 1880-м гг.
Хлебодаровка	23. Александра Петровна Пекарская	26 – 21	Исчезла в 1870-е гг.
Холмское (Шамонино)	24. Фёдор Андревич Шамонин	6 – 8	Исчезла в 1870-е гг.
Шипово	25. Глафира Ильинична Васильева	22 – 26	Исчезла в 1860-е гг. или перешла в другие руки
	26. Юлия Андреевна Корецкая	3 – 4	Исчезла в 1860-е гг.
Петропавловское (Федоровка)	27. Софья Яковлевна Федоровская	нет	Исчезла в 1860-е гг.
Никольское (Поступаловка)	28. наследники Николая Ларионовича Поступальского	0 – 2	Исчезла в 1870-е гг.
Елкибаево	29. Курковские	14 – 19	Исчезла после 1917 г.

Итого на землях возникшей позднее Нагаевской волости в 1861 г. стояло 29 дворянских усадеб, в том числе достаточно крупных, с числом дворовой обслуги свыше 20 чел., насчитывалось девять, больше, чем в соседней Иглинской волости (семь). Причём в двух имениях имелось более 30 чел. дворовых (Тарони и Курковских), а ещё в двух даже свыше 40 чел. (Пекарская, Васильева?). Здесь располагалось несколько обширных дворянских

хозяйственно-жилых комплексов с садово-парковыми ансамблями, как у Пекарских и Заварицких.

После отмены крепостного права в Нагаевской волости также началось стремительное разорение в первую очередь мелких дворянских поместий. За 1860–1870-е гг. из 29 усадеб исчезло приблизительно 16 (или 55%), в 1880–1890-е гг. – ещё девять. К началу XX в. здесь сохранялись последние четыре старинных, дореформенных дворянских усадьбы. В Бурцево, Охлебинино (с Родниками) и Елкибаево поместья встретили новую советскую эпоху. Последняя дворянская усадьба Заварицких в Охлебинино погибла уже в конце 1980-х гг. Ситуация сходная с Иглинской волостью. Более медленные темпы разорения в Нагаевской волости объяснялись близостью к городу.

Лишь единичные, наиболее состоятельные или имевшие потомков с предпринимательскими способностями семьи старого дворянства сохранили в Зауфимье родовые вотчины. Заниматься агробизнесом здесь было трудно, доход приносили продажа леса на выруб и торговля землёй (или аренда), которую охотно приобретали многочисленные переселенцы, хлынувшие в эти края в конце XIX в. Даже содержать старинные усадьбы в качестве летней дачи стало накладно. Старинное родовое дворянство к началу XX в. в Зауфимье исчезло почти совершенно. Если на 1861 г. в Зауфимье существовало по нашим подсчётам 67 дворянских усадеб, то уже за первые два пореформенных десятилетия прекратили существование 45 поместий (67%), в 1880–1890-е гг. исчезли ещё 16 усадеб. К началу XX в. дожили и частью встретили советскую эпоху лишь шесть фамильных семейных «гнёзд». Мир помещичьей усадьбы остался в прошлом.

Начало ликвидации крепостных отношений в Зауфимье и упадка дворянского хозяйства зафиксировал В.А. Новиков, в 1860-е гг. служивший здесь мировым посредником. В статье «О ходе крестьянского дела в Уфимском уезде» он выделил миролюбивые уступки дворян крепостным в стремлении помочь устройству их нового быта. При этом, отмечал автор, большинство местных помещиков «имеет весьма ограниченное состояние». Валентин Аполлонович Новиков заочно отвечал на критику дворянства в литературе. Но собранные им факты показывают не только гуманность многих дворян Зауфимья, а также понимание невыгодности будущего предпринимательского хозяйствования, почему обременять крестьян, своих потенциальных работников, арендаторов и покупателей земли было нерационально.

Новиков специально собрал и опубликовал большую подборку фактического материала: «Е.В. Веригин подарил крестьянам имения его села Архангельского, сверх полного, установлен-

ного местным положением надела на 149 душ, удобной и неудобной земли 184 десятины, уступил 2235 руб. из дополнительного платежа и уплату остальных денег разсрочил на 3 года[1].

С.Е. Березовский по имению его сельцу Егоровке уступил крестьянам, которых числится 40 душ, половину следующего с них за надел в 2 ½ десятины на душу, дополнительного платежа, разсрочив уплату остальной на 10 лет и подарив им вошедшие в их надел 12 десятин 2360 сажен неудобной земли; сверх этого предоставил крестьянам в течении девятилетнего срока со дня обнародования положения безвозмездно пользоваться топливом из его леса, по 10 сажен на каждый двор.

В.П. Лузгин и О.В. Гурьева крестьянам имения их с. Уракова разсрочили дополнительный платёж на 10 лет, предоставив им право дарового пользования топливом из их леса, в течении 9-ти летнего, со дня обнародования положения, срока.

Поверенный Г-жи Гриневич И.А. Сокуров, по имениям её с. Касимову (35 душ) и с. Князеву (77 душ) уступил крестьянам 1/3 дополнительного платежа, разсрочив уплату остальных двух третей на 15 лет и предоставив обществам тех крестьян безвозмездно пользоваться топливом из дач помещицы в течении установленного 49 ст. Мест. Пол. срока.

Опекун имения Гг. Кохановых с. Мончазы, в котором значится 82 души, В.А. Щеголев, с разрешения Дворянской Опеки, разсрочил крестьянам уплату дополнительного платежа на 15 лет, уступив безплатно 9 дес. 1623 сажени вошедшей в состав крестьянского надела неудобной земли. Во всех этих имениях произведено полное разверстание угодий, при чём крестьянам отведена в надел земля по их указанию и выбору.

Из прочих помещиков первого участка при составлении уставных грамот:

В.А. Регодушенко по имению его с. Зинину (28 душ) предоставил в безвозмездное пользование крестьян, сверх полного душевого надела, 75 десятин земли, обязав за это крестьян перенести за 3 версты 9 дворов на их счёт.

Г.И. Васильева причислила усадьбы крестьян своего сельца Белорецкого к 1-му разряду, несмотря на все промышленные выгоды, представляемые крестьянам местностью, где находится селение, выгоды, которые давали помещице полное законное

---

[1] После оформления уставной грамоты крестьяне выкупали не только полевые угодья, но и усадьбы, которые отдельно оценивались. Например, жители дер. Богодаровки, бывшие крепостные дворян Никитиных, «за всю оседлость» должны были заплатить 775 руб. (на усадьбу приходилось по 1 руб. 50 коп., по первому разряду, когда крестьяне не имели промысловых доходов) (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 649. Л. 3 об.).

право на отнесение усадьб ко 2 разряду. Независимо от того она уступила крестьянам безплатно сверх надела 4 дес. 2350 саж. удобной и 22 дес. 1524 саж. неудобной земли.

А.К. Юзефович по имению её с. старой Березовке заявила готовность при окончательном разверстании угодий предоставить крестьянам 5 десятинный душевой надел и дозволила пользоваться даром топливом из её дачи.

Г-жи Плотцова и Шамонина предоставили крестьянам право безвозмездного пользования топливом, первая на 7, вторая на один год.

Ю.И. Кадомцева и Л.И. Грибовская отдали крестьянам их с. Тауш безплатно до 11 десятин неудобной земли, в счёт которой вошло 9 дес. лесу по болоту, обезпечивающих совершенно нужды крестьян в топливе.

А.Е. Угличинин, В.В. Энгелькрон, С.И. Забусова и С.Я. Федоровская отвели в надел крестьянам имений их с. Тауш, Петровки, Михайловки и Петропавловского лучшие, по показаниям самих крестьян, из их земель, уступив в безвозмездное пользование вошедшие в участки их неудобные земли; Г-жа же Забусова сверх надела отдала в пользование крестьян участок удобной земли в количестве около 5 десят.

Таким образом из 46 уставных грамот, предоставленных по имениям 1-го участка Уфимского уезда, по 16 сделаны значительные уступки в пользу крестьян, из остальных 30 грамот по 12 произведено окончательное разверстание угодий и по 5 крестьяне обложены на основании 170 ст. Мест. Пол., значительно меньшим противу установленного положением, оброком; последнее обстоятельство указывает на то, что и крепостное право в нашем крае не служило к особенному угнетению крестьян, по крайней мере в имущественном отношении»[1].

Схожая ситуация сложилась в северной части Уфимского уезда, в междуречье рек Уфы и Белой, сразу за окраиной городской застройки. Здесь также преобладали лесные почвы, огромные просторы занимали девственные леса, рентабельность хозяйства даже при наличии бесплатного труда крепостных оставалась не высокой. Единственным отличием являлась близость губернского центра, не случайно, именно среди пригородных помещиков в 1860-е гг. выделяются агрономы-новаторы.

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1862. 24 ноября.

Глава II. Север, междуречье рек Белой и Уфы

Основанный в 1586 г. город Уфа находится на самой южной оконечности Уфимского плато, в треугольнике – междуречьи Белой и Уфы, что обеспечивало военную безопасность, но создавало проблемы в экономическом развитии. На крутых холмах в общем узкого перешейка посреди двух больших рек земель пригодных для землепашества не много. Поэтому уже с конца XVI в. при наделении угодьями служилых людей, дворяне получали пашни и покосы далеко к северу, на большом плато, где ныне раскинулся один из главных районов Уфы – Черниковка.

Дворянские поместья в основном были сосредоточены на, так сказать, «ближнем севере» – в Богородской волости[1], начинавшейся за совр. Аграрным университетом. Далее к северу от Уфы лежали непроходимые лесные чащобы, безлюдные, где даже башкиры почти не селились. Кроме того, в результате стихийной русской колонизации крестьянами были заняты самые удобные для землепашества земли в пойме Белой, возник район сплошного русского заселения (Бирск – Удельные Дуванеи). Обосноваться дворянам там было проблематично. Из-за пограничного положения Уфимского края «старожильческих» русских крестьян никогда не переводили в крепостное состояние. Они оставались государственными, удельными, монастырскими.

Осваивать безлюдные чащобы могли дворяне с очень серьёзными средствами. Так к северу от Уфы появился Благовещенский медеплавильный завод, единственный горнозаводской округ на этой территории. И несколько богатых дворян смогли перевести сюда крепостных и заложить деревни.

---

[1] В связи с ликвидацией крепостных отношений в 1861 г. были образованы низшие административно-территориальные единицы – волости. Из селений бывших крепостных крестьян в 1861 г. была сформирована сначала Сергиевская волость. В неё вошли Сергеевка (Белоусово, Тимашево), Ураково (Князево), Дежнёво, Степановка (Вишнёвый холм), Черниково (Анучино), Аничково, Непейцево (Кособрюхово), Гладышево, Стеклянка, Михайловка (Шестаковка), Никитина (Каловка), Загорное (Сипайлово), Волково, Анненское (Глумилино) и Новиковка (Валентиновка) (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 24 июня).

В 1865 г. решили объединиться с государственными крестьянами. На волостном сходе 19 апреля согласились присоединить дер. Максимовку и село Богородское из Дуванейской волости (помещики тоже были согласны). При этом волостное правление решено было перенести из Тимашево в Богородское. 5 января 1866 г. губернское присутствие утвердило эти постановления и приказало мировому посреднику привести их в исполнение (Уфимские губернские ведомости. 1866. 18 июня).

Волость с тех пор стала именоваться Богородской, перед Первой мировой войной от неё отделилась Романовская волость.

В Богородской волости, она целиком ныне входит в черту города, дворянские поместья ещё в большей степени, чем в Зауфимье носили характер пригородных имений-дач. Поездка из городского дома не представляла никаких трудностей, природных препятствий не имелось, постоянно проживать в поместьях не было необходимости.

Именно из уфимского жилья управляли своими обширными пригородными владениями дворяне Новиковы. Прямо через их земли проходит совр. проспект Октября, по обе стороны которого, начиная от Аграрного университета, раскинулись новиковские угодья до Сутолоки и Уфимки на востоке и почти до Софроновской пристани на западе. Северная граница их поместий проходила примерно по совр. ул. Галле.

А центром на 1861 г. являлась небольшая деревня Валентиновка (она же Подгородная или Новиковка)[1]. Там находилось скромное имение, которое обслуживали 10 чел. дворовых. Хозяйством управлял владелец, что естественно, до города рукой подать (три версты). Позднее деревня именовалась Большая Новиковка (Валентиновка), от неё отпочковались две Малых Новиковки. Сейчас эти земли прорубила мощная автомагистраль, а речку Сутолоку вообще закопали.

Фамилия дворян Новиковых – неотъемлемая часть уфимской истории[2]. Это было семейство не просто общественных деятелей, они отличались интересом к прошлому местного края, а классический труд В.А. Новикова по истории уфимского дворянства[3] не утратил научного значения. Вероятно, истоки любви к изучению Отечества заложил Апполон Михайлович Новиков, старший учитель исторических наук Оренбургской (в Уфе) мужской гимназии ещё в 1836 г. (супруга – Ираида Николаевна Угличинина из известной дворянской семьи).

На январь 1849 г. уже овдовевшая надворная советница Ироида Николаевна Новикова (29 лет) владела небольшим име-

---

[1] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости // Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева, под ред. П.В. Егорова и А.Л. Чечухи. Уфа, 2014. С. 338–340 («Деревни Новиковки»).

[2] См., напр.: Жизнь дома Новиковых – на волоске // Уфа: страницы истории. Ч. 2 / сост. М.В. Агеева. Уфа, 2004. С. 33–35; *Гудкова З.* Дом Новиковых // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2006. С. 231–233; *Хусаинова Г.Т.* Новиков Валентин Аполлонович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. Л–О / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа, 2008. С. 439.

[3] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879; Продолжение: Сборник материалов для истории Уфимского Дворянства, составленный В.А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года включительно Депутатом Уфимского Дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа, 1902.

нием при дер. Новиковой, Гришино тож, (всего 8 рев. душ крепостных, 450 дес. земли) и занималась хозяйством. Сын Валентин (11 лет) находился при матери и обучался грамоте[1].

Успешную карьеру сделал сын А.М. Новикова – Валентин Аполлонович Новиков (около 1837–1882), женившийся на Александре Андреевне Топорниной[2]. В 1871–1880 гг. действительный статский советник, камер-юнкер[3] В.А. Новиков избирался Уфимским губернским предводителем дворянства, в административной структуре это была одна из важнейших руководящих должностей. Его сын – действительный статский советник Аполлон Валентинович Новиков станет последним Уфимским губернским предводителем дворянства с 1914 по 1917 гг.[4]

Земли Новиковых доходили до реки Уфы, захватывая археологический памятник Чёртово городище. Краевед Р.Г. Игнатьев отмечал, что за сельцом Валентиновка лежит «дача помещика В.А. Новикова, [...] которому по Высочайшему повелению 1857 г. отошли все земли и самое городище, взамен неправильно отошедшей в казну его земли в Бугурусланском уезде, Самарской губернии».

Более того, «нынешний владелец этого места В.А. Новиков, которому я много обязан добрым содействием при настоящем описании мною городища, передал мне, что когда ему отведена была земля и он переселил сюда крестьян, то хотел и для себя построить дом на городище и предлагал тоже сделать своим крестьянам, но крестьяне отказались – что это место нехорошее по прозвищу; кроме того около городища в оврагах много ужей и змей»[5]. Затем Игнатьев добавлял: «Г. Новиковым устроены близ городища мыза[6] и деревня Валентиновка»[7].

Хотя после отмены крепостного права земли Новиковых делились между членами семьи, они прекрасно понимали ценность своих угодий возле быстро растущего города. На 1874 г. основ-

---

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189 об.

[2] Александра Андреевна Новикова скончалась 14 февраля 1871 г. на 28-м году жизни (Уфимские губернские ведомости. 1871. 20 февраля).

[3] Имел многочисленные награды. Так, в 1870 г. камер-юнкер Новиков получил орден Св. Анны 2-й степени без короны (Там же. 1870. 15 августа).

[4] *Гвоздикова И.М.* Предводители дворянства Уфимского наместничества, Оренбургской и Уфимской губерний // Река времени. 2011 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 30.

[5] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа [здесь и далее: Электронный ресурс], 2011. С. 167, 170.

[6] Мыза – в Прибалтике, Петербургской губернии – отдельно стоящая усадьба с хозяйством, поместье.

[7] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. С. 220.

ной владелицей являлась «Раида Николаевна» Новикова (свыше 1,9 тыс. дес.). К 1881 г. бабушка Раида Николаевна здравствовала, как и остальные члены семейства, сохранившие или даже приумножившие свои земельные владения (в Кармаскалинской волости[1]). В отличие от стремительно разорявшихся дворян Зауфимья, Новиковы могли попридержать распродажу поместий за счёт доходов от эксплуатации пригородной земли (сдача в аренду под предприятия, огороды, дачи и пр.).

Список владельцев за 1881 г. был последним свидетельством процветания семьи. Валентин Аполлонович Новиков скончался в Петербурге 22 января 1882 г.[2] Похоронен в Уфе, на Старо-Ивановском кладбище, где ему был поставлен памятник, «на нём надпись о звании умершего»[3]. В последующие годы, скорее всего, уход из жизни других членов семьи сопровождался разделом и распродажей земли. Ещё 19 ноября 1873 г. по дарственной записи отец поделил землю между сыновьями Аполлоном и Александром. Границей стал Старый Сибирский тракт.

Изначально сыновья получили примерно одинаковые участки: около 858 дес. Александру и 905 дес. Аполлону (его супруга Елена Васильевна имела собственную землю). Большие владения оставались за отцом и матерью, а также дочерям Валентине и Ольге вдвоём выделили свыше 1,1 тыс. дес.

Примерно, с 1880-х гг. начинается стремительная распродажа обширных новиковских владений. Аполлону Валентиновичу досталась земля слева, если идти от совр. Аграрного университета (в 1895 г. у него оставалось 210,8 дес., в 1912 г. – 138,75 дес., в 1917 г. – 142,85 дес.). Обширные владения, в основном лес, раскинувшиеся от тракта / проспекта в сторону Сутолоки второй сын Александр Валентинович Новиков (в 1895 г. – 842,18 дес., в 1917 г. – 347,13 дес.) продавал осторожнее.

Составители переписи 1895 г., по всей видимости, ошиблись в инициалах Новиковых[4]. В Богородской волости у Новиковых указаны три участка – у действительного статского советника В.А. Новикова только усадьба в 0,5 дес. (можно предположить, что это неразделённое наследство отца, которого уже не было в живых), второй участок в 210,8 дес. был у Аполлона Ва-

---

[1] В 1873 г. Новиков во время распродажи башкирских земель дополнительно приобрёл 3–3,5 тыс. дес. (*Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 223).

[2] Уфимские губернские ведомости. 1882. 6 февраля.

[3] Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 27.

[4] См. также: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 112.

лентиновича, третий в 842,18 дес. – у Александра Валентиновича Новиковых. В руках последнего была усадьба в 3 дес.

По списку населённых пунктов за 1896 г. фиксируется два селения: при речке Сутолоке располагался посёлок Новикова (2 двора), а при колодце хутор Новикова (1 двор, 11 чел.), вдобавок, с часовней. К Сергиевской церкви относилась часовня в дер. Валентиновке, устроенная помещиком Новиковым[1].

Братья Новиковы имели жильё в Уфе. По справочникам в 1900-е гг. Аполлон Валентинович Новиков с супругой Еленой Васильевной проживал в семейном доме по адресу улица Александровская, 51, возле Александро-Невской церкви / угловое строение на Александровской площади (№ 1), окружавшей храм (большой деревянный одноэтажный дом сохранился). Рядом (на 1904 г.) находилось домовладение дворянки Новиковой Марины Поликарповны, которая буквально в двух шагах имела усадьбу по улице Бекетовской, 39. Здесь был «прописан» её супруг – Александр Валентинович Новиков[2].

К началу XX в. оба брата сделали успешную карьеру. Коллежский ассесор Александр Валентинович занимал должность непременного члена губернского правления, входил в ближний круг чиновников уфимских губернаторов, а в 1896–1898 гг. Александр Валентинович избирался Уфимским уездным предводителем дворянства. Он также являлся почётным мировым судьёй и в этом качестве состоял в членах Уездного съезда земских начальников, который контролировал деятельность последних.

Отслуживший в армии подполковник Аполлон Валентинович Новиков избирался кандидатом Уфимского уездного предводителя дворянства (1899 г.), а в январе 1902 г. был выбран Уфимским и одновременно Златоустовским уездным предводителем дворянства. Семья участвовала в благотворительности[3].

В начале XX в. Аполлону Валентиновичу пришла идея разбить поместье на мелкие участки под застройку (дом с огородом), сформировав уличную сеть. Он заложил два уфимских пригорода в начале совр. проспекта Октября (нечётная сторона).

Сначала возникает Еленинский посёлок – совр. территория завода «Гидравлика» и ул. Левченко. Затем он образует Восточ-

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV: 1873 год. Уфа, 2011. С. 123.

[2] Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сильвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 8, 10, 379; Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 5, 6, 12, 210.

[3] Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа, 1903. С. 38, 54, 55, 61, 69, 88; Сборник материалов для истории Уфимского Дворянства. С. 301, 303, 306.

ную слободу с улицами Мариинской, Васильевской, Георгиевской, Ольгинской, Валентиновской и др., которая раскинулась до пересечения с совр. ул. Ст. Халтурина. Владелец присваивал названия в честь членов семейства. В меньшей степени торговал землёй брат Александр возле Новиковки (Валентиновки)[1].

Таким образом, у Аполлона, вероятно, могло вообще не быть усадьбы. По крайней мере на фрагменте детальной карты северной окраины Уфы за 1872 г. слева от большого тракта (совр. проспекта Октября) никаких поселений нет. А сельцо Новиково показано только за речкой «Сутолкой», через которую имелся переезд, при этом план самого сельца не свидетельствует о существовании здесь какого-либо крупного жилого (усадебного) комплекса, лишь один дом изображён чуть больше остальных. Согласно изысканиям краеведов Гудковых, остатками Новиковки являются улицы Северная, Полярная и три Шелководные, с разных сторон спускающиеся к бывшему руслу Сутолоки, ныне проспекту Салавата Юлаева (к ним есть прямой выход с проспекта Октября по улицам Галле и Бессонова).

Владение в Новиковке (Валентиновке) возле Сутолоки унаследовал брат Александр вместе с отцовской усадьбой, которую тот возвёл в отдалении от деревни и сырой поймы Сутолоки на сухом возвышенном месте. Его усадьба – «двухэтажная загородная дача» стояла на месте совр. выставочного центра ВДНХ (БашЭКСПО) за совр. улицей Менделеева.

Барская усадьба Новиковых была выстроена в стороне от деревушки и Сутолоки, на продуваемом месте с видом на Зауфимье. Вспомним свидетельство Игнатьева. В.А. Новиков хотел возвести усадьбу на месте Чёртова городища, которое лежит сзади санатория «Зелёная Роща». Новиковская усадьба прожила долгий век, в советское время превратилась в жилой дом и была снесена при строительстве ВДНХ.

К началу XX в. в районе новиковской усадьбы возникает целый «куст» пригородных дач[2], но во второй половине XIX в. места здесь были тихие и безлюдные. Рядом мужской монастырь, необыкновенные виды на заречные просторы. Можно предположить, что Валентин Аполлонович Новиков именно сюда любил приезжать для литературных штудий. Наверняка, в верхнем этаже усадьбы имелся кабинет, где хозяин принимал гостей

---

[1] *Роднов М.И.* С. Уфимские пригороды (конец XIX – начало XX века) // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2000. 98–101.

[2] Так, в 1905 г. публиковалась реклама: «Отдаются дачи в трёх верстах от города, – близ деревни Новиковки; имеются дачные помещения с обстановкой и без оной; есть телефон. За справками обращаться в магазин Р.П. Платонова» (Уфимские губернские ведомости. 1905. 8 мая).

– любителей уфимской старины. Дорога через мост над Сутолокой и вверх по Усольской горе приводила к даче Новикова.

Гости пили чай с вареньем, закусывали, разглядывая зелёное море Зауфимья, вспоминали про набег сибирских царевичей Аблая и Тевкеля, слушали пароходные гудки проплывавших внизу по Уфимке колёсных буксиров. Возможно, Валентин Аполлонович специально присмотрел это место, как убежище «уединённого пошехонца»[1]. Не случайно, позднее именно здесь возведут санаторий «Зелёная Роща». У него были предшественники.

Летом 1878 г. имам З. Максютов, державший кумысолечебное заведение на Архиерейском хуторе, из-за открытия спичечной фабрики был вынужден искать новое, экологически благоприятное место. Он заарендовал «на несколько лет, подгородную дачу г. землевладельца статского советника В.А. Новикова.

Дача эта, находясь на возвышенном и сухом месте, окружённом небольшим лесом, в 2-х верстах от города и в 3-х от пароходной пристани, соединяет в себе все удобства кумысолечения, как для гг. приезжих иногородных, так и для местных городских потребителей, при этом имеются тут в достаточном количестве тёплые и летние помещения для семейных и одиноких, сдаваемые по весьма умеренным ценам»[2].

Новиковская усадьба использовалась как санаторий и, судя по газетной заметке, в ней имелось немало комнат, куда предприимчивый имам приглашал отдыхающих. Валентин Аполлонович Новиков сдавал свою усадьбу уже на старости лет.

Наследники продолжали использовать дачу под летний отдых. Например, с июня 1911 г. дачу Новикова снял для проживания своей семьи и пользования кумысом уфимский предприниматель, 34-летний казанский мещанин Сергей Борисович Слободской[3]. Вместе с ним на Новиковской даче обосновались его супруга Пелагея Павловна (32 года), дети Борис (6 лет), Анатолий (5), Нина (1 год), а также прислуга 18-летняя белебеевская мещанка Екатерина Александровна Краснова и 65-летняя няня, мензелинская мещанка Агафья Ефремовна Кириллова.

А с 19 июня 1911 г. на даче Новикова поселилась 51-летняя мещанка Екатерина Николаевна Бережнова, приехавшая на ле-

---

[1] «Уединённый пошехонец» – первый в России провинциальный журнал, выходивший в 1786 г. в Ярославле.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1878. 17 июня (и в следующих номерах). Такая же реклама выходила в 1881 г. («на даче г. Новикова, в местности под названием "Чортово городище"») (Там же. 1881. 9 мая).

[3] См.: *Роднов М.И.* Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016. С. 197.

чение кумысом из Якутска[1]. Значит, помещение было достаточно просторным, включало несколько комнат (строений).

А ранее, можно допустить, новиковская дача была одним из духовных центров уфимской культурной жизни. Уставшие от городской пыли, сюда приезжали любители старины. В гостях, вероятно, здесь бывали Р.Г. Игнатьев, редакторы местных «ведомостей» П.Н. Чоглоков и Н.А. Гурвич, авторы краеведческих работ А.А. Пекер и Л.В. Пиглевский, учредители губернского музеума и члены статистического комитета В.Л. Ольшевский, А.Б. Иваницкий, К.А. Бух, писатель и земский начальник П.И. Добротворский, многие другие. Возможно, вокруг новиковской усадьбы бурной творческой жизнью расцвёл «культурный оазис», сопровождаемый неизбежными светскими раутами, гуляньем вдоль крутых обрывов Уфимки, пикниками и пр.

Сын учителя истории, Валентин Аполлонович Новиков с юных лет проявил способности к литературному жанру. Впервые В.А. Новиков предстал перед читателями выходивших в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» летом 1858 г. (ему исполнился 21 год) и сразу с обширной статьёй «Материалы для земледельческой статистики Оренбургской Губернии»[2]. Незадолго до этого, в марте газету возглавил новый редактор, преподаватель гимназии П.Н. Чоглоков, при котором тоскливый провинциальный официоз превратился в современную газету, сделавшую акцент на многочисленных реформах[3]. Новый редактор стал собирать команду авторов (А.А. Пекер, Л.С. Суходольский, Р.Г. Игнатьев), где В.А. Новиков оказался одним из активных участников. Поддержка редактора, а первый «сериал» Новикова растянулся на полгода, способствовала усиленным занятиям молодого исследователя, который обратился к животрепещущим проблемам экономики накануне Великой реформы.

Валентин Аполлонович не гонялся за сиюминутными статейками, тщательно собирал материал, его публикации отличает обилие фактических данных, что сохраняет научную ценность трудов Новикова до сих пор. В январе 1861 г. в уфимской газете выходит насыщенный информацией объёмный труд В.А. Новикова «Сведения о состоянии промышленности Оренбургской Губернии и о естественных её произведениях, служащих и могу-

---

[1] НА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 434. Л. 801 об. – 802.

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1858. 14, 21 июня, 27 сентября, 13, 20 декабря. Затем издана отдельным оттиском (здесь и далее см.: Башкортостан в печати до 1917 года. Уфа, 2003).

[3] См.: *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

щих впоследствии сделаться предметом сплава по р. Белой»[1], началось пароходство в крае. В 1862 г. он знакомит читателя с реализацией Великой реформы в работе «О ходе крестьянского дела в Уфимском уезде. Статья 1»[2].

Затем Валентин Аполлонович обращается к проблемам благотворительности, разместив материал под заголовком «Предположение об устройстве в г. Уфе помещений для бедных и нищих»[3]. В числе важнейших событий Р.Г. Игнатьев отмечал: «1870. Открыта в Уфе Безплатная Лечебница для приходящих больных, в доме, безплатно уступленном на первые 2 года Г. Уфимским Уездным Предводителем Дворянства В.А. Новиковым. Лечебница торжественно открыта 5 Апреля»[4].

В 1865 г. в газете меняется редактор, при Н.А. Гурвиче число публикаций В.А. Новикова сначала сократилось, наверняка, повлияли перемены в карьере. В эпоху Великих реформ Валентин Аполлонович в эпицентре общественной деятельности. Уже в 1858 г. титулярный советник В.А. Новиков входит кандидатом в члены губернского комитета по подготовке отмены крепостного права. С 1861 г. он в числе первых мировых посредников, чиновников – непосредственно занимавшихся ликвидацией крепостничества на местах, заключением договоров между помещиками и крестьянами. В 1861 г. Валентина Аполлоновича избирают уездным предводителем дворянства, причём сразу трёх уездов: Уфимского, Троицкого и Челябинского. Когда в 1865 г. образуется отдельная Уфимская губерния коллежский ассесор, затем камергер Высочайшего двора и действительный статский советник В.А. Новиков остаётся на должности Уфимского уездного предводителя дворянства. Сложнейший процесс разрыва обязательных отношений происходил не просто у него перед глазами, В.А. Новиков активнейший участник событий, заслуживший авторитет в глазах дворянства.

На выборах в мае 1871 г. Валентин Аполлонович избирается Уфимским губернским предводителем дворянства. Трижды делегаты от всех уездов Уфимской губернии выбирали В.А. Новикова на эту должность (по 1880 г.)[5]. Занимая один из высших постов во властных структурах, В.А. Новиков продолжает свои изыскания, обладая возможностью знакомиться как с историче-

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1861. 7, 14, 21, 28 января. Затем издана отдельным оттиском.

[2] Там же. 21 ноября. Статья вторая: Там же. 1863. 16 февраля.

[3] Там же. 1861. 4, 11 февраля. Затем издана отдельным оттиском.

[4] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 59.

[5] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. С. 127, 132–136.

ской, так и с текущей документацией.

В 1871 г. в уфимской газете выходит большая и очень интересная статья В.А. Новикова «Деятельность общества взаимного поземельного кредита в Уфимской губернии»[1]. Фактически это первое исследование ипотечного кредита в крае, начиная с дореформенной эпохи. Валентин Аполлонович не ограничивается теорией, он активный участник ссудо-сберегательного товарищества, одного из первых кооперативов в крае[2].

В.А. Новиков выступает с инициативой учреждения в Уфе специального пансиона для девочек из бедных дворянских семейств. Уфимские дворяне собрали 2,6 тыс. руб. и 22 июля 1872 г. открылся Приют воспитанниц Мариинской женской гимназии благородного происхождения[3]. Впоследствии приют получит имя Новиковского пансиона[4]. Наконец, именно В.А. Новиков в 1875 г., как губернский предводитель дворянства, открывает в Уфе первое губернское земское собрание[5].

Оказавшийся свидетелем грандиозных перемен, будучи непосредственным участником реализации реформы 19 февраля 1861 г., как помещик и предводитель дворянства в деталях наблюдавший начавшийся процесс массового разорения местных землевладельцев, исчезновения мира дворянской усадебной культуры, Валентин Аполлонович не мог не задуматься о будущем благородного сословия, понять, что необходимо успеть зафиксировать славную историю уфимского дворянства.

Валентин Аполлонович садится за тяжкий труд по розыску в архивах старинных документов, изучает родословные книги и осенью 1878 г. в «Уфимских губернских ведомостях» начинает публиковаться его обобщающее исследование «Материалы для истории уфимского дворянства»[6], которое затем вышло отдель-

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1871. 18, 25 сентября.

[2] См.: Там же. 1872. 12 августа.

[3] Там же. 22, 29 июля. См. также статью П.И. Маслова, опубликована: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Указ. соч. С. 183 (дата, надо – 1872 г.); *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. С. 180–182.

[4] «1880 г. Последовало Высочайшее соизволение, 13 октября, Уфимскому пансиону благородных девиц воспитанниц Мариинской женской гимназии именоваться *Новиковским*, в память учредителя пансиона, губернского предводителя дворянства Валентина Аполлоновича Новикова» (*Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа, 2013. С. 192). См. также: *Буравцов В.* Новиковский пансион // Уфа: страницы истории. С. 107–108.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1875. 8 марта.

[6] Там же. 1878. 7, 14, 21, 28 октября, 4, 11, 18, 25 ноября, 9, 16, 23, 30 декабря; 1879. 6, 13, 20, 27 января, 3, 10, 24 февраля, 3, 24, 31 марта, 14, 21, 28 апреля, 12 мая, 2, 23, 30 июня.

ной книгой в 1878 г. в Санкт-Петербурге в типографии Ф. Сущинского[1]. Дополнив работу пятой и шестой главами В.А. Новиков в 1879 г. переиздаёт её в Уфе в печатне Н. Блохина[2]. Это была «лебединая песнь» Валентина Аполлоновича, в январе 1882 г. он скончался в Петербурге.

Перу В.А. Новикова принадлежит также ряд других работ, как отдельных оттисков его статей в периодической печати[3], так и самостоятельных. Он участвовал в составлении нескольких сборников[4], где иногда размещал свои заметки.

А выстроенная В.А. Новиковым усадьба над крутым обрывом Уфимки досталась сыну Александру. На плане города Уфы за 1939 г. в его бывших лесах за Сутолокой разместились Ботанический сад и Шелководная станция. Южнее улицы Полярной расположились Дома отдыха. В центре комплекса построек хорошо виден прямоугольник огороженной усадьбы с тремя постройками и садово-парковым ансамблем.

Помимо Новиковки, в историческую топонимику Уфы вошло название Глумилино. Деревня вытянулась вдоль одного из ручьёв – притока Сутолоки, судя по карте 1872 г., вблизи тракта в Челябу (Сибирь). По современной географии Уфы Глумилино лежало на правой, чётной стороне проспекта Октября в квартале между улицами Бессонова / Галле и пр. Октября / Комсомольской. Между проспектом и параллельной улицей Комсомольской во дворах сохранились остатки двух уже застроенных пятиэтажками улочек Электрификации и Железняцкой, оставшихся от планировки глумилинских усадеб. Во второй половине XIX в. Глумилино разрослось к северу и современный микрорайон Глумилино находится севернее исторического ядра деревни.

Центр Глумилино располагался совсем рядом с окраинами Уфы. В 1851 г. уфимцы 8 июля встречали икону Казанской Божией Матери из Богородского возле часовни, стоявшей ниже совр. Аграрного университета, и «всё поле, до самой деревни Глумилиной, усеено было жителями Уфы в самых красивых и разнообразных костюмах»[5].

---

[1] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. СПб., 1878. 131 с.

[2] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. 270 с. Оценка: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Указ. соч. С. 8.

[3] *Новиков В.А.* Лесная промышленность в Уфимском уезде. Уфа, [1875].

[4] Уфимский календарь на 1876 год (високосный). Вып. 1–3 / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, 1876; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г.

[5] Оренбургские губернские ведомости. 1851. 14 июля.

История села и рода Глумилиных связана с семьёй Аксаковых, почему краеведы Гудковы исследовали основные вехи их истории[1]. Сохранилось описание дер. Глумилино за 14 сентября 1848 г., оставленное уфимцем, ехавшим в Богородское. Миновав Архиерейский хутор (совр. Аграрный университет), «далее по пути нашему началась покатость к деревне Глумилиной. Чрез час мы были уже в ней. Эта деревня мне очень понравилась: дома у крестьян довольно хорошие, некоторые из них покрыты даже тёсом; на гумнах их скирды хлеба нередки; барский дом тоже очень хорошенькой; перед ним маленькое озеро, или лучше сказать прудик, на котором беспечно плавают дворовые утки. По берегу этого пруда наставлены в значительном числе поленницы дубовых дров. Это, конечно, не последняя отрасль доходов помещицы. Здесь мы остановились, чтоб немного отдохнуть. Старушка, вероятно ключница дома, явилась к нам немедленно с радушием и словоохотливостью, в которой и нельзя было не заметить чрезвычайного любопытства. [...] Расставшись с балясницею и удовлетворив её любопытство, мы пошли вперёд между лесом до самых деревень Шильникова и Сипайлова»[2].

Современник отметил хорошенький барский дом, перед которым имелся маленький прудик или озеро. На карте 1872 г. севернее деревни видна отдельная усадьба, очень большая в сравнении с крестьянскими, на которой имелось несколько (два или три) строений, с примыкавшими огородом и зелёными насаждениями, цветом выделенными от соседнего леса. А за усадьбой, в сторону тракта, вершина ручейка перекрывалась плотиной. Не здесь ли путешественники увидели прудик с утками?

Представители рода Глумилиных занимали важные должности в административном аппарате края. На 1836 г. надворный советник Михаил Васильевич Глумилин являлся председателем Оренбургской (в Уфе) палаты гражданского суда, одной из двух высших судебных инстанций в регионе.

В это время сельцо принадлежало Елизавете Васильевне Горбовской (урождённой Глумилиной)[3], унаследовавшей имение

---

[1] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. Глава XVI. Глумилины. С. 163–167; *Гудков Г., Гудкова З.* Глумилино и Дубовка // Уфа: страницы истории. С. 255–257; др.

[2] *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы. С. 48–49.

[3] Во время Генерального межевания земли назывались «дачи сельца Аннинского, что прежде был хутор Федоровский, во владение Коллежской Советницы Елизаветы Васильевой Гробовской» и титулярного советника Василия Филипповича Глумилина (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 591. Л. 16а). См.: *Гудковы Георгий и Зинаида.* Глумилино и Дубовка // Уфа: страницы истории. Кн. первая. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 210.

отца, здесь «прежде был хутор Федоровский с пустошами, владения Титулярного Советника Василия Филипова Глумилина». В 1855 г. поместье перешло к племянникам Е.В. Горбовской титулярному советнику Михаилу и поручику Василию Михайловичам Глумилиным («дошло мне с братом моим по наследству»), а в 1859 г. «часть брата приобретена мною по купчей» крепости, добавлял М.М. Глумилин (сделку совершили в Казани)[1].

В 1861 г. сельцом Анненское (Глумилино) управлял староста, небольшая усадьба сохранялась, при ней числилось 6 чел. дворовых. Хозяин поместья М.М. Глумилин проживал в Бугульминском уезде Самарской губернии[2] в селе Яковлево, Богородское тож, и, отпустив крепостных на волю[3], уже весной 1868 г. начал публиковать объявления о продажи имения при сельце Анненское, включавшее пойменные луга на Уфе и Белой[4].

Есть упоминание об усадьбе, граница крестьянских земель «идёт прямо на левую сторону Господского дома до лесу». На плане сельцо Анненское (Глумилино) в начале 1860-х гг. располагалось к востоку от Сутолоки, по левому берегу, у истоков. Дорога туда шла из Старой Уфы, а не через совр. проспект Октября.

Хотя М.М. Глумилин скупил всё поместье, жить здесь не собирался. В январе 1863 г. он доверяет Я.Г. Карташевскому выкупные деньги за имение, так как «не в состоянии будучи по делам службы явиться за получением их в Г. Уфу», пишет из Белебея М.М. Глумилин. А в сентябре 1861 г. под свободную от крестьянского надела землю он берёт в долг 3390 руб. «у опекунши над имением малолетнего сына Коллежского Секретаря Евреинова, Алексея, у вдовы Евреиновой Матильды Петровой»[5]. В 1872 г. М.М. Глумилин начинает распродавать «всю оставшуюся за наделом землю» (Барсову и др.)[6].

В 1874 г. Глумилину при сельце Анненском ещё принадлежали 1239 дес. Именно на бывших глумилинских землях в Богородской волости возникают многочисленные владения новых

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 752. Л. 6, 14, 25 об., 91 об.

[2] Имение он получил по наследству от матери Софьи Тимофеевны Глумилиной в июне 1866 г. (ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 144. Л. 4). С.Т. Глумилина, урождённая Аксакова, сестра писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

[3] Уставная грамота (2 рев. души дворовых) была подписана М.М. Глумилиным 23 декабря 1861 г. (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 591. Л. 1, 4 об.). Выкупную сделку заключили в 1863 г. на 6960 руб. (Оренбургские губернские ведомости. 1863. 9 марта).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 апреля.

[5] Видимо, это мать будущего статистика и поэта Алексея Алексеевича Евреинова (1858–1901) (См.: *Роднов Михаил.* Уфимская литературная жизнь на рубеже XIX–XX столетий // Бельские просторы. 2015. № 8).

[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 752. Л. 26 об., 39, 61а, 138, 140.

собственников. Сам же М.М. Глумилин с Уфой свою судьбу не связывал и к началу 1870-х гг. усадьба была ликвидирована (или досталась новым хозяевам). По плану 1873 г. все бывшие глумилинские владения к северу от земель крестьян деревни Глумилиной находились уже у священника Якова Павловича Барсова[1].

К моменту отмены крепостного права Глумилиным принадлежал ещё Софьинский хутор, но без барской усадьбы, крестьян переселили сюда недавно из Самарской губернии. Это было обширное лесное владение (11 тыс. дес.) в Надеждинской волости, далеко севернее Уфы, возле речки Усы. Владелицей являлась статская советница Софья Тимофеевна Глумилина. Всеми делами по расторжению крепостных отношений занимался её сын М.М. Глумилин, которому мама выдала доверенность в Париже 31 августа / 12 сентября 1861 г.[2]

В 1874 г. поместье ещё принадлежало г-же Глумилиной, на 1881 г. Василий Михайлович Глумилин при Софьином хуторе имел 2607 дес., а Любовь Борисовна Глумилина – 2000 дес. Затем они распродают землю.

Расположенная на спуске с холмов, в излучине Уфимки, возле обширных заливных лугов старинная деревня Загорное (Сипайлово) дало название крупному району современной Уфы. А в 1861 г. крепостное население дер. Сипайлово[3] или Загорный Приют принадлежало трём помещикам. У дворянки Воткеевой / Ваткеевой были только крестьяне без дворовых, значит усадьбы не имелось[4]. Весьма обширный жилой комплекс существовал у

---

[1] Там же. Д. 591. Л. 16а. Яков Павлович Барсов перешёл в священники из военных (см.: *Нефёдова Тамара.* Уфимские фамилии // Уфа: страницы истории. Кн. первая. Изд. испр. и доп. С. 372–375), видимо, поэтому обладал средствами на покупку большого поместья. Дочерью Я.П. Барсова была известная певица Елена Яковлевна Цветкова (1872–1929). В фонде краеведа Н.Н. Барсова, внука Я.П. Барсова, есть «История дачи Барсовых» (НА РБ. Ф. Р-1943. Оп. 1. Д. 40).

[2] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 717. Л. 2, 4, 9.

[3] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 348–357 (раздел «Деревня Сипайлово, село Загорное (Приют)»).

[4] После отвода земли крестьянам у коллежской секретарши Анастасии (Настасьи) Михайловны Ваткеевой оставались только сенокос, лес и неудобья близ р. Уфы (136 дес.). Имение хотели взять в казну в 1864 г. за 1500 руб., но в 1883 г. муж и сын умершей помещицы, коллежский секретарь Николай Фёдорович Ваткеев и Александр, добивались прав на землю (150 дес.) при сельце Загорном, Приют тож, а в 1891 г. уфимский купец 2-й гильдии Мартемьян Степанович Васильев спорил из-за земли с дворянином Александром Николаевичем Ваткеевым (дело дошло до Сената в 1903 г.). По карте соседними с Ваткеевой владениями были земли губернской секретарши Варвары Ивановны Брудинской (проданы крестьянам с. Богородского), коллежской секретарши Александры Михайловны Калугиной и на-

Сипайлова (35 чел. дворовых), ещё 6 чел. дворовых принадлежали Калугиной (урождённой Сипайловой). Правда, имение Сипайлова состояло в опеке, остальными управляли старосты.

Из служивших при поместье 18 рев. душ дворовых одного отпустили на волю, трое пожелали получить надел, остальные 14 рев. душ служили до 1863 г. В уставной грамоте говорилось о «колодезе, устроенном на господской усадьбе»[1].

Вероятно, в начале 1860-х гг. земли Сипайловых были разделены между коллежской ассесоршей Татьяной Павловной Сипайловой, вдовой помещика Михаила Дмитриевича Сипайлова, после её смерти опекуншей малолетних детей стала сестра Мария Павловна Катанская, и взрослыми детьми.

К апрелю 1868 г. была достигнута договорённость между крестьянами сельца Зимогорья, Приют тож, (16 рев. душ) и владельцами – подпоручиком Павлом Михайловичем Сипайловым[2] и родной сестрой его титулярной советницей Анной Михайловной, по мужу Комаровой, о расторжении крепостных отношений, за что дворяне получали ссуду в 1920 руб. по решению Главного выкупного учреждения от 25 сентября 1868 г.[3]

По всей видимости, П.М. Сипайлов летом проживал в родовом поместье. Об этом говорит его статья в местной газете

следников умершего коллежского ассесора Сипайлова (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 698. Л. 2 и об., 5, 16, 21 и об., 25–26, 33а, 89). Возможно, до отмены крепостного права здесь существовало небольшое имение В.И. Брудинской. По крайней мере, в 1857 г. Уфимский уездный суд рассматривал дело по обвинению губернского секретаря Петра Спиридоновича Брудинского о побоях крестьян своей жены Варвары Ивановны (Оренбургские губернские ведомости. 1857. 27 июля). А в 1861 г. удельное ведомство купило у губернской секретарши Варвары Ивановны Брудинской 650 дес. при сельце Михееве и др. (Там же. 1861. 17 июня).

Видимо, упоминавшаяся выше дер. Шильникова и сельцо Михеево один населённый пункт. В ноябре 1856 г. из дворян губернская секретарша Варвара Ивановна Брудинская продала крестьян и «дворовых людей» из деревни Михеевой «на вывод» в сельцо Степановку (Мокроусово) помещице С.И. Тетеревниковой. Крестьяне числились в общем владении В.И. Брудинской с братом подпоручиком Дмитрием Шильниковым, а достались они от покойного отца титулярного советника Ивана Шильникова в 1856 г.

Дворовая прислуга была куплена Брудинской в 1824 г. у надворного советника Петра Александровича Пеутлинга и в 1828 г. у майора Фёдора Семёновича Дмитриева (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 613. Л. 17 и об.).

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 684. Л. 2 и об., 5 об., 7 (уставную грамоту в сентябре 1862 г. подписал доверенный попечительницы М.П. Катанской, она жила в Мензелинском уезде, Алексей Иванович Тетеревников).

[2] Землемером в Уфимском уезде служил титулярный советник Степан Михайлович Сипайлов, умер в конце 1864 г. (Оренбургские губернские ведомости. 1864. 28 ноября).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 июля; 7 декабря.

«Опыт разведения кукурузы в Уфимском уезде (П.М. Сипайлова)». Он в 1868 г. предпринял одну из первых попыток в нашем крае по внедрению новой зерновой культуры.

«Прошлое лето, проведённое в деревне, дало мне возможность попытать насколько возможно разведение кукурузы в здешней местности» – замечал новатор. Он купил семена у уфимских торговцев и высадил на огороде. Когда 23 сентября собрали початки, урожайность была «сам – сто»! Кукуруза оказалась хорошим кормом скота и весной 1869 г. Сипайлов засеял большую площадь, «тем более, что как я узнал, у Н.К. Тимашева были уже полевые посевы кукурузы и с значительным успехом»[1].

Третья сипайловская помещица коллежская секретарша Александра Михайловна Калугина имела при сельце Загорное, Приют тож, какую-то усадьбу, числилось 3 рев. души дворовых. Но до 1863 г. остался служить только один, двое (Леонтьевы) пожелали получить надел, так как они и раньше пользовались землёй, «дома дворового» Леонида Леонтьева стояли впритык к господскому амбару. Помещица, видимо, здесь не жила, хотя находилась в Уфе. При определении границ, была «отдана в надел крестьян вся господская усадьба» с выгоном (были гумно и овин). Все помещичьи строения договорились сломать «и перенести на новое место, где будет им указано владелицей»[2].

При подготовке первых земских выборов, в 1874 г. при сельце Загорном оставались земли г-жи Сипайловой (293 дес.), маленькое поместье было у Николая Фёдоровича Ваткеева (71 дес.), да Александре Михайловне Калугиной принадлежало 136 дес. при Загорном и ещё 604 дес. по ту сторону Уфимки, возле Елкибаево. На 1881 г. наследники Ваткеевой владели 150,5 дес. при с. Загорном[3]. Затем дворяне-помещики в Сипайлово исчезают, закончили свой век и старинные дворянские усадьбы.

В трёх верстах от Сипайлово, вверх на гору к совр. проспекту Октября (район остановки «Бульвар славы») располагалась в 1861 г. деревня Кособрюхово (Непейцево)[4], при которой лежали владения дворян Сокуровых (только дворовых 3 чел.), наследников Березовского[5] (дворовых не имелось, одни крестья-

---

[1] Там же. 1869. 15 марта.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 759. Л. 2 и об., 3, 5 и об., 7, 10.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

[4] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 357–362 (раздел «Деревня Непейцева»).

[5] В 1853 г. Оренбургское губернское правление выставило на торги имение титулярного советника Василия Березовского в сельце Борисовка, Кособрюхово тож (9 чел. крепостных, 19 дес.) за долг Уфимскому попечительному о бедных комитету в 285 руб. 82 коп. сер. (Оренбургские губернские ведомости. 1853. 14

не) и Базилевой (22 чел. дворовых). Кроме маленькой усадьбы Сокуровых, возле деревни лежал большой комплекс жилых и хозяйственных строений Базилевых.

Вокруг Непейцево располагались земельные участки многих дворян[1]: в 1881 г., например, Капитона Осиповича, Никифора и Демьяна, а также наследников штабс-капитана Непейцева, рядом «гнездились» Аничковы: Фёдор и Илья, Егор совместно с Авдотьей Андреевной Сорокиной. Возможно, у них были жилые строения, но без крепостных (на 1861 г.).

Единственная усадьба возле (к северу) дер. Непейцево, которая даже была показана на межевой карте начала XX в., принадлежала Базилевым. Основана она была выдающимся деятелем на ниве народного просвещения Уфимского края Иваном Васильевичем Базилевым (1800–1873), с 1831 по 1858 гг. директор Оренбургской (в Уфе) мужской гимназии[2]. Женат на Дарье Константиновне[3], урождённой Куроедовой, за которой в приданое получил поместье в Белебеевском уезде с усадьбой (являлось собственностью супруги). Ездить туда было далековато для постоянно занятого делами гимназии И.В. Базилева, скорее всего, поэтому приобретается недалеко от города небольшое поместье с

марта). Титулярный советник Василий Алексеевич Березовский в августе 1841 г. за 250 руб. сер. купил свыше 20 дес. земли без крепостных у подпоручицы Акулины Никифоровны Ряписовой, которая унаследовала эти владения от отца, штабс-капитана Никифора Андреевича Аничкова, а также уступленные ей родственником, титулярным советником Николаем Ипполитовым. На 1861 г. имение (трое крестьян) при сельце Борисовке, Кособрюхово тож, принадлежало вдове Ольге Петровне, губернскому секретарю Владимиру и прапорщику Сергею Васильевичам Березовским. Имение в 1863 г. было сдано в казну за 450 руб. Усадьбы не было. После наделения крестьян, за помещиками остался только дровяной лес (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 786. Л. 4–6, 11 и об., 19).

[1] На лето 1861 г. назначили межевание 245,5 дес. «полсельца Борисова, Кособрюхово тож, владение Гг. Аничковых, Непейцова, Падейского и проч.» (Оренбургские губернские ведомости. 1861. 20 мая). А на апрель 1862 г. Уфимский уездный суд назначил торги на имение в сельце Непейцево, Кособрюхово тож, (7 душ и 56,5 дес.) коллежской секретарши Елизаветы Христофоров[ны] и сотника Владимира Сокуровых за долг в 280 руб. сер. Уфимскому попечительному о бедных комитету (Там же. 1862. 3 февраля).

[2] О И.В. Базилеве также см.: *Гудков Г., Гудкова З.* Базилевы // Уфа: страницы истории. С. 251–254; *Садовников С.Д.* Дворянство Оренбургского края в родословной Садовниковых. Краеведческие очерки. Уфа, 2015. Ч. IV; *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Указ. соч. С. 175–176; Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 120–126 (некролог); др.

[3] На январь 1849 г. семейство Ивана Васильевича Базилева включало жену Дарью Константиновну (30 лет), детей Дмитрия (5), Прасковью (10) и Надежду (4 года). В имении было 9 рев. душ крепостных и 100 дес. земли (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 191).

усадьбой, которая и служила летней дачей семейству. На 1861 г. крепостные числились за Базилевой.

После кончины бывшего директора гимназии поместьем владели наследники Ивана Васильевича[1], в начале XX в. собственником земли и усадьбы являлся один Алексей Иванович Базилев. В 1896 г. отмечен хутор Базилева при пруде, в 1916 г. – «рядом» с дер. Непейцево[2]. Землю он сохранил вплоть до 1917 г. По переписи 1912 г. имение А.И. Базилева при дер. Непейцево включало 150 дес. земли, из которой 80 дес. находилось под лесом, пашня и сенокос занимали 60 дес.[3]

Проехав горловину между реками Белой и Уфой и спустившись с Непейцевской горы попадаем в большую деревню Дежнёво, вытянувшуюся от холма к Белой. В 1861 г. это поместье Колокольцовых, и здесь стояла весьма крупная усадьба, которую обслуживали 31 чел. дворовых, наверняка, исполнявшие только хозяйственные функции. Владельцы в поместье не жили, всеми делами заправлял староста.

Это старинная русская деревня[4] возле переправы через Белую, на горе, под которой раньше стояло Дежнёво, выстроен Северный автовокзал, частная застройка на окрестных улочках (Кемеровская и пр.) напоминает о былой деревенской жизни.

На 1861 г. имение принадлежало наследникам коллежского советника Ивана Гавриловича Колокольцова, опекуншей сначала была вдова Олимпиада Николаевна Колокольцова (в 1862 г. уставную грамоту из хозяев никто не подписал), в 1872 г. опекуном назначили титулярного советника Ахмаметева.

Колокольцовы / Колокольцевы – известный дворянский род, внесённый в родословные книги Московской, Рязанской, Тверской, Харьковской, Владимирской, Саратовской и Оренбургской губерний.

Подпоручик Иван Гаврилович Колокольцов унаследовал имения статского советника Гавриила Ивановича Колокольцова[5]

---

[1] На 1881 г. 30 дес. земли при Непейцево принадлежали Прасковье Ивановне Чёглоковой, дочери И.В. Базилева.

[2] По переписи 1895 г. в Богородской волости находилось владение дворян Н. и Д.Е. Непейцевых – 28,97 дес., в том числе усадьба в 0,5 дес.

[3] Реконструкция облика усадьбы при Непейцево в последний период её существования и судьба А.И. Базилева показана его потомком С.Д. Садовниковым (см.: *Садовников С.Д.* Загородное имение уфимских дворян Базилевых // Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора. Уфа, 2016; *Садовников Сергей.* Городская усадьба А.И. Базилева и её судьба // Бельские просторы. 2016. № 8).

[4] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 343–346 (раздел «Деревня Дежнёва (Дежнова), Дежнёвка»).

[5] Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии: с указа-

(часть купил сам в 1840 и 1853 гг.). Именно коллежский советник Иван Гавриилович Колокольцов приобрёл землю в Оренбургской губернии у коллежской регистраторши Марьи Гавриловны Лобановой[1]. Сам же И.Г. Колокольцов (1790–1858) служил в армии (уволен майором в 1826 г.), судья Александровского уездного суда Владимирской губернии, надворный советник и вдобавок член масонской ложи Св. Георгия Победоносца (1817)[2]. Почему он купил поместье в дер. Дежнёво в далёкой Оренбургской губернии, не известно, вряд ли вообще здесь бывал. А залог имения в Московской сохранной казне[3] показывает, что земля и крепостные использовались как дополнительная собственность.

И.Г. Колокольцов имел большую семью, женат вторым браком на Олимпиаде Николаевне (1821–1862). После её кончины дети лишь в 1870 г. были введены во владение и в 1872 г. договорились поделить наследство, сделку оформили в городе Александров Владимирской губернии, где многие проживали.

Наследство включало четыре имения: 1) в Александровском уезде Владимирской губернии сельцо Банево[4] и части деревень Ротьково и Филейки с 20 пустошами. Там стоял господский дом; 2) дер. Кузьмино и земля при сельце Волковойне там же; 3) во Владимирском уезде той же губернии дер. Бородино и 4) дер. Дежнёво в Оренбургской губернии (84 рев. душ, крестьяне перешли на выкуп), имение дважды закладывалось в Московской сохранной казне в 1853 и 1854 гг. за 6230 и 890 руб.

Самое дальнее поместье в Дежнёво решили отдать самым младшим детям, наверняка, из расчёта, что они его продадут, Вере (1855 г. р.) и Валентину (1854 г. р.), чьим опекуном являлся поручик Александр Павлович Коробов (родственник), а также Диодору (1853 г. р.), чьим поверенным выступал коллежский регистратор Михаил Семёнович Стромилов.

Младшие Колокольцовы, кроме уфимского поместья с при-

нием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимирского дворянского депутатского собрания / сост. М.И. Трегубов; под ред. и с предисл. А.В. Селиванова. Владимир, 1905. С. 87. Гаврила Иванович Колокольцов (1753–1824), статский советник, Владимирский вице-губернатор (1802), Казанский вице-губернатор (1806–1812). Супруга – Мария Абрамовна, сын – Иван.

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1862. 3 февраля.

[2] Здесь и далее см. сайт: Всероссийское Генеалогическое Древо (http: // www.vgd.ru).

[3] В 1864 г. Московская сохранная казна выставляла на аукцион имение коллежского советника Ивана Гавриловича Колокольцова при сельце Дежнёво (Оренбургские губернские ведомости. 1864. 10 октября).

[4] Об усадьбе в Банево см.: *Чижков А.Б., Графова Е.А.* Владимирские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2015. С. 11.

читавшейся выкупной ссудой, получили долю деньгами в размере 7636 руб. 38 коп. Судьба далёкого имения их не слишком интересовала, поместье находилось в опеке до 1873 г., когда хозяева стали совершеннолетними. Тогда же дежнёвские помещики юнкера Диодор и Валентин с девицей Верой Ивановной Колокольцевы доверили коллежскому регистратору Павлу Николаевичу Колосову (подпоручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона) решить судьбу поместья. Тот обратился к уфимскому губернатору, прося ускорить оформление выкупа, который был разрешён с 1 ноября 1874 г. (74 рев. души выкупали 333 дес. земли за 8880 руб.), удержав долги на сумму 4564 руб. 63 коп.

Хозяева поместья в Дежнёво, скорее всего, жили в Петербурге (адрес доверенного – Санкт-Петербургская Николаевская инженерная академия), а Вера в замужестве Колосова.

Можно предположить, что большая усадьба Колокольцовых стояла где-то на склоне «автовокзальной» горы с видом на Белую (водопой «близ самой усадьбы»). Многочисленные дворовые люди (16 рев. душ) находились в городе Александрове Владимирской губернии «на оброчном окладе». Помещики отпустили их на заработки, с которых они вносили оброк (если не были присланы из Александровского уезда). Дворовые служили до 1863 г. Часть земли за Колокольцовыми сохранялась до 1890-х гг.[1], но, наверняка, усадебный комплекс давно пошёл под снос.

Путешественник в 1848 г. отмечал: «дорога идёт к деревушке Волковой, которая отстоит в трёх верстах от села Богородского. Эта деревенька очень бедная и маленькая; замечательно при ней круглое озеро, хотя незначительной величины, но весьма глубокое»[2]. В 1861 г. при деревне Волково[3] располагались два поместья: Мальковской (без дворовых)[4] и Трубникова (4 чел. дворовых). Хозяйством заправлял староста. Место бывшей де-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 701. Л. 2, 3 об., 8, 14, 17; Д. 839. Л. 5, 6, 9, 13, 23 и об., 25, 33 и об., 43–47, 48 об., 49 об.

[2] *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы. С. 49.

[3] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 340–342 (раздел «Деревни Волковых»).

[4] Имение майорши Анны Ивановны Мальковской (1 душа крестьян и 4,5 дес.) в 1863 г. было принято в казну за 150 руб. Дворовых у неё не было, но из 4 рев. душ крестьян трое были уволены согласно «положения об устройстве дворовых людей» и землёй не наделялись. Это предполагает, что какие-то усадебные строения, возможно, существовали, а большинство крестьян выполняли функции дворовых. Поместье было куплено Мальковской в 1856 г. у коллежской секретарши Алимпиады Афонасьевны Заваруевой. Остальные 35 дес. земли оставались у Мальковской, а в сельце Волково была «общая усадьба Мальковской с прочими» (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 780. Л. 3, 5, 8 и об., 11а (план деревни, барской усадьбы не видно), 13, 14).

ревни точно указывает озеро Волчок между совр. Индустриальным шоссе и ул. Трамвайной (остановка «Уфимский хлеб»).

После отмены крепостного права, в 1862 г. состоялся раздел земель при дер. Волково, при этом отмечен господский двор коллежской ассесорши Александра Ивановны Пекер[1]. В 1874 г. упоминался штабс-капитан Григорий Трубников. Наверняка, маленькая усадьба тогда же исчезла или была продана в другие руки уже в качестве исключительно летней дачи.

Поблизости от Волковой возникла железнодорожная станция Черниковка по имени стоявшей рядом деревни Черниково (Анучино)[2], совр. район по улице Интернациональной, дома № 91, 93 и окрестности. Имя этой небольшой деревни дало название всей северной части Уфы, одно время даже существовал город Черниковск. На 1861 г. в деревне стояла небольшая усадьба дворян Черниковых-Анучиных (8 чел. дворовых), само же имение находилось в опеке.

А в Черниково жили наследники подполковника Ильи Васильевича Черникова-Анучина – жена Анна Ефимовна с сыном прапорщиком Николаем. Дворовых в имении уже не было[3]. Матушка 7 августа 1867 г. скончалась и весной 1868 г. Уфимский уездный суд вызывал наследников и кредиторов умершей подполковницы А.Е. Черниковой-Анучиной, после которой остались земли при дер. Черниково-Анучино и Ураково, а также три дома: один в Уфе, а два, между прочим, в Санкт-Петербурге. В июне 1871 г. суд признал сына наследником[4].

Летом 1871 г. крестьяне сельца (22 рев. души) и прапорщик Николай Ильич Черников-Анучин наконец-то договорились об условиях выкупа (дворянин просил ссуду в размере 2640 руб.)[5]. Но пока оформляли документы, в июне 1872 г. подпоручик

---

[1] *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 342.

[2] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* От сельца Черникова-Анучина до города Черниковска // Уфа: страницы истории. Кн. 2. С. 268–272.

[3] Там же. С. 271; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 687. Л. 2, 15. Вокруг лежали владения других представителей фамилии. Так, в 1853 г. Сергей Егорович Черников-Анучин оспаривал у помещиков Тимашева и Дмитриева землю «под названием Черникова пустошь, Чертова тож» (Оренбургские губернские ведомости. 1853. 20 июня). А в сентябре 1862 г. Уфимский уездный суд разыскивал наследников умерших отставного полковника Степана Васильевича и сына его, неслужащего дворянина Петра Степановича Черниковых-Анучиных (Там же. 1862. 22 сентября).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1868. 9 марта; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 832. Л. 4, 35, 39. Свидетельство о смерти А.Е. Черниковой-Анучиной было выдано из Иоанно-Предтеченской церкви Уфы. Значит, её похоронили на Старо-Ивановском кладбище.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1871. 28 августа.

Уфимского губернского № 48 батальона Николай Ильич Черников-Анучин скончался. Командир батальона извещал родственников прибыть в Уфу за деньгами, выкупными свидетельствами и прочим наследством[1]. Так что договор о выкупе крестьян сельца Черниково-Анучино в Петербурге утвердили 16 августа 1872 г. уже с покойником. Мужикам досталось 99 дес. земли, а наследникам умершего офицера полагалась ссуда в 2640 руб.[2]

Права на наследство поместьем в дер. Черниковке предъявили «жительствующий Уфимского уезда в селе Миловке отставной подпоручик Александр Васильев Черников Анучин за себя и по доверенности от неслужащего дворянина Фёдора Васильева Черникова Анучина и вдовы Губернской Секретарши Елены Назарьевой Некрасовой и проживающая в городе Уфе 2 части в доме солдатки Губиной родная сестра матери покойного Черникова Анучина вдова купеческая жена Наталья Мелькова».

Е.Н. Некрасова была урождённая Черникова-Анучина, а купчиха Н.Е. Мелькова была сестрой Анны Ефимовны Черниковой-Анучиной, обе урождённые Вагановы. Именно от последних досталась недвижимость в северной столице. В Санкт-Петербургской общей распорядительной Думе лежали деньги (895 руб. 71 коп.) Черникова-Анучина «за места, принадлежавшие Г. Ваганову, отошедшие в городское ведомство». Скорее всего, это были две усадьбы.

Уфимский уездный суд всех признал наследниками черниковского поместья и прочей недвижимости. Правда, радость омрачили многочисленные долги покойных[3]. Видимо, из наследников только А.В. Черников-Анучин сохранил земли.

Представители этого дворянского рода упоминаются среди землевладельцев в 1874 г.: Василий Степанович Черников-Анучин (11 дес.), г. Черников-Анучин при дер. Черниково (68 дес.). В 1881 г. Александру Васильевичу Черникову-Анучину при дер. Гладышево и Черниковке принадлежало 88 дес. А по переписи 1895 г. в Богородской волости поместье в 103,53 дес. находилось у дворянина А.В. Черникова-Анучина, в том числе имелась обширная усадьба на площади в одну десятину.

---

[1] Там же. 1872. 24 июня.

[2] Там же. 4 ноября.

[3] Например, в 1863 г. опекун над имением надворной советницы Марьи Пантелеевны Бардаковой титулярный советник Василий Сокуров выдал из хранившихся в Дворянской опеке её денег А.Е. и Н.И. Черниковым-Анучиным на 3 года под проценты 546 руб. 41 коп. сер. Сам же подпоручик Николай Ильич являлся казначеем Уфимского губернского батальона и за ним обнаружился недочёт в батальонной кассе в размере 349 руб. 53 коп. Все долги пришлось вернуть (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 832. Л. 17 и об., 21, 54 и об., 73 и об., 78, 85, 91).

Среди дворян Черниковых-Анучиных встречалось немало известных людей. Подполковник Фёдор Никитич Черников-Анучин[1] в 1830–1832 гг. исполнял обязанности предводителя дворянства Уфимского, Стерлитамакского, Троицкого и Челябинского уездов. В 1886 г. кандидатом (замещающим) Уфимского уездного предводителя дворянства на три года избирался титулярный советник Александр Васильевич Черников-Анучин[2].

Именно он являлся владельцем поместья с усадьбой в Богородской волости. Вполне возможно, он купил или унаследовал фамильные земли и восстановил усадьбу возле Черниковки.

Александр Васильевич Черников-Анучин (около 1836 – 1899) был незаурядной личностью, специалистом в области сельского хозяйства[3]. По сведениям М.В. Агеевой, он являлся сыном одного из совладельцев земель при Черниковке, упоминавшегося в 1838 г. подпоручика Василия Ивановича Черникова-Анучина. Биография и основные научные труды А.В. Черникова-Анучина уже публиковались[4]. Он долгое время служил управляющим огромных поместий Базилевских, одних из крупнейших землевладельцев Уфимской губернии и богатейших семейств Империи. Получая солидное жалование, Александр Васильевич имел ресурсы чтобы скупить родовые владения и выстроить или отремонтировать строения. Возможно, к началу XX в. помещичья усадьба дворян Черниковых-Анучиных ещё существовала. В дальнейшем среди землевладельцев они не фиксируются.

К востоку от Черниковки, у самой линии железной дороги стояла ещё одна помещичья деревня Никитино (Каловка), современные улицы Дунайская и др.[5] На 1861 г. это было своеоб-

---

[1] На январь 1849 г. Ф.Н. Черникову-Анучину исполнилось 74 года, проживал он в своём имении (24 рев. души, 240 дес.), занимался хозяйством (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 188 об.).

[2] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. С. 118, 291.

[3] В 1861 г. отставной поручик Черников-Анучин был зачислен в штат Оренбургской палаты государственных имуществ «с допущением к заведыванию Стерлитамакским и Уфимским лесничествами (с 2 Ноября)» (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 6 января). В 1877 г. шла реклама: Александр Васильевич Черников-Анучин предлагает услуги и принимает поручения от землевладельцев по составлению описания лесов, разведению лесов, сельскохозяйственным описаниям и отчётам, ирригации, дренажу, определению ценности, проводит «геогностические исследования» (Уфимский листок объявлений и извещений. 1877. 14 февраля и др.).

[4] «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. СПб., 2015. IV. Александр Васильевич Черников-Анучин. С. 120–162.

[5] История деревни: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости С. 328–331 («Сельцо, деревня Каловка, Каловская (Никитина, Никитинское)».

разное поселение. Здесь располагались дворянские усадьбы Львовой (16 чел. дворовых) и Каловских (17 чел. дворовых), но в обоих «поместьях» вообще не имелось крепостных крестьян. Фактически, это были летние дачи, только с крепостной обслугой, не случайно имениями управляли «сами владельцы».

В пореформенные годы Львова среди местных хозяев не фиксируется, зато многие дворяне Каловские в 1870–1880-е гг. имели в округе земельные владения, возможно, и усадьба (усадьбы) сохранялась. Имение Козьмы Каловского при сельце Никитинском, Каловское тож, уже в 1850-е гг. перешло к сыновьям его, губернскому секретарю Степану и коллежскому секретарю Самсону Каловским (6 рев. душ дворовых, без крестьян, но все дворовые пользовались наделом).

Своё маленькое поместье Степан Кузьмич Каловский (8 чел. и 57 дес.) на берегу речки Шугуровки в 1865 г. сдал в казну за 900 руб. Бывшие дворовые получили землю, но оказалось, что одна семья в 1868 г. «проживает на господской усадьбе и не имеет ни каких собственных строений». Второй вчерашний дворовый в 1864 г. построил «дом на свой счёт, но надворных строений ещё не возвёл и пользуется таковыми от Каловского»[1].

То есть, дворовые Каловских жили в усадебном помещичьем комплексе, но занимались сельским хозяйством. Хозяева наделили их землёй, чтобы не содержать. Скорее всего, хотя имением управляли сами владельцы, здесь они постоянно не жили.

Уже упоминавшийся путешественник из 1848 г., проехав дер. Волково, замечал: «дорога разветвляется: один рукав её идёт на право – в Богородское, в другой в лево – в деревню Курочкина»[2]. Довольно крупная деревня Михайловка (Курочкина, Шестаковка) располагалась примерно вдоль совр. улицы Адмирала Ушакова, где сохранились остатки частных домов бывшей деревни, за которой лежит известная Курочкина гора.

На момент отмены крепостного права земля принадлежала наследникам Курочкиным[3], малолетним детям бывшего уездного предводителя дворянства коллежского ассесора Павла Ивановича Курочкина Андрею и Ивану, опекуном выступала мать Александра Фёдоровна. Но юридическими собственниками поместья являлись Андрей и Иван Курочкины.

В сельце находилась внушительная барская усадьба. Для обслуживания господского хозяйства в 1861 г. содержали дворовых 18 мужчин и 23 женщины. Имением управлял почётный

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 762. Л. 2, 3, 14, 19, 35 и об.
[2] *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы. С. 49.
[3] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 625 (уставная грамота составлена в 1862 г.).

гражданин Роднин, хозяева постоянно тут не проживали. В 1863 г. был утверждён выкуп крестьян сельца Михайловки, Иван и Андрей Курочкины получали 10 560 руб.[1]

Через десять лет подросшие дети начали делёжку имения. В Уфимском уездном суде составили полюбовный раздел земли при сельце Михайловке (Шестаково), но губернский секретарь Андрей Павлович Курочкин не явился на заседание. Раздел оформили без него, дав ему 6 месяцев на согласие[2].

Это имение (Курочкина) в 1221 дес. показано по Богородской волости за 1874 г. Семейные разделы и продажа земли окрестным крестьянам сократили размер поместья. В 1895 г. О.А. Курочкиной (она же Добротворская) принадлежало 387,17 дес., где располагалась усадьба площадью в одну десятину. У неё был ещё ряд мелких участков по-соседству. По переписи 1912–1913 гг. Курочкины среди крупных землевладельцев отсутствуют.

Но, по всей видимости, семья сохраняла усадьбу в своих руках. Согласно сведениям М.В. Агеевой, к 1937 г. советская власть отобрала дом у Анатолия Сергеевича Добротворского, сына помещицы, в деревне Курочкиной. Здание перешло к промартели, то есть представляло из себя достаточно объёмное строение, не просто маленький крестьянский домик[3].

Наиболее сложным является изучение обедневшего дворянства. По документам они сохраняли принадлежность к благородному сословию, но нередко ничем не отличались от обычных сельчан. Во многих губерниях России существовали селения, так называемых, однодворцев. Современник отмечал, что были деревни, «где было столько помещиков, которые жили совершенно как крестьяне, так что только потому, выглядывала ли из окна дома женщина в чепце или в платке можно было узнать помещица это или крестьянка»[4].

При ликвидации крепостного права для властей подобные мелкопоместные дворяне представляли «головную боль». Их поместьица выкупала казна. В границах совр. Черниковки имелось немало подобных владений и даже целая деревня Лопатино[5], про которую в 1861 г. указали: «крестьян у этих дворян

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 12 октября.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1872. 12 февраля.

[3] *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости (раздел «Деревня Курочкина (Михайловка, Шестакова)». С. 328.

[4] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Указ. соч. С. 83.

[5] Историю деревни см.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости (раздел «Сельцо Лопатино, деревня Лопатина)»; *Азнабаев Б.А.* Уфимский дворянский род Лопатины // Река времени. 2012: Мир южноуральской

нет». Хотя отдельные представители фамилии Лопатиных в разных местах Уфимского уезда сохраняли земли и крепостных, в самой дер. Лопатиной все «обмужичились». По переписи 1917 г. здесь из 14 дворов в 13 проживали дворяне, которых выделяли как «надельных дворян», пользующихся наделом.

Чуть севернее располагалась деревушка Аничково (Дмитриевское)[1], где в 1861 г. базировались четыре «помещика». Трое (Борецкая, Васильева и Аничков) дворовых людей не имели, да и крепостных было крайне мало. Если они проживали здесь, то вряд ли их жильё подходит под определение дворянская усадьба. Лишь Ветошникова являлась владелицей 8 чел. дворовых, правда, это были её единственные крепостные, крестьяне отсутствовали. Вариант загородной дачи с прикреплённой прислугой. Всеми делами управляли старосты.

Путаницу добавляют владения других Аничковых, разбросанные по округе. Жители Аничково (Дмитриевского) были приписаны к церкви села Лавочного, куда ходили за три версты через реку, а население Аничково (Черенково) относилось к храму села Богородского, что было от них в семи верстах.

Здешние мелкопоместные дворяне цепко держались за свои земельные участки. По переписи 1895 г. в Богородской волости была целая компания Аничковых, включая Е.А. Васильеву, некоторые имели усадьбы. Не исчезли и Ветошниковы. Дворянин Е.А. Ветошников сохранял немалое владение в 453 дес. с очень обширной усадьбой на площади в 4,17 дес. В 1916 г. отставной штабс-капитан Евгений Александрович Ветошников в четырёх верстах от дер. Степановки держал «хутор Екатериновка», а в 1917 г. Ираида Николаевна Ветошникова при дер. Гладышево имела поместье в 388 дес. Вполне вероятно, что усадьба

усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012.

[1] В 1852 г. Оренбургская (в Уфе) палата гражданского суда вызывала коллежского ассесора Фёдора Матвеевича Ветошникова, надворную советницу Надежду Васильевну Ломоносову, титулярную советницу Екатерину Фёдоровну Васильеву и губернскую секретаршу Елизавету Фёдоровну Борецкую, или их поверенных, для выслушивания решения «по делу о неправильном размежевании между ими по полюбовной сказке земли, лежащей Уфимского уезда при сельце Аничькове Дмитриевское тож» (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 26 апреля). Земли находились по обе стороны реки.

Видимо, такая же ситуация была по сельцу Мызово коллежской секретарши Варвары Петровны Бовиной, выкупленном в казну в 1866 г. за 300 руб. (2 крестьянина и 1 дворовый). Мызово лежало около дер. Тарбеевки на левом берегу Белой (совр. Алексеевка). Но в 1867 г. у жены титулярного советника В.П. Бовиной в сельце Дмитриевском, Аничково тож, казна выкупила дворового человека за 150 руб. (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 845. Л. 3–6). Бовина сохраняла свои владения по 1874 г.

Ветошниковых дожила до революции 1917 г.

Усадьба при другом сельце Аничково (Черенково) (20 чел. дворовых) в 1861 г. принадлежала надворной советнице Анне Михайловне Бордовской. При составлении уставной грамоты присутствовали свидетели из окрестных селений: Сергеевки, Курочкиной, Степановки, Гладышевой. Поместье было маленькое и хозяйка сразу предложила казне его выкупить.

Ещё в июле 1827 г. титулярная советница Анна Михайловна Бордовская купила за 300 руб. асс. у губернской секретарши Василисы Ивановны Мартыновой (урождённой Аничковой) эту землю, «обмежёванную за братьями моими дворянами Аничковыми, принадлежащую мне после отца моего часть», отметила продавщица[1]. Это были родовые владения Аничковых.

Не ясно, выкупила казна поместье престарелой А.М. Бордовской (вроде в 1862 г. договорились). Но в августе 1871 г. Уфимский уездный суд разыскивал наследников умершего надворного советника Александра Ефимовича Бардовского[2]. В 1874 г. упомянуты земли господ Бардовских при с. Аничково, на 1881 г. близ Уфы наследникам Александра Ефимовича Бардовского принадлежало 35 дес.[3] Наверняка, усадьба Бардовских закончила своё существование в конце столетия[4].

Миновав царство мелкопоместных дворян, поднимаемся вверх по речке Шугуровке, где с юга на север последовательно расположились три солидные помещичьи деревни. Первая – в 1861 г. Сергеевка (Белоусово, Тимашево), последнее имя стало затем основным. Большое имение находилось в собственности Тимашева (31 чел. дворовых) и Тимашевой (58 чел. дворовых), но поместьем управлял один староста. Родственники, наверняка, пользовались единой усадьбой и прислугой.

В Тимашево стоял просто дворец! Почти сто человек слуг, лакеев, конюхов, кучеров, поваров, горничных, истопников, ключников, дворников, садовников, молочниц, огородников, etc. Единицы среди уфимского дворянства могли себе такое позволить! При этом Тимашевы имели уфимское жильё в приходе Спасской церкви, где они венчались и отпевали своих близких.

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 678. Л. 2, 6, 9.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1871. 21 августа. На январь 1849 г. коллежский советник Александр Ефимович Бардовский (55 лет) находился в отставке и проживал в Уфе. Имение (10 рев. душ и 53 дес.) числилось за ним, а не за супругой Анной Михайловной (52 года) (НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 189 об.).

[3] Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

[4] См. также: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 307–315 (раздел «Аничковы деревни)».

Одна из самых прославленных дворянских фамилий России – Тимашевы в лице нескольких родовых ветвей оставили яркий след в истории. Много внимания уделили роли Тимашевых в судьбах Оренбургского края краеведы Гудковы[1], но почти исключительно оренбургской ветви, из которой вышли три губернских предводителя дворянства, чью знаменитую усадьбу в Ташлах посещали выдающиеся люди Отечества[2].

Уфимские Тимашевы относились к пятой ветви рода[3] и долгое время оставались в тени, хотя в 1821–1824 гг. предводителем дворянства Уфимского и Стерлитамакского уездов был подполковник Капитон Кузьмич Тимашев (1816–1857)[4], в 1836 г. статский советник К.К. Тимашев входил в члены губернского попечительного о тюрьмах комитета[5]. Мимолётные воспоминания о Капитоне Кузьмиче Тимашеве оставил его родственник Николай Викторович Веригин. Они вдвоём взялись за поставку хлеба в казну, закупая его у крестьян. На четырёх барках отправляли товар в устье Камы. «Сдачу хлеба производил Тимашев, как делец в сделках с казёнными комиссионерами»[6].

При подготовке реформы, во время обследования в 1860 г. имение Елизаветы Егоровны Тимашевой при сельце Белоусово вошло в число крупнейших поместий Оренбургской губернии. А по количеству дворовой прислуги (43 мужских души) оно занимало пятое место в крае. Для сравнения, в прославленных оренбургских Ташлах Александра и Николая Егоровичей Тимашевых насчитывалось 52 муж. души дворовых. Сельскохозяйственное производство велось на площади примерно в 2,3 тыс. дес.

Кроме двух дочерей[7], в семье было трое сыновей. Старший – Михаил Капитонович Тимашев (1823 г. р.) выбрал карьеру во-

---

[1] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Гл. XXIX. Тимашевы. С. 256–273.

[2] См.: *Гвоздикова И.М.* Предводители дворянства Уфимского наместничества, Оренбургской и Уфимской губерний; *Она же.* Резиденции элиты власти в Оренбургской губернии в конце XVIII – середине XIX вв. // Река времени. 2012.

[3] *Руммель В.В. и Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 476.

[4] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. С. 117; Капитон Кузьмич Тимашев скончался в 1857 г. (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 40. Л. 153).

[5] См.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 321–323 (раздел «Деревня Тимашева (Сергеевка, Белоусова)».

[6] См.: *Свице Я.С.* Литераторы из рода Зубовых: Н.В. Веригин (1796–1872), А.М. Хирьяков (1863–1940) // Аксаковские чтения: (материалы XV Аксаковских чтений) / отв. ред. В.В. Борисова. Уфа, 2015.

[7] Елизавета Капитоновна Тимашева в 1857 г. вышла замуж за дворянина Степана Егоровича Березовского (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 40. Л. 128), владельца дер. Егоровки возле Иглино.

енного, офицер (1844), генерал-майор (1882), военный судья Варшавского военно-окружного суда (1886), с 1856 г. неоднократно награждался[1].

Младший – Аркадий Капитонович Тимашев (1826 г. р.) служил по гражданской части. По высочайшему повелению от 22 декабря 1866 г. в Уфе была 19 января 1867 г. закрыта Уфимско-Оренбургская палата государственных имуществ и открыто Уфимско-Оренбургское губернское управление государственными имуществами. Управляющим был назначен статский советник Тимашев[2]. На 1869 г. Аркадий Капитонович Тимашев оставался в этой должности[3]. Затем его переводят в Саратов, где он и умер в 1871 г., похоронен на кладбище местного мужского монастыря, могила сохранялась в 1911 г. (эпитафия: «от друга-товарища по службе в Оренбурге»)[4]. Осенью 1871 г. Уфимский уездный суд вызывал наследников скончавшегося действительного статского советника Аркадия Капитоновича Тимашева[5].

На момент отмены крепостного права в 1861 г. имение оставалось в собственности матери Елизаветы Егоровны Тимашевой, хозяйство оставалось единым, но был взят курс на сокращение штата дворовой прислуги, содержать которую становилось нерентабельно. Из 43 рев. душ дворовых на волю отпустили восьмерых, двое были водворены в сельце Никольском капитана Дмитрия Михайловича Угличинина, а 12 душ пожелали получить надел и осесть на земле. Оставшиеся (21 душа) продолжили служить на прежних условиях до 1863 г.

Когда к марту 1866 г. помещики договорились о выкупе с крестьянами сельца Сергеевки, Белоусово тож (129 рев. душ), договор подписали только сыновья: статский советник Аркадий, полковник Михаил и коллежский секретарь Николай Капитоновичи Тимашевы (на сумму 11 593 руб. 87 коп.)[6].

Двое братьев (Михаил и Аркадий) служили, делами в имении заправлял третий брат коллежский секретарь Николай Капитонович Тимашев. Он, по доверенности от матушки, подписал уставную грамоту с крестьянами 30 марта 1862 г. Он же занимался размежеванием земель (наделы были разбросаны по четырём дачам: сергеевской, аничковой, белоусовской и волковой).

---

[1] http://regiment.ru/bio/T/39.htm.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1867. 4 февраля.
[3] Там же. 1869. 5 апреля.
[4] *Жеребцов А.И.* Кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского Преображенского монастыря // Саратовский духовный вестник. 1911. № 47–49 (http: // www.petergen.com/history/saratnek.shtml).
[5] Уфимские губернские ведомости. 1871. 18 сентября.
[6] Там же. 1866. 19 марта, 2 июня.

Но «данная» на землю, документ вводивший крестьян в право собственности, была совершена 28 июня 1866 г. уже от имени трёх братьев[1]. Елизавета Егоровна скончалась в 1863 г.[2]

Делами в поместье руководил средний сын – Николай[3] Капитонович Тимашев (1825 – около 1873). В 1860-е гг. он проживает в своей усадьбе Сергеевке[4]. Н.К. Тимашев входил в число семи первых мировых посредников Уфимского уезда, которые в 1861 г. занялись проведением Великой реформы[5].

Средний брат не просто возглавил фамильное хозяйство, он серьёзно занимается агрономией, для оказавшихся в новых условиях рыночной экономики помещиков спасением казалось внедрение агротехнических новаций. На рубеже 1860–1870-х гг. не было в Уфимской губернии более известного агронома, чем Николай Капитонович Тимашев, а усадьба в сельце Сергеевке стала известна всей российской науке.

Статьи и заметки Н.К. Тимашева появились на страницах ведущей в России «Земледельческой газеты» во время редакторства знаменитого русского публициста, возглавлявшего несколько государственных изданий, автора многих работ по сельскому хозяйству Ф.А. Баталина. «Земледельческую газету» – центр притяжения лучших агрономических сил России читали по всей стране, масса конкретной, полезной для практического применения информации привлекала новаторов из провинции.

В январе 1868 г. выходит большое письмо к редактору «По поводу сельскохозяйственных опытов предпринятых Императорским вольным экономическим обществом» за подписью Н. Тимашев, 23 декабря 1867 г., усадьба Сергеевка Уфимского уезда[6]. Автор смело разбирает наследие Менделеева и Либиха, рас-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 624. Л. 2 и об., 3, 4 об., 28.

[2] Уфимский уездный суд объявил о розыске наследников умершей подполковницы Елизаветы Егоровны Тимашевой в сентябре 1863 г. (Оренбургские губернские ведомости. 1863. 21 сентября).

[3] Это был второй ребёнок в семье, получивший имя Николай. В церковной ограде Богородицкой церкви села Богородского был похоронен младенец Николай Капитонович Тимашев, скончавшийся 9 сентября 1821 г. (Уфимский некрополь. С. 37).

[4] 29 июня 1856 г. подпоручик 260-й дружины Оренбургского подвижного ополчения Николай Капитонович Тимашев (30 лет) женился на 21-летней Екатерине Александровне Боссе, дочери чиновника 10-го класса Александра Фёдоровича Боссе. Среди поручителей был воспитанник Оренбургской губернской гимназии Александр Александрович Боссе (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 39. Л. 127 об.).

[5] *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. С. 132.

[6] Земледельческая газета (СПб.). 1868. 20 января. С. 33–38.

суждает о химии и агротехнике, спорит о глубине вспашки и применении удобрений. При этом в статье даются ссылки на научную литературу, приводятся расчёты. Это не разглагольствования дилетанта, барина, заболевшего «маниловщиной», что сразу почувствовал редактор Ф.А. Баталин.

Ко второй статье Н.К. Тимашева «О луговой системе хозяйства», опытный журналист в сноске дал пояснение, что это труд «почтеннейшего автора, посвятившего себя уже несколько лет основательному изучению рационального сельского хозяйства»[1].

Весной и летом 1868 г. в «Земледельческой газете» выходят работы Тимашева: «О сообщительности между земледельцами»[2], «Способ истребления хвоща»[3], «О семенах культурных растений»[4], после чего из Сергеевки от Николая Тимашева поступает большая статья «Галлетовский способ улучшения хлебов в применении к уфимской ржи»[5]. Среди рассказа об агротехнических опытах встречаются краткие зарисовки тимашевской усадьбы.

«В 1865 году я сорвал в ржаном поле несколько хороших по виду колосьев ржи и, выбрав из них сто штук лучших и самых тяжеловесных зёрен, посадил их в начале августа на огородной неудобренной гряде, с почвою суглинисто-чернозёмной. [...] Весной 1866 года озими оказались хорошо сохранившимися, быстро пошли в рост и образовали кусты такого размера, что из пяти кустов можно было связать довольно объёмистый сноп». Тимашев собрал урожай, подсчитал среднее количество зёрен, которых оказалось аж 232 000 штук. «Такой громадный урожай, пожалуй, не всем покажется и вероятным, но в настоящем году я готов выставить куда угодно куст с 60 колосьями и след. по крайней мере с 3000 зёрен».

Далее Н.К. Тимашев рассказывал: «Летом 1866 года, по случаю тяжёлой болезни, я пропустил время для посадки ржи, а потому целый год был потерян для дела. В 1867 году я посадил 100 зёрен из отобранных первой генерации совершенно таким же порядком, как и в первый раз; но только гряда огородная попалась на этот раз не совсем удобная, почти голый навозный чернозём из под старинного скотного двора».

Автор также привёл пример, что ещё в 1852 г. он выписал семена яренской ржи, забытые они валялись «в письменном столе». Через 10 лет он их посадил. Сельскохозяйственными опытами Николай Капитонович увлекался с молодости.

---

[1] Там же. 17 февраля. Продолжение: 24 февраля.
[2] Там же. 13 апреля.
[3] Там же. 15 июня.
[4] Там же. 6, 13 июля.
[5] Там же. 27 июля.

В декабре 1868 г. Н.К. Тимашев публикует в «Земледельческой газете» ещё две статьи. В первой, «Посевы яровых хлебов под зиму и опыт с посевом маку» он повествует об экспериментах в 1867 г.[1] Во второй («Результат опытов галлетовского улучшения хлебов») честно признаётся в постигшей его неудаче[2].

Цикл публикаций Н.К. Тимашева не остался без внимания. Статьи вызвали дискуссию, под которую редактор Ф.А. Баталин не жалел газетной площади. Первым отреагировал наш земляк помещик М. Глумилин из Бугульминского уезда, затем отозвался Е. Протопопов из Епифанского уезда, подключился изобретатель зерноуборочных машин А. Власенко, не остался равнодушным к спору граф Георгий Цукатто (из этой семьи происходил атаман Оренбургского казачьего войска Н.Е. Цукато), вслед за некими П.П. и Гулаком в дискуссию включились корифеи аграрной науки. По статье Н.К. Тимашева о времени уборки хлеба высказывается сам А. Людоговский[3], а затем и П. Костычев[4] опубликовал заметку «по поводу статьи г. Тимашева о зерноуборниках»[5].

Сам же инициатор всероссийской дискуссии, затронувшей животрепещущие проблемы модернизации помещичьего хозяйства с помощью внедрения машин и новых агротехнологий, не остался в стороне. В 1869 г. выходит цикл работ Н.К. Тимашева: «О зерноуборниках гг. Власенко и Глумилина», «Дополнение к статье: "О посеве яровых хлебов под зиму"», «О зерноуборниках (ответ на возражения) и кое-что о науке земледелия в России»[6]. Кроме того, Николай Капитонович отправляет в газету небольшие корреспонденции «Из деревни близ г. Уфы», где сообщает о ценах, урожае. Оказалось, он увлекался гомеопатией[7].

А в статье «Опыт разведения пробштейнской ржи» от 25 ноября Н.К. Тимашев немножко повествует о местной ситуации: «нынешнее лето я получил от нашего помещика Валентина Антоновича [надо Аполлоновича] Новикова полпуда пробштейн-

---

[1] Там же. 7 декабря.

[2] Там же. 14 декабря.

[3] Людоговский Алексей Петрович (1840–1882), агроном, профессор Петровской земледельческой академии, один из авторов знаменитой «Настольной книги для русских сельских хозяев».

[4] Костычев Павел Андреевич (1845–1895), профессор, один из основоположников агрономического почвоведения. См.: *Кузнецов И.А.* Основоположники «сельскохозяйственной экономики» в России (середина – вторая половина XIX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010.

[5] Земледельческая газета. 1869. 4, 11 января, 8, 22, 29 марта, 5, 26 апреля, 23 августа.

[6] Там же. 22 февраля, 15 марта, 26 июля, 2 августа.

[7] Там же. 26 июля, 16 августа, 13 сентября.

ской ржи, урожая его собственного поля»[1].

Всероссийская известность уфимского помещика (оба брата Аркадий и Николай Капитоновичи Тимашевы состояли членами Уфимского губернского статистического комитета) не прошла мимо внимания редактора местных «ведомостей», который пригласил Н.К. Тимашева поделиться достижениями в сельскохозяйственном деле. И в 1869 г. в местной прессе появляются необычные статьи прикладного содержания – «Плуг» и «Возделывание озимой пшеницы на чернозёмных почвах»[2], а в 1870 г. – «Предисловие к ряду статей из земледельческой науки»[3].

В 1870 г. Н.К. Тимашев уже постоянный автор «Земледельческой газеты». В течение года выходят его статьи «Физиологический процесс дозревания хлебов», «Отзыв о зерновой чистилке Жосса», «Одноконный плуг г. Чекалина», «О возможностях вреда для зерновых урожаев от жжения трав на поташ», «1869/70 земледельческий год близ г. Уфы»[4]. Последние статьи Н. Тимашев подписывает из Уфы, а не Сергеевки.

В начале 1871 г. Н.К. Тимашев выступает уже как опытный эксперт, ему редакция отправляет для ответов вопросы читателей. Так, он отвечает крестьянину из Полтавской губернии «о пригодности для удобрения полей навоза из загонов»[5]. А летом выходит статья Н. Тимашева «Два хозяйственных рецепта и два слова о персидской ромашке», под которой стоит подпись автора и… Санкт-Петербург, 24 мая 1871 г.[6] Затем в маленькой публикации «Ответ на заметку о чистилке Жосса» снова указана Северная Пальмира (24 мая)[7]. Тимашев, видимо, переезжает в Петербург, из статьи о персидской ромашке видно, что он занимался её выращиванием.

Ф.А. Баталин одновременно являлся редактором официального журнала Министерства государственных имуществ и в 1871 г. публикует статью Тимашева «Вопрос о введении травосеяния в русских хозяйствах»[8] и большую работу «Гречиха»[9]. В последней автор рассказывает историю культуры, даёт ботаническое описание, говорит о почвах, посеве, уходе, уборке, уро-

---

[1] Там же. 13 декабря. С. 786.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1869. 22 февраля, 1 марта, 31 мая.
[3] Там же. 1870. 28 февраля.
[4] Земледельческая газета. 1870. 14 февраля, 7 марта, 30 мая, 4 июля, 7 ноября. Последнюю заметку перепечатали в Уфе (Уфимские губернские ведомости. 1871. 2 января).
[5] Земледельческая газета. 1871. 27 марта. С. 203.
[6] Там же. 5 июня.
[7] Там же. 26 июня.
[8] Сельское хозяйство и лесоводство (СПб.). 1871. Сентябрь. С. 21–30.
[9] Там же. Ноябрь. С. 185–208.

жайности. Работа подписана: 30 сентября 1871 г., Санкт-Петербург. Это были последние научные труды Н.К. Тимашева.

В 1872 г. публикации Н.К. Тимашева исчезают, а в уфимском адрес-календаре за 1873 г. указаны перемены, произошедшие до 15 мая 1873 г. В том числе – исключён за смертию действительный член статистического комитета Николай Капитонович Тимашев. Он скончался в конце 1872 или в начале 1873 г. В петербургском некрополе его могила не зафиксирована.

В составленном для первых земских выборов списке землевладельцев за 1874 г. указано владение господ Тимашевых при дер. Сергеевке в 1365 дес., но сделана приписка: «Листовской 948/745». Из наследников Тимашевых (брат Михаил, вдова Николая Капитоновича, др.?), по всей видимости, никто не жил и не собирался жить в Уфе, почему поместье сразу было продано. Возможно, уже сам Н.К. Тимашев начал распродажу земель.

Эти Тимашевы исчезли из судеб Уфимского края. Поместье досталось новым собственникам. По сведениям М.В. Агеевой, в существовавшем в Тимашево колхозе имелся плодовый сад на площади в пять гектаров. Остаток барского?

Листовские владели большой усадьбой в 3,5 дес. в Богородской волости в 1895 г., сохраняли земли до 1917 г. Возможно, огромный деревянный тимашевский дворец в перестроенном или усечённом виде дождался социализма, а затем… Микрорайон Тимашево и длинная улица Тимашевская не дают забыть современным жителям «преданья старины глубокой».

Следуя дальше к верховьям речки Шугуровки, попадаем в большую деревню Вишнёвый холм или Степановку, как она затем стала именоваться. Здесь находился центр имений дворянской семьи Веригиных и стояла крупная усадьба, которую обслуживали 44 чел. дворовых[1]. Владелец лично проживал в поместье и сам управлял хозяйством. И не только Степановки, ему принадлежало ещё село Иглино за Уфимкой.

В 1860 г. при обследовании крупнейших имений Оренбургской губернии сельцо Вишнёвый холм (40 дворов) не уступало селу Архангельскому (Иглино), а дворовых мужских душ насчитывалось даже больше (23 против 22). Хотя масштабы земель, находившихся в сельскохозяйственном обороте в Степановке были скромнее (около 1,5 тыс. дес.), а в Иглино тоже стояла внушительная усадьба, именно в Степановке[2] проживал владелец – Егор Викторович Веригин.

---

[1] Взрослых (с 16 / 18 лет) – 15 чел. (*Кречетович И.П.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). М., 1911. С. 625).

[2] См.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 319–321 (раздел «Сельцо Степановка (Вишнёвый холм тож), деревня Степановка».

В 1836 г. подпоручик Е.В. Веригин служил чиновником особых поручений при Оренбургском (в Уфе) гражданском губернаторе. В 1843 г. коллежский секретарь Егор Викторович Веригин – судья Стерлитамакского уездного суда[1]. Примерно, в конце 1840-х гг. он выходит в отставку и, по сведениям М.В. Агеевой, в 1850-е гг. покупает Степановку и Иглино.

Веригины (данная ветвь) происходила из старинного рязанского дворянства. Егор Викторович (1798 г. р.), подпоручик, коллежский ассесор, в 1816 г. внесён в дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии, женат (1835 г.) на Елене Григорьевне. Оба были похоронены в церковной ограде храма села Богородского на своём семейном участке. Е.В. Веригин скончался в 1868 г., Е.Г. Веригина – в 1876 г.[2]

У Е.В. Веригина был брат Николай Викторович (1796–1872), служивший в армии, затем управлявший обширными имениями в Тамбовской губернии. В журнале «Русская старина» были опубликованы его воспоминания, где немного говорится об уфимском периоде жизни: «В г. Стерлитамаке, где брат мой Егор был судьёй и куда я переехал к нему для приведения в исполнение моих торговых оборотов»[3].

По всей видимости, сколотивший состояние Егор Викторович решил заняться сельским хозяйством, заказывает в Москве машины. Директор Земледельческой школы в Москве Н. Анненков, одновременно содержавший Главное депо и комиссионерство для сельских хозяев, издатель литературы по агрономии отвечал Веригину в Уфу в феврале 1861 г.: «Той машины, о которой вы пишите, в Москве нет и разъяснить желаемых Вам подробностей мы не в состоянии. […] Плуг Старбука никто не берётся вести в Уфу»[4]. В марте 1861 г. Веригину высылают модель соломотряса[5]. А в октября в газету приходит «Письмо г. Веригина.

---

[1] Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1843 год. Ч. 2. СПб., б. г. С. 167.

[2] См.: *Рындин И.Ж.* Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / под ред., с доп. проф. Б.В. Горбунова. Вып. 2. Вагины – Гюллинги. Рязань, 2007 (сайт «История, культура, традиции Рязанского края»; http://www.history-ryazan. ru / node / 10105); Уфимский некрополь. С. 37. А в селе Лавочном была похоронена титулярная советница Екатерина Михайловна Веригина, которая скончалась 23 апреля 1842 г. в возрасте 74 лет (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2: Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2015. С. 91).

[3] См.: *Свице Я.С.* Указ. соч.

[4] Газета для сельских хозяев (М.). 1861. 7 февраля.

[5] Там же. 7 марта.

В 50 № газеты для Сел. Хоз А.В. Соколов до того заинтересовал меня "пятилапым одноконным скоропашником" работавшем у него, нынешней весной, в большом размере – успешно и отчётливо, что я желал бы иметь это орудие, этот клад для хозяев, как выражает А.В. Куда обратиться с просьбою о высылке в г. Уфу, Оренбургской губ. скоропашника пятилапого? Какой вес его? какая цена и что будет стоить пересылка? В случае затруднения: может ли быть выслана модель с масштабом и с пояснением: какие лапы делаются у скоропашника железные, или стальные, или насталеные только? Кроме того: разрыхлённую только т. е. вспаханную с осени сохой, землю пахать скоропашником под яровой хлеб, или можно прямо весной неподпаренную с осени? точно так и рожь запахивать: по приготовленному ли сохой пару, или, как предварительный взмёт утолоченного поля, так и запашку зёрен ржи производить прямо скоропашником»»[1].

Из переписки Веригина с редакцией газеты видно, что уфимский помещик серьёзно занимался сельским хозяйством, по присланным моделям, видимо, сам заказывал новые орудия, стремился применять машины и агротехнические новации.

Видимо, об усадьбе Веригина остались воспоминания, которые попыталась реконструировать М.В. Агеева. «Барская усадьба дворян, а также дом для прислуги и другие хозяйственные постройки были на достаточно высоком холме относительно деревни, скорее всего засаженном вишней, отчего в сезон её цветения создавалось впечатление вишнёвого холма. Речка Шугуровка разделяла барскую усадьбу и само сельцо»[2].

Отмена крепостного права совпала с разделом поместья. Из наследников упоминается коллежский регистратор Алексей Веригин, в 1867 г. служивший кандидатом к мировому посреднику по Златоустовскому уезду[3]. На 1869 г. Алексей Егорович Веригин состоял в непременных членах Уфимского губернского статистического комитета[4].

Если поместье в Иглино унаследовал другой сын, Николай Егорович Веригин, то земли возле Степановки достались дочерям: жене майора Анне Егоровне Дуз-Хотемирской и девице Екатерине Егоровне Веригиной. За ними числилось 23 рев. душ дворовых по X ревизии (1858 г.), к которым добавилось ещё че-

---

[1] Там же. 3 октября.

[2] *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 319.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1867. 14 октября. Затем мировой посредник в Златоустовском уезде, коллежский регистратор, уволен 12 апреля 1872 г. (Там же. 1872. 3 июня).

[4] Там же. 1869. 5 апреля.

тыре души дворовых переведённых из с. Архангельского (Иглино) их отцом Е.В. Веригиным.

Большинство дворовых (22 души) согласились служить до 1863 г., остальные были отчислены или получали надел. Уставную грамоту за дочерей в марте 1862 г. подписал отец[1]. Но лишь в 1868 г. крестьяне сельца Степановки, Вишнёвый холм (111 рев. душ) заключили договор о выкупе со вдовой майора Анной Егоровной Дуз-Хотемирской и девицей, дочерью коллежского ассесора Екатериной Егоровной Веригиной на сумму 13 320 руб., что и утвердили в Петербурге 22 февраля 1869 г.[2]

На 1874 г. имение принадлежало Анне Егоровне Дуз-Хотемирской[3] (Семевской, во втором браке?) и девице Екатерине Егоровне Веригиной (затем в замужестве Поляковой).

Одновременно шла распродажа угодий. В списке за 1881 г. при Степановке крупные земельные владения находились в руках Н.Н. Кустовского и П.С. Листовского. Только Екатерина Егоровна Полякова сохранила 468 дес. и, можно предположить, отцовскую усадьбу. Она также была погребена на семейном участке в церковной ограде храма в селе Богородском[4]. В перечне землевладельцев Богородской волости за 1895 г. Е.Е. Полякова не значится. В то же время жена коллежского секретаря А.Г. Кустовская имела обширную усадьбу в три десятины. Возможно, остатки старой барской помещичьей застройки возле Степановки сохранялись у других владельцев. По переписи 1912 г. Кустовские тоже отсутствуют. Видимо, в начале XX в. «вишнёвая» степановская усадьба окончила свой жизненный путь.

В совр. Уфе на Бирском тракте есть Степановский поворот, откуда улица Чекмагушевская ведёт к остановкам Степановка и Садовое общество № 3. Самой деревни не существует.

А следующая деревня вверх по речке Шугуровка называлась Гладышево (она же Давыдово и Шугуровка в 1861 г.)[5], своеобразное продолжение Степановки. На 1861 г. здесь лежали владения трёх помещиков, но Ахмаметев дворовых не имел. По четыре человека дворовых людей и, соответственно, маленькие усадебки имели Писарева и Гладышев. После кончины генерал-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 609. Л. 1 и об., 4 об.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1868. 7 декабря; 1869. 26 апреля.

[3] Анна Егоровна Дуз-Хотемирская служила в Уфе начальницей женского духовного училища, уволилась в сентябре 1869 г., пользовалась хорошей репутацией (Там же. 1869. 13, 27 сентября).

[4] Уфимский некрополь. С. 37.

[5] См.: *Агеева Маргарита.* Деревни Богородской волости. С. 315–319 (раздел «Деревня Гладышева, Шугурова тож»).

лейтенанта Евграфа Ивановича Гладышева[1], в январе 1857 г. был оформлен полюбовный раздельный акт, поделивший наследство на четыре части, вся стоимость поместья (46 чел. крепостных и 440 дес.) оценивалась в 3360 руб.[2]

Вдова генерал-лейтенанта Анна Ивановна Гладышева получила законную 1/7 часть (3 чел. крепостных и 62 дес.). Дочери, штабс-ротмистрше Александре Евграфовне Писаревой[3] достались двое крепостных и 31 дес., сыну – пешей артиллерии прапорщику Константину Евграфовичу Гладышеву – 19 чел. крепостных и 173,5 дес. Последняя часть отошла несовершеннолетнему Аркадию Евграфовичу Гладышеву, интересы которого представлял опекун штабс-капитан Вячеслав Иванович Фокин. Аркадий унаследовал 24 чел. крепостных и 175,5 дес. земли.

В раздельном акте у всех четырёх наследников указано наличие усадьбы, «на том же месте». Скорее всего, фамильное поместье, какой-то комплекс жилых и хозяйственных построек, остался единым, условно будучи разделён на доли. А общая площадь под усадьбой была огромной – 15 дес. у всех четырёх.

Опекун над имением Аркадия Евграфовича Гладышева при сельце Шугуровке уже в 1862 г. сдал поместье в казну за 1650 руб. По уставной грамоте числилось две рев. души дворовых, указывались «две десятины под господскою усадьбою и выгоном», «под господскою и крестьянскою оседлостью», включая общий выгон, было 5 дес., как по раздельному акту[4].

Двое дворовых (рев. души) остались служить у А.Е. Писаревой до 1863 г. При определении границ маленького её владения упоминались мельничный пруд на Шугуровке, «а на лево выгон, усадьба и пашни господские»[5]. В 1863 г. жена штаб-ротмистра

---

[1] Генерал-лейтенант Евграф Иванович Гладышев (1780–1855) был похоронен при церкви соседнего села Богородского. Могила сохранилась, торжественно перезахоронен в 1991 г. (См.: Уфимский некрополь. С. 75, 79). В 1846 г. Е.И. Гладышев, будучи начальником 24-й пехотной дивизии, выдал доверенность на управление имением в сельце Гладышево подполковнику Афонасьеву, а в 1851 г. передал управление поместьем супруге Анне Ивановне Гладышевой (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 12 января).

[2] За покойным остался долг прапорщице Наталье Стрелковой в 600 руб.

[3] Вышла замуж в 1854 г., а 13 апреля 1855 г. у отставного штабс-ротмистра Василия Петровича Писарева и Александры Евграфовны родилась дочь Ольга, крещена 5 мая в Александровской церкви Уфы. Восприемники – генерал-лейтенант Е.И. Гладышев и вдова артиллерии поручика Татиана Александровна Писарева (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 38. Л. 17 об.).

[4] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 627. Л. 1а, 4, 5 и об., 13, 14 об., 17.

[5] Там же. Д. 688. Л. 2, 3 об., 4, 7 (соседние владельцы – прапорщик Стрелков и из дворян Алексей Иванович Аничков, уставная грамота подписана в сентябре 1862 г.).

А.Е. Писарева оформила выкуп с крестьянами (уже 21 рев. душа) за 2520 руб.[1] По всей видимости, гладышевская усадьба в Шугуровке стояла рядом с крестьянскими дворами, земли были разбросаны небольшими участками.

На 1874 г. при дер. Шугуровке сохранялись земли, видимо, вдовы Анны Ивановны Гладышевой и младшего сына Аркадия Евграфовича Гладышева, в 1895 г. дворянка Е.В. Гладышева имела два крохотных участка в 6 и 11 дес., но без усадьбы.

Во время подготовки реформы 1861 г. были выявлены ещё два дворянских владения. Некий хутор Бекбулатово (Лазарево) г-жи Лазаревой стоял безлюдный. У хозяйки вообще не имелось крепостных, ни крестьян, ни дворовых. Возможно, речь идёт о земле действительной статской советницы Варвары Васильевны Бекбулатовой, которая в 1858 г. подарила своей сестре Александре Васильевне Лазаревой землю и дворовых (они находились в селе Лавочном)[2]. Где стоял хутор, не известно.

К северу, в самых верховьях речки Шугуровки в 1861 г. имелось какое-то владение дворянки Афонасьевой под наименованием Афонасьево (Стеклянка). Двое крепостных дворовых людей, добавили составители, «находятся в г. Уфе при владелице». На 1874 г. за женой полковника Ольгой Афонасьевой[3] числилось 3 тыс. дес., а капитан Николай Афонасьев имел 460 дес.

Известный в Уфе полковник Емельян Егорович Афонасьев, командир 10-го Оренбургского линейного батальона, где музыкантом служил краевед Р.Г. Игнатьев, около дер. Турбаслов и Степановки приобрёл обширную лесную дачу в 3 тыс. дес.[4] Землю у турбаслинских башкир он купил вместе с Тимашевым, на 1861 г. было назначено размежевание приобретённых угодий. Однако, после кончины бравого полковника, обнаружился непогашенный с 1862 г. долг отставному подполковнику Н.И. Лихошерстову в 7 тыс. руб. (дача оценивалась почти в 14 тыс. руб.). В 1869 г. Уфимское губернское присутствие выставило землю

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 10 июля, 12 октября.

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 588. Л. 12.

[3] Полковник Емельян Егорович Афанасьев был женат на дочери генерал-лейтенанта Евграфа Ивановича Гладышева Ольге Евграфовне, 8 марта 1854 г. у них родился сын Александр. Восприемниками были действительный статский советник Капитон Афанасьевич Случевский и дочь генерала Гладышева девица Александра Евграфовна (Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 8 об.), затем в замужестве Писарева.

[4] С этой земли полковник Е.Е. Афанасьев «обязался навечно за себя и за своих наследников вносить на содержание Уфимской женской гимназии по ½ копейки серебром с десятины» (*Буравцов В.П.* Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа, 2013. С. 40).

наследников полковника на торги[1]. А на следующий год уже подполковник Лихошерстных давал объявление о продаже за 3 тыс. руб. лесной дачи в одной версте от дер. Гладышево под названием «Турбаслинская, Стеклянка тож»[2]. На 1881 г. наследникам Емельяна Егоровича Афанасьева при дер. Степановке принадлежали 168,5 дес.[3], остатки прежних владений.

Вообще, северная часть Богородской волости, земли совр. Черниковки, как старинный район складывания дворянского землевладения, отличалась наличием многочисленных небольших земельных владений, у хозяев которых часто не имелось крепостных. Земли либо сдавались в аренду, либо пустовали, там могли стоять какие-то строения. Установить местонахождение многих из них за отсутствием точных карт крайне сложно.

Так, в составе Богородской волости числилась маленькая деревушка Ураково, в 1917 г. входила в состав Максимовского общества, именовалась ещё Князево, Княженка. Она располагалась на восточном берегу Максимовского озера, примерно севернее коллективных садов «Берёзка-2», против Максимовки.

На 1861 г. здесь находилось поместье княжны девицы Авдотьи Алексеевны Ураковой (землю приобрела у титулярного советника Павла Ивановича Курочкина). Небольшое имение было принято в казну в 1863 г. за 1800 руб. И, видимо, стояла какая-то усадьба. Официально у княжны не было дворовой прислуги. Однако оказалось, что «из числа значащихся по ревизии в крестьянах, не пользовались наделом и отказались от оного» три души (ревизские), которые были оставлены в услужении до 1863 г. на правах дворовых. Обслуживавшие нужды барыни и давно забросившие землепашество неофициальные дворовые возвращаться на землю не пожелали.

Места в пойме реки Уфимки были лесные, неразмежёванные, почему княжна и продала часть угодий Грамотину, оказавшиеся вовсе не её собственностью, а Курочкина. Грамотин заложил землю губернскому секретарю Алексею Ефимовичу Ваганову, после чего помер. Дело дошло до суда и Сената, в 1855 г. постановили вернуть земли, которые «оказались в самовольном

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1861. 17 июня; Уфимские губернские ведомости. 1869. 1 марта. Полковник Афанасьев занимался бизнесом. В 1861–1863 гг. действовал его Турбаслинский поташный завод, на 1863–1864 гг. известен Алексеевский винокуренный завод полковника Афонасьева (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 171–172).

[2] Уфимские губернские ведомости. 1870. 11 апреля.

[3] Там же. 1881. 21 марта. Приложение.

владении» княжны Ураковой[1]. Но на 1863 г. земля (96 дес.) при Ураково (Князево) покойного коллежского советника Грамотина оставалась во владении дочери «умершего прапорщика князя Алексея Уракова» Авдотьи[2].

Рядом располагались небольшие ненаселённые владения. Так, на 2 сентября 1868 г. Уфимский уездный суд назначил торги на землю (96 дес. 546 саж., стартовая цена 322 руб.) княжны Евдокии Алексеевны Ураковой за долг губернскому секретарю Алексею Ваганову в 928 руб. Имение находилось при сельце Ураково, Князево тож, и близ дер. Максимовки[3]. Княжна Авдотья Уракова сохраняла свои угодья в 1874 г. (в казну ушла только надельная земля с крестьянами).

В пределах Богородской волости на 1861 г. существовало 20 дворянских усадеб с крепостными дворовыми людьми. Из них крупные, с числом дворовых свыше 20 чел. принадлежали: матери и сыну Тимашевым вместе (89 чел.), Егору Викторовичу Веригину (44), Александре Фёдоровне Курочкиной (41), Павлу Михайловичу Сипайлову (35), Ивану Гавриловичу Колокольцову (31), Дарье Константиновне Базилевой (22 чел.), Анне Михайловне Бардовской (20), всего 7 усадеб из 20! Близость к Уфе позволяла помещикам содержать огромные усадебные комплексы. Каждое третье поместье отличалось значительными постройками и садово-парковыми ансамблями, видимо. Для сравнения, в двух волостях Зауфимья – около 25%. Ближние пригороды Уфы отличались повышенной концентрацией крупных усадеб.

Селение	Владелец на 1861 г. / дату выкупа	Дворовых в 1861 г. (муж., жен.)	Дальнейшая судьба дореформенной усадьбы (приблизительная)
Новиковка (Валентиновка)	1. Валентин Аполлонович Новиков	5 – 5	Просуществовала до 1917 г., уничтожена в советское время
Анненское (Глумилино)	2. Михаил Михайлович Глумилин	2 – 4	Исчезла в 1870-е гг.
Загорное (Сипайлово)	3. Михаил Дмитриевич Сипайлов (и наследники)	17 – 18	Исчезла в 1870-е гг.
	4. Александра Михайловна Ка-	3 – 3	Исчезла в 1870-е гг.

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 710. Л. 8 и об., 11, 22 и об., 26, 28. Алексей Ваганов в 1853 г. купил при Ураково 244 дес. земли, «под названием луга Басаргина», от умершего коллежского ассесора Фёдора Граматина за 1400 руб. сер. (Оренбургские губернские ведомости. 1853. 14 марта).
[2] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 10 августа.
[3] Уфимские губернские ведомости. 1868. 1 июня.

	лугина		
Кособрюхово (Непейцево)	5. Сокуровы	1 – 2	Исчезла в 1860-е гг.
	6. Дарья Константиновна Базилева	11 – 11	Просуществовала до 1917 г., уничтожена в советское время
Дежнёво	7. Колокольцовы	16 – 15	Исчезла в 1860-е гг.
Волково	8. Анна Ивановна Мальковская	нет	Исчезла в 1860-е гг.
	9. Трубников	3 – 1	Исчезла в 1870-е гг.
Черниково (Анучино)	10. Черниковы-Анучины	3 – 5	Исчезла в 1890-е гг.
Никитино (Каловка)	11. Дарья Ивановна Львова	9 – 7	Исчезла в 1860-е гг.
	12. Каловские	6 – 11	Исчезла в 1880-е гг.
Михайловка (Курочкина)	13. Курочкины	18 – 23	Просуществовала до 1917 г., уничтожена в советское время
Аничково (Дмитриевское)	14. Ветошникова	2 – 6	Просуществовала до 1917 г.
Аничково (Черенково)	15. Анна Михайловна Бордовская	7 – 13	Исчезла в 1880-е гг.
Сергеевка (Белоусово, Тимашево)	16. Тимашевы (Елизавета Егоровна и сыновья)	16 – 15 27 – 31	Продана в 1870-е гг., видимо, исчезла после 1917 г.
Вишнёвый холм (Степановка)	17. Егор Викторович Веригин	23 – 21	Исчезла в 1880-е гг.
Гладышево (Давыдово)	18. Александра Евграфовна Писарева	2 – 2	Исчезла в 1860-е гг.
	19. Константин Евграфович Гладышев	2 – 2	Исчезла в 1870-е гг.
Ураково	20. Авдотья Алексеевна Уракова	нет	Исчезла в 1870-е гг.

Но даже в самой близости от губернского центра, 12 дворянских усадеб из 20 (или 60%) прекратили своё существование в два первых пореформенных десятилетия (1860–1870-е гг.). Особенностью пригородных помещиков было наличие новаторов, увлекавшихся агрономией, пытавшихся за счёт передовых технологий повысить рентабельность (Тимашев, Веригин, Новиков, затем А.И. Базилев).

Окружавшие Уфу и украшавшие ландшафт дворянские усадьбы играли, видимо, значительную роль в жизни города. Это были не только места отдыха, вокруг бывших дворянских поместий началось складывание чисто дачных посёлков. Так, из-

вестное уфимцам в начале XX в. выражение «Максютовские дачи» относилось к сдававшейся под «санаторий» усадьбе Новиковых и выстроенным поблизости новым дачам. Околоуфимские «дворцы» становились важными центрами культурной жизни, домашнее музицирование, увлечение живописью и театральными постановками собирало общественность. Возможно, именно в загородных усадьбах выходили из-под пера многие историко-краеведческие, публицистические, литературные сочинения, составившие важную часть культурного наследия Уфы.

«Дальний север»

К северу от Богородской волости раскинулись непроходимые леса с редким населением. Русская крестьянская колонизация с XVII в. плотно захватила пойму реки Белой, восточнее, по долинам небольших речек, притоков Уфимки – Изяк и Уса возникли лишь отдельные марийские деревни. Массовое освоение междуречья Белой и Уфимки началось во второй половине XIX в., когда мощный поток переселенцев из Вятской губернии, привыкших к жизни в лесных чащобах, оставил десятки больших и малых починков, деревень, посёлков, хуторов[1].

Когда со второй половины XVIII в. развернулась очередная волна дворянской колонизации, ранее уфимские «старожильцы» – дворяне, стрельцы, казаки в эти места не стремились, только единичные и очень состоятельные помещики решались приобрести здесь недорогие земли, переводить крепостных. «Подвинуть» русское крестьянство из поймы Белой было невозможно, приходилось дворянам идти в леса восточной части междуречья.

Не случайно, к 1861 г. в северной части Уфимского уезда лежали владения всего пяти помещиков, а также раскинулся огромный округ Благовещенского завода. Всем принадлежали обширные территории. Помещичье хозяйство здесь было «молодым». В отличие от Зауфимья, где нередко в одной деревушке «ютились» несколько дворян, на «дальнем севере» существовали исключительно единоличные владения.

В самой удалённой северо-восточной части Уфимского уезда на берегах маленькой речушки Чернояс, притоке Усы располагалось большое село Надёжино (совр. Старонадеждино). Здесь находилось имение князей Мустафиных (из нижегородских дворян), стояла небольшая усадьба в 1861 г., которую обслуживали 14 чел. дворовых. Хозяйством поместья управлял бурмистр.

---

[1] Краткие истории населённых пунктов см.: *Барановский А.Ю.* Благовещенский район Республики Башкортостан: связь времён. Уфа, 2016.

Ещё в 1841 г. владелец имения, князь Александр Васильевич Мустафин выстроил в селе каменную церковь во имя Воскресения Христова Святой мученицы Дарии (Дарьи). При ней с 1861 г. действовало училище[1].

На 1861 г. собственниками поместья являлись вдова полковника княгиня Дарья Александровна Мустафина и её дети, сыновья: полковник Димитрий, подпоручик Василий, коллежский регистратор Александр Александровичи Мустафины, дочери: Надежда Александровна Мустафина, коллежская ассесорша Алимпияда Александровна Стремоухова и коллежская регистраторша Сарра Александровна Панютина.

Хозяева здесь не проживали. Мать ещё в феврале 1857 г. передала управление имением сыну прапорщику лейб-гвардии Семёновского полка В.А. Мустафину. Доверенность была засвидетельствована в Лукояновском уездном суде, а копия доверенности в 1861 г. – в Арзамасском уездном суде. Княгиня жила в Нижегородской губернии. Князья Мустафины, как и Панютины со Стремоуховыми, относились к нижегородскому дворянству.

В Надёжино стояла небольшая усадьба, которую к X ревизии обслуживали 6 душ дворовых, потом троих уволили от обязательных отношений, видимо, столько обслуги не требовалось. В селе в 1862 г. был «новый пруд»[2].

В 1868 г. крестьяне села «Надежина» договорились о выкупе с князьями губернским секретарём Александром Александровичем и Дмитрием Александровичем Мустафиными. В Петербурге 25 сентября 1868 г. утвердили выкуп в 31 001 руб. 86 коп. за 1084 дес. земли[3]. Оставшуюся землю Мустафины сохраняли в 1874 г., видимо, распродавая по частям. К началу 1880-х гг. землёй владел князь А.А. Мустафин, заложив её в частном Саратовско-Симбирском земельном банке. В 1880 г. за невзнос платежей имение князя Александра Александровича Мустафина при с. Надеждино было выставлено на торги.

Во время переписи 1895 г. в Надеждинской волости были зафиксированы последние остатки некогда обширных владений. Крохотный участок в 24,06 дес. (без усадьбы) принадлежал Е.К. Коптевой, В.А. Мустафину и наследникам Воронецкой, а Е.А. Мустафина владела имением в 1450,11 дес., где имелась усадьба на площади в две десятины. Видимо, последние представители

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 80–81. Полковник князь Александр Васильевич Мустафин скончался в Петербурге 26 марта 1844 г., похоронен под алтарём церкви села Надеждино (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 109).

[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 596. Л. 2 и об., 3 об., 9–10.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 июля, 7 декабря.

рода Мустафиных жили в поместье. Княгиня Елизавета Афанасьевна Мустафина умерла 18 декабря 1899 г. в возрасте 66 лет и была похоронена на кладбище села Надеждино[1]. В начале XX в. Мустафиных уже нет среди землевладельцев.

Западнее, в верховьях р. Усы на маленьком притоке Куян-Сок лежало сельцо Фёдоровка (Мустафино). В 1861 г. она являлась центром поместья Воронецкой, одного из крупнейших в Уфимском уезде, куда также входили дер. Александровка и Новая. В Фёдоровке находилась большая усадьба, присутствовал 41 чел. дворовых, но сама владелица здесь не жила, имением по письменному приказу управлял «дворовый её человек Волков»[2].

Фёдоровка не случайно носила второе имя Мустафино. Хозяйка – Надежда Фёдоровна Воронецкая происходила из дворян Симбирской губернии, а братом её был Мустафин Александр Александрович (скорее всего, двоюродным)[3].

Если к 1861 г. всех дворовых числилось 26 ревизских душ, то затем 11 душ отпустили на волю, одного переселили в Александровку, а оставшиеся 14 душ служили до 1863 г. Сокращение штата обслуги в далёком поместье (в других деревнях дворовых не было) показывает курс Н.Ф. Воронецкой и её управляющего, московского цехового Петра Васильевича Северицына на ликвидацию обширной усадьбы[4].

Переговоры с крестьянами об условиях расторжения крепостных отношений шли несколько лет и в ноябре 1868 г. жители Фёдоровки (Князево) пришли к соглашению с действительной статской советницей Н.Ф. Воронецкой о выкупе за 24 634 руб., что утвердили в Петербурге 22 февраля 1869 г.[5] Следом в 1869 г. заключили договор о выкупе мужики дер. Новой, Пихтаревка (рядом с Усы-Степановкой), на 3295 руб. 45 коп.[6]

Помещица постепенно распродавала угодья. В 1872 г. 1050 дес. купили бывшие её крепостные из Александровки[7]. В 1874 г. г. за Воронецкой числилась земля, затем её имя исчезает из местной истории. Усадьба тогда же была ликвидирована[8].

---

[1] Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2. С. 109.

[2] Он, видимо, сменил коллежского регистратора Ивана Тютчева, который по доверенности управлял хозяйством с января 1859 по октябрь 1860 г., когда доверенность была уничтожена Московской палатой гражданского суда (Оренбургские губернские ведомости. 1860. 7 января).

[3] См.: www.ogugauo.ru/attachments/article/101/dvoryane_kupci.xls.

[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 770. Л. 2 и об., 15, 18.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1868. 7 декабря; 1869. 26 апреля.

[6] Там же. 1869. 12 июля, 27 декабря.

[7] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 777. Л. 15.

[8] Возможно, часть её земли в 1865 г. приобрёл около дер. Князевой, Фёдо-

Между большими старинными русскими сёлами Емаши и Усы-Степановка лежало огромное поместье жены гвардии штабс-капитана Александры Петровны Ермоловой с двумя деревнями. Оно тоже входило в число самых крупных по количеству крепостных в Уфимском уезде. Поместьем управлял «по доверенности Чистопольский мещанин Черепанов». У А.П. Ермоловой имелось ещё имение при селе Мурасе и дер. Ерыкле Спасского уезда Казанской губернии. Крестьян переводили оттуда, видимо и хозяйка жила в казанском поместье.

Сельцо Зимогорье (Тургенево) находилось в двух верстах от Емашей, в 16 верстах к востоку сельцо Юльино (Казино). В обоих деревнях стояли небольшие усадьбы, в Тургенево было 11 чел. дворовых, в Казино – 20 чел. По уставной грамоте в сельце Юльино, Казино тож, числилось по X ревизии 19 душ дворовых, до реформы пять было уволено. В деревне имелся поташный завод, упоминались «строения владетельницы». А уставную грамоту 13 января 1862 г. подписал за хозяйку гвардии поручик Николай Александрович Ермолов[1]. В 1863 г. крестьяне Зимогорья (118 рев. душ) перешли на выкуп за 13 562 руб. 13 коп.[2], а в 1864 г. и жители Юльино, Казино тож, (202 рев. души) за 24 240 руб.[3]

В 1874 г. упоминалось владение г-на Ермолова при с. Тургеневом, но с припиской «прод.» Скорее всего, в 1870-е гг. поместье с усадьбой было распродано.

Наконец, в списке крупнейших душевладельцев Уфимского уезда в 1860 г. состоял ещё один помещик – Василий Петрович Языков[4]. Рядышком, в верховьях речек Большой и Малый Изяк лежали две его деревни. В сельце Языково (Изяк) находился центр владений с огромной усадьбой (72 чел. дворовых). В Петровке стояла маленькая усадьба (6 чел. дворовых), хотя по ус-

---

ровка тож, Александровки и с. Надежино по реке Усе (7378 дес.) коллежский ассесор Пётр Степанович Листовский (Оренбургские губернские ведомости. 1865. 20 марта).

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 573. Л. 1 и об., 3 об., 7.

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 20 июля; 1864. 11 января.

[3] Там же. 1864. 20 июня, 21 ноября.

[4] Василий Петрович Языков, артиллерии подпоручик, Симбирский уездный предводитель дворянства (1877), род. 1829. Жена – княжна Прасковия Ивановна Гагарина, дети – Пётр (род. 22 февраля 1853) и Елисавета (род 18 марта 1854) (*Руммель В.В. и Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 791). Сын Петра Михайловича Языкова (1798–1851), известного геолога, и племянник поэта Николая Михайловича Языкова (1803–1846). После отца унаследовал знаменитую родовую усадьбу в селе Языково Симбирской губернии. В 1853 г. основал здесь суконную мануфактуру (*Петрова Т.Е., Кузина Г.Н.* Языково // «Аксаковская земля». Уфа, 2013. С. 223–226).

тавной грамоте лишь 3 рев. души дворовых остались служить до 1863 г.[1] Когда в 1866 г. за долг перед Московской сохранной казной землю подпоручика В.П. Языкова выставили на торги, то со «всяким на оной строением»[2].

В 1861 г. имение В.П. Языкова находилось под управлением опекуна, коллежского советника Петровского, «который в оном и живёт». Хозяйством же заведовал симбирский мещанин Алексей Дмитриевич Сологубов[3], который и подписал уставную грамоту 4 марта 1862 г.

В.П. Языков владел также поместьем в Симбирском уезде в селе Языково. Из 33 рев. душ дворовых 14 были переведены туда, ещё одного переселили в сельцо Ломоносовка Уфимского уезда. Под Симбирском была основная усадьба Языкова, сюда он не приезжал даже для оформления документов[4].

Подпоручик артиллерии (затем поручик) Василий Петрович Языков лишь к апрелю 1867 г. договорился с жителями сельца Языково о выкупе за 14 814 руб. 20 коп., а затем и с дер. Петровкой за 4600 руб.[5] В 1874 г. поручику В.П. Языкову при с. Изяк ещё принадлежали огромные земли (7,8 тыс. дес.), затем его имя исчезает.

Усадьба, скорее всего, в эти же годы была ликвидирована[6]. Если помещик в условиях крепостного труда был не в состоянии вести рентабельное хозяйство, то в рыночной экономике только торговля землёй или лесоразработки[7] могли приносить прибыль.

«Дальний север» Уфимского уезда показывает любопытную картину. На 1861 г. здесь из пяти владений три (!) входили в число крупнейших (свыше 100 душ крепостных) по всему Уфимскому уезду. Освоить безлюдные лесные чащобы было под силу

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 611. Л. 2.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1866. 22 октября.

[3] Он управлял владениями Языковых до 1869 г., пока Симбирская палата уголовного и гражданского суда не объявила, что все доверенности, данные артиллерии поручиком Василием Языковым и по праву передоверия женою его Прасковиею Языковой, мещанину города Симбирска Алексею Салагубову «на управление имениями, состоящими в Уфимской губернии, уничтожены» (Уфимские губернские ведомости. 1869. 15 ноября).

[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 599. Л. 1 и об., 11.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1867. 17 июля, 14 октября.

[6] Бывшее языковское имение в Удельно-Дуванейской волости в начале XX в. оказалось в руках купчихи И.А. Чижёвой. На 1912 г. ей принадлежали дом в Языково, два дома в Петровке и много хозяйственных построек (НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3209. Л. 3). Возможно, это были остатки дворянской усадьбы В.П. Языкова.

[7] В 1861–1867 гг. у помещиков Василья Языкова и Ермоловой действовали поташные заводы (Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 172).

только весьма состоятельным помещикам, которые возводили в прежде «диких» урочищах внушительные усадебные комплексы.

Правда, почти никто лично в этих поместьях постоянно не проживал. Большой штат дворовой прислуги, наверняка, предназначался для выполнения хозяйственных функций, а не для обслуживания личных потребностей семьи помещика.

Вести рентабельное хозяйство на лесных малоплодородных почвах, в удалении от транспортных коммуникаций можно было только при условии «серьёзного» занятия бизнесом. И до реформы местные дворяне этим не особенно отличались, а лишившись дарового труда крепостных все северные поместья в 1870-е гг. стремительно были ликвидированы. Уже начиналась мощная миграция вятских крестьян, возник спрос на землю и дворянские владения с былыми усадьбами исчезают.

Селение	Владелец на 1861 г. / дату выкупа	Дворовых в 1861 г. (муж., жен.)	Дальнейшая судьба дореформенной усадьбы (приблизительная)
Надеждино	1. Александр и Дмитрий Александровичи Мустафины	6 – 8	Исчезла в 1890-е гг.
Фёдоровка	2. Надежда Фёдоровна Воронецкая	26 – 15	Исчезла в 1870-е гг.
Тургенево	3. Александра Петровна Ермолова	6 – 5	Исчезла в 1870-е гг.
Казино	4. Она же	12 – 8	Исчезла в 1870-е гг.
Языково	5. Василий Петрович Языков	34 – 38	Исчезла в 1870-е гг.
Петровка	6. Он же	3 – 3	Исчезла в 1870-е гг.
Сергеевка (Богородское)	7. Пётр Иванович Сергеев	39 – 51	Исчезла в начале XX в.
Благовещенский завод	8. Дашковы	нет	Исчезла в начале XX в.

Всё это подтверждает судьба последнего из владельцев дворянских имений «дальнего севера» Уфимского уезда – Петра Ивановича Сергеева[1], который тоже имел внушительную усадьбу из двух

[1] См.: *Мордовина О.С.* Судьба инженера // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012; *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Там же; *Мордовина О.С.* Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX–XX вв. // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014; *Семёнов И.К.* История села // Там же; *Роднов М.И.* Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии нака-

особняков, немалого числа хозяйственных построек с парком и прудом и беспрецедентным числом дворовой прислуги. Судьба этого поместья и его хозяев изучена, пожалуй, лучше, чем любого иного поместья Уфимского края, а усилиями О.С. Мордовиной даже предпринята уникальная попытка реконструировать планировку помещичьей усадьбы и её внутреннее убранство. Постройки усадьбы Сергеевых простояли до советской эпохи, а их внучка Л.Н. Грунская была единственной землевладелицей из потомков дореформенных дворян, «дождавшейся» Октябрьской революции.

Но и в этом имении шли аналогичные процессы. При составлении в 1862 г. уставной грамоты П.И. Сергеев и опекун над заложенным поместьем Петровский постарались на будущее не допустить застройки крестьянскими дворами обширной господской усадьбы. Возле четырёх прудов Сергеевым были возведены хозяйственные строения «с целию сохранить оные на нещастный случай от пожаров». Крестьянскому скоту разрешался «водопой на трёх прудах», но запрещался лов рыбы и нельзя было «зимою веять хлеб на прудах». А «на улице, где построены дом священника и дьячка, и где существуют помещичьи заведения» никто не имел права селиться без согласия владельца.

С другой стороны, встал вопрос о судьбе многочисленных дворовых, которых насчитывалось 39 рев. душ (все оставались служить до 1863 г.). Для дворовых существовал отдельный посёлок в стороне от села Богородского. Барин специально оговаривался, что там, «где живут дворовые люди, из коих только один Ипполит Тимофеев может остаться в построенном ему от меня за службу его доме».

Помещик своей крайне многочисленной прислуге не отдал ничего. Дворовым «и бывшим на оброке и в домашней прислуге у помещика, не занимавшимся хлебопашеством, ни надела земляного ни права жительства на помещичьей земле в селении не предоставляется». Они могли приписаться к Богородской волости, также как бессрочно отпускные или отставные солдаты. П.И. Сергеев давно уже не проживал в селе Богородском и часть прислуги была переведена на оброк.

Расположенное на западе, близ пристаней реки Белой, на плодородных почвах, под управлением «передового» помещика-инженера П.И. Сергеева, владельца пароходов и проектировщика железных дорог, поместье в Богородском также приходилось распродавать (в 1871 г. с публичных торгов в Московской со-

---

нуне 1861 года (имение П.И. Сергеева) // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2014; а также публикации в прессе.

хранной казне какую-то долю приобрёл живший в Москве корнет В.А. Широбоков)[1].

Большую часть земли за долги П.И. Сергееву пришлось уступить в руки Вениери. Николай Петрович Вениери в 1851 г. занимал должность начальника округа Таможенного управления по Оренбургской губернии, это был главный таможенник края, руководивший всей пограничной торговлей со Средней Азией. В 1874 г. дворяне Иван и Александр Вениери имели при селе Богородском 2,5 тыс. дес., в 1881 г. Александру Николаевичу Вениери оставалось лишь 350 дес. Дети таможенника тоже быстро стали торговать землёй, распродав все владения.

Но родовое поместье при селе Богородском потомки П.И. Сергеева сохранили и, когда в 1900 г. последний владелец имения Пётр Николаевич Осипов вёл переговоры с Дворянским банком о залоге (разрешена ссуда в 80 100 руб.), составили опись построек. На сентябрь 1900 г. почти все, как указал банковский оценщик, были старые, в 1898 г. отапливались только дом с флигелем, баня, казарма для рабочих, контора, прачешная и сушилка. Центром поместья оставался большой дом, который «существует 80 лет и перестроен». Рядом находился флигель, выстроенный 14 лет тому назад, то есть около 1886 г.[2]

Сравнение с реконструкцией усадьбы, выполненной О.С. Мордовиной, показывает, что к 1900 г. сохранился жилой дом П.И. Сергеева, возведённый примерно в 1840-е гг. По приблизительным измерениям он был длиной в 30 метров, по описи за 1900 г. длина его составляла 12 сажен (= 2,13 м) или 25,6 м.

Первоначальный барский дом, построенный в самом начале XIX в., уже не значится в описи. Видимо, на его фундаменте был возведён флигель, более лёгкое жилое помещение (если дом был оценен в 8 тыс. руб., то флигель в 4 тыс. руб.). Следующая таблица показывает строения на старинной усадьбе Сергеевых / Осиповых, которая из жилого комплекса превратилась в чисто хозяйственный центр.

№	Постройка	Стены, крыша	Размер (саж.) длина / ширина / высота
1	Дом	фундамент каменный, стены деревянные, крыша железная	12 х 6 и 8 х 2
2	Флигель	то же	10 ½ х 3 х 1 2/3
3	Баня	стены бревенчатые, крыша тесовая	3 х 3 х 1 1/3

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 729. Л. 2 и об., 3, 8 и об., 9, 10 об., 23, 24.
[2] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1535. Л. 1 об. – 2, 10 об. – 11.

4	Конюшня	деревянные / лубовая	7 ½ x 2 2/3 x 1
5	Каретник и конюшня	деревянные / тесовая	14 ½ x 3 x 1 1/3
6	Сарай	то же	5 x 3 x 1 1/3
7	Амбар	то же	6 ½ x 3 x 2
8	Коровник	то же	5 x 3 x 1 1/3
9	Казарма для рабочих	то же	7 ½ x 3 x 1 1/3
10	Контора	то же	8 1/3 x 3 x 1 1/3
11	Прачешная	то же	8 ½ x 3 x 1 1/3
12	Сушилка	фундамент каменный, то же	5 x 3 x 2
13	Амбар	то же	11 ½ x 4 ½ x 2
14	Сарай для скота	деревянные / тесовая	15 и 20 x 3 x 11/3
15	То же	то же	9½ и 15 x 3 x 11/3
16	Сарай	то же	6 x 3 x 1 1/3
17	Амбар	то же	8 2/3 x 3 x 1 2/3

Источник: ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1535. Л. 10 об. – 11.

Хозяйство в имении велось, осенью из Петербурга приезжал владелец, чтобы продать собранный урожай. Последний хозяин, Пётр Николаевич Осипов, бережно относился к родовому гнезду и не желал «включать постройки в оценку», то есть барская усадьба с храмом и семейными захоронениями не входила в состав земель, заложенных в Дворянском банке.

А усадьба сохранялась обширная, к сентябрю 1900 г. занимала площадь в 12 дес. Там располагались многочисленные строения. «Постройки уже стары, кроме сушилки и флигеля, построенных в 1898 году, но они находятся в довольно хорошем состоянии кроме двух сараев ветхих». На усадьбе держали большое стадо (26 лошадей, племенной бык, 12 волов – редкость для Уфимского уезда, 37 коров и телят, 48 свиней с приплодом), хранился сельскохозяйственный инвентарь, включая жатвенную машину Мак-Кормика, шестиконную с приводом молотилку, телеги и дровни.

Огромная барская усадьба была уже не нужна и владельцы часть земли сдавали крестьянам под застройку. Банковский оценщик подробно изучил ситуацию. «В состав усадебной земли входят господская усадьба с садом, пространство под церковью, улицы в селе, а также крестьянские усадьбы и огороды, находящиеся на владельческой земле.

Распределение усадебной земли следующее: 1) под господскою усадьбою вместе с принадлежащими владельцу улицами в селе – 33 д. 961 с.

2) под крестьянскими усадьбами, строениями и огородами на земле П.Н. Осипова – 19 дес. 1439 с.[1]

3) Крестьяне платят владельцу по 1 коп. за каждую квад-

[1] Эти земли входили в состав вышеуказанных 33-х десятин.

ратную сажень в год и кроме того по 80 коп. за амбар и по 30 коп. за баню».

Всего П.Н. Осипов сдавал жителям села Богородского 8 усадеб размером по 400 кв. саж. (итого 1 дес. 800 саж., ежегодная плата 32 руб.), ещё 13 больших усадеб по 1200 кв. саж. (6 дес. 1200 саж., 156 руб.) и 37 маленьких усадеб в 300 кв. саж. каждая (4 дес. 1500 саж., 111 руб.). Крестьяне брали землю в зависимости от состояния кошелька.

Кроме того, за 56 огородов на площади в 5 дес. 339 саж. помещик получал 123 руб. 39 коп. годовой платы, за 60 амбаров и 48 бань (2 дес.) ещё 48 руб. и 14 руб. 40 коп. Общий доход помещика от сдачи сельчанам земли составлял 484 руб. 79 коп.

Изначально, как установила О.С. Мордовина, между барской усадьбой и селом лежала лесопарковая зона с прудом, где выстроили церковь. Это пространство должно было отделять дворянский мир от крестьянского. В начале XIX в. даже дорога из села Богородского в усадьбу шла кругом, чтобы оба мира соприкасались минимально.

Когда поместье П.И. Сергеева и его наследников приобрело утилитарно-хозяйственное назначение, дворянская семья здесь жила или наездами летом, или вообще отсутствовала, смысла в сохранении нейтральной, разделительной территории не стало. В первую очередь последняя и стала заниматься крестьянской застройкой, но права собственности оставались у владельцев.

Ближняя, непосредственно примыкавшая к главному дому территория усадьбы оставалась нетронутой, если не считать многочисленных хозяйских строений, видимо, как и раньше, стоявших сзади барского особняка. Возле комплекса построек протекала небольшая речка, сохранялись «около самой усадьбы два больших пруда»[1]. В описи нет никаких сведений о доходах с огорода или сада. Из-за отсутствия владельцев в поместье перестали выращивать овощи, а сад / парк в основном состоял из дикорастущих деревьев.

Наконец, в северной части Уфимского уезда находился огромный горнозаводской округ с центром в Благовещенском медеплавильном заводе, основанном ещё в XVIII в. Никто, правда, из владельцев этого предприятия в самом заводе никогда не проживал[2]. На момент отмены крепостного права, у владелицы Елизаветы Васильевны Дашковой (урожд. Пашковой, 1809–1890)[3] ни в самом Благзаводе, ни в прилегающих слободах Ди-

---

[1] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1454. Л. 9 и об., 15 об., 16 и об., 17 и об.

[2] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. I. Уфа, 1985. Гл. XV.

[3] Договор о выкупе с Потешинским обществом Благовещенского завода (80

митриевской (Резановка) и Николаевской (Семёновка) дворовых людей вообще не имелось. Следовательно, «обитаемой» усадьбы, куда хозяева приезжали хотя бы на летнее время, не существовало. Дворовые у Е.В. Дашковой накануне Великой реформы зафиксированы лишь в сельце Бугульчан (13 муж., 15 жен.)[1], далеко на юге, в сторону Оренбурга. Да и то, скорее всего, это была дворовая прислуга, оставшаяся от прежних владельцев.

Унаследовавшие завод сыновья Дмитрий (1831–1901) и Андрей (1833–1904) Дмитриевичи Дашковы получили также родовое поместье в Спасском уезде Рязанской губернии, где проживал старший из братьев. Оба весьма критически относились к правящей власти, не служили, почему, видимо, младший и перебирается на постоянное жительство в Благовещенский завод.

В 1870-е гг. из Рязанской губернии сюда переезжает и Дмитрий Дмитриевич[2]. В 1861 г. он окончил курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, служил три трёхлетия гласным рязанского земства[3], увлекался литературой. Кроме статей в «Журнале министерства народного просвещения», «Учителе», «Современной летописи», «Беседах в обществе любителей российской словесности», «Голосе», «Беседе» (С.А. Юрьева), «Вестнике Европы» и др.[4], выпустил ряд работ в виде небольших брошюр[5].

рев. душ) 23 октября 1868 г. на сумму 7306 руб. 66 коп. был заключён от имени действительной статской советницы Елизаветы Васильевны, кандидата университета Дмитрия и коллежского регистратора Андрея Дмитриевичей Дашковых (Уфимские губернские ведомости. 1868. 7 декабря). То есть собственность официально числилась за матерью и сыновьями.

[1] *Кречетович И.П.* Указ. соч. С. 623.

[2] На 1873 г. коллежский секретарь Дмитрий Дмитриевич Дашков являлся гласным Рязанского губернского земского собрания от Спасского уезда, членом губернской земской управы, Спасским уездным предводителем дворянства, гласным от землевладельцев Спасского уездного земского собрания, почётным мировым судьёй, членом от земства в Спасском уездном училищном совете (Справочная книжка Рязанской губернии на 1873 год. Рязань, 1873. Отдел I. С. 16, 17, 106, 110, 113, 114).

[3] Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады Рязанскому губернскому земскому собранию за 1869–1875 гг.: С приложением статьи Дашкова «Дворянство и народ» / Под ред. и с предисл. кн. Н.С. Волконского. Рязань, 1903.

[4] http://baza.vgdru.com/1/6304/.

[5] *Дашков Д.Д.* Несколько слов о проекте устава низших и средних училищ. СПб., [1861]; *Он же.* Стихи и сказания про Алексия, божия человека. М., [1868]; *Он же.* Несколько слов о положении начальных народных училищ 14 июля 1864 года. М., 1871; *Он же.* Каких учительских семинарий нам не нужно. М., 1872; *Он же.* О мерах к поддержанию медного производства на южном Урале. Записка владельца Благовещенского завода Д.Д. Дашкова. СПб., [1884]; *Он же.* Курсы для взрослых. Рязань, 1889. У них имелась об-

Либеральные заводчики занимаются благотворительностью, пытаются вводить различные хозяйственные улучшения[1]. По всей видимости, именно в этот период возле внушительного комплекса заводских построек создаётся жилая господская усадьба в Благовещенском заводе.

Хотя оба брата так и остались холостяками, привыкшие к роскоши столичные аристократы устраивают себе комфортабельное жильё, тем более решив обосноваться здесь насовсем. Ссыльный С.Я. Елпатьевский вспоминал, как в 1880 или 1881 г. Д.Д. Дашков «велел принести из подвала бутылку старого какого-то мудрёного, фалернского вина»[2]. Кроме того Дашковы перевезли в Благовещенский завод обширную семейную библиотеку, которая, наверняка, занимала отдельную комнату[3].

Без сомнения, в Благзаводе издавна существовал усадебный комплекс, где проживали управляющие заводом и другая администрация. Наверняка, там обосновались братья Дашковы.

Сохранилось подробное описание поместья, выполненное в 1901 г. служащими Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка[4]. После кончины старшего, младший брат – Андрей Дмитриевич, тоже уже весьма пожилой, предпринял попытку ликвидировать заводской округ.

Постройки раскинулись на площади 75 дес., «кроме усадьбы, где живут владельцы», включали 4 хутора, два пчельника, мельницы, пильные заводы, здания для механической мастерской, кирпичные заводы и склады для разных запасов, пять плотин на двух реках общей стоимостью до 400 тыс. руб.[5]

В самом Благзаводе в 1901 г. стоял господский каменный дом о 12 комнатах со всеми удобствами и бывший старый деревянный дом, семикомнатный, крытый железом[6]. То есть, рядом с прежним деревянным зданием Дашковы выстроили около

ширная библиотека, см.: Каталог книг пожертвованной Дашковым библиотеки. Уфа, 1908; *Ксенофонтова И.А.* Книжные памятники из коллекции Дашковых // Археография Южного Урала: Актуальные проблемы архивного дела в современном мире / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 2016.

[1] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 106–107.

[2] Там же. С. 108–109.

[3] См.: *Гезикова А.Н.* Редкие коллекции в фондах Национальной библиотеки Республики Башкортостан // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект / сост. А.Р. Бикбулатова, отв. ред. А.М. Фатхутдинова. Уфа, 2016.

[4] Многочисленные хутора и постройки Дашковых, в том числе усадебное место при р. Белой, указаны в списке населённых мест за 1896 г.

[5] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2932. Л. 1, 3, 4.

[6] Здесь и далее: «Краткая опись построек в имении гг. Дашковых в с. Благовещенский завод» (Там же. Д. 2933. Л. 15–17 об.).

1870-х гг. новый комфортабельный барский дом. Судя по краткой описи построек за 1901 г., которые фиксировались от центрального дома, можно выделить три группы жилых и хозяйственных зданий: при жилой усадьбе (для хозяев и домашней прислуги), для администрации и обслуживающего персонала, непосредственно фабричные строения.

Сразу за двумя господскими особняками шли двухэтажный каменный дом, крытый железом, «каменное под деревянной крышей здание, с помещением садовника и кладовой», деревянные жилой дом и баня на (каменном) фундаменте, крытые железом. Затем стояли такие же на фундаменте и под железной крышей две кладовых с погребами. Далее возвышался двухэтажный полукаменный дом под железной крышей (второй этаж, наверняка, деревянный). Рядом имелся каменный подвал для овощей и над ним амбар рубленый под железной крышей.

Заканчивал описание непосредственно жилого комплекса в 1901 г. банковский оценщик тремя каменными оранжереями и теплицами. Значит, тут же раскинулся сад с огородом, прогулочными аллеями. Садово-парковый ансамбль, скорее всего, был молодой, заведённый самими Дашковыми с 1870-х гг. Вряд ли при старой деревянной 7-комнатной усадьбе, где проживали временные управляющие (в 1861 г. делами руководили заводской служитель и иностранец Тромпет), для последних разбивали сады. Хватало огородных грядок.

Из-за ограниченности пространства усадебный комплекс Дашковым пришлось встраивать в плотную хозяйственную и жилую застройку, но владельцы Благовещенского завода сумели решить проблему. Сохранилось описание усадьбы Дашковых во время распродажи поместья в 1907 г.

Современник отмечал, что «невдалеке от заводского здания расположена и усадьба самих владельцев завода г.г. Дашковых, [...] эта усадьба с её дивными теплицами и цветниками и с её прекрасным фруктовым садом, спускающимся к р. Белой, представляла собою чудный уголок». Помещики сумели использовать особенности рельефа местности, Благовещенский завод стоит на высоких холмах, круто обрывающихся к реке.

Выделялся богатый «Дашковский фруктовый сад», в основном состоявший из яблонь и вишен. В саду и располагались оранжереи, они когда-то, блистая «редкостными деревьями [персики] и благоухая цветами, ласкали и удивляли взор посетителя». Кирпичные теплицы оранжерей закрывались стеклянными рамами, специальные трубы являлись частью системы отопления. В саду выращивалась красная и чёрная смородина, видимо, другие кустарники, а также различные цветы-

многолетники. В конце лета 1907 г. «большинство растений было вырыто с корнем и увезено из сада купившими их». Сразу за садом стояли конюшни, курятники и иные строения. Наверняка, братья Дашковы «вписали» сад с оранжереями в ранее существовавший хозяйственный комплекс, возможно, перенеся часть построек на окраины завода (на Андреевский хутор и пр.).

Для общественных нужд Дашковы возле пруда разбили «сад для народных гуляний». Ограждённые забором с калиткой, «правильные берёзовые аллеи», пересекавшие сад, в начале XX в. состояли уже из кудрявистых и развесистых берёз. В лучшие времена имелись кегельбан, играла музыка, «сад наполнялся людом, пришедшим в него отдохнуть»[1].

Следом в описи построек за 1901 г. шли чисто хозяйственные строения: 1) конный двор при господском доме (там, наверняка, держали породистых лошадей для выезда самих Дашковых), 2) жилой дом на фундаменте и крытый железом, 3) рубленая конюшня, крытая деревом, на 14 стойл, и два каретника, 4–5) две конюшни деревянных, крытых дранкой, 6) амбар и навес на столбах, крытые железом, 7) жилой дом, крыт деревом, 8) сарай и навес для скота, крыт дранью, далее помещения для служащих и «разных приставников» на отдельных усадьбах. Завершали хозяйственный комплекс каменный дом (крыт железом), шесть деревянных домов на фундаменте (крыты железом), при них все хозяйственные удобства, погреба, бани и пр. Затем стояли четыре избы (крыты деревом) и, наконец, крытая деревом конюшня (больница) для лошадей. Вместе с этой ветеринарной службой весь комплекс строений охватывал от 21 и свыше строений разного размера. Немалое число зданий на каменном (кирпичном) фундаменте и крытых дорогостоящим железом свидетельствует о внимании Дашковых к исправному содержанию конского поголовья и обслуживающего персонала, часть которого, видимо, здесь и проживала.

Далее в 1901 г. оценщик из Крестьянского банка регистрировал уже заводские строения, центром коих являлось «громадное каменное двух-этажное здание», а в нём контора, слесарная, столярная, литейная, сборная, малярная, пять складов, магазин (склад) железа, магазин разных вещей, прежнее помещение медеплавильного завода и помещение трёх «тюрбин»[2].

Заводские и сельскохозяйственные строения раскинулись

---

[1] *Рцы.* Без призора // Уфимский край. 1907. 26 августа.

[2] В 1890-е гг. плавка меди почти прекратилась, здесь выпускали чугунные отливки, изготавливали стальные и железные изделия. Нерентабельное производство закрывалось (История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. I. Уфа, 2006. С. 207).

возле самого двухэтажного корпуса[1], были разбросаны по различным частям посёлка Благовещенского завода[2], находились у Красного моста[3], на Андреевском хуторе[4], на Дмитриевском хуторе[5], на Шерешлинском хуторе[6], на Гавриловском хуторе (пчельнике)[7], на пчельнике за Андреевским хутором[8], при трёхпоставной Дмитриевской мельнице[9], а также Дашковым при-

---

[1] Два деревянных сарая, крытых железом, для лесных материалов, деревянное здание с навесом (крыто железом) для локомобиля и круглой пилы, сарай (крыт железом) для другой круглой пилы, деревянное здание (крыто железом) для парового молота и кузница, склад алебастра и караулка, два кирпичных завода с тремя калильными печами (приблизительной производительности 400 тыс. штук кирпича).

[2] Корпус деревянных лавок на базарной площади (сдавался в аренду), мельница нижняя и пильная, 3-хэтажное деревянное здание под мельницей с металлическими приводами о трёх поставах в столбах (на каменном фундаменте, крыта железом) с рубленым амбаром для муки, здание рубленое под железной крышей, где помещалась тюрбина, здание под железной крышей из (силикатного?) кирпича с помещениями для людей с мельницы, сарай (крытый железом) с водяной пилой, мельница верхняя сложная с металлическими приводами о трёх поставах, крытое железом каменное здание, в котором помещалась мельница с тюрбиной, сушилка для хлеба (частью каменная, частью же крытая железом), элеватор для хлеба на 30 000 пуд. (деревянный, обитый кругом железом) с подъёмами для хлеба и с архимедовыми винтами для передвижения его, два деревянных дома (крыты железом) для приказчика, мельника и помольщиков.

[3] Два деревянных дома для рабочих (большой крыт железом), баня для рабочих, сарай с деревянной крышей для сельскохозяйственных орудий и машин, сарай для скота.

[4] Три деревянных дома (крыты железом), четыре крытых деревом деревянных же дома, два саманных дома (крыты железом), каменное здание (крыто деревом) молочной и при нём ледник и амбар, два амбара для хлеба (первый крыт железом, второй – деревом), свинарник в столбах (крыт «сдирками»), конюшня на 80 лошадей (крыта деревом), конюшня и каретник (крыты дранью), телятник столбовой (крыт дранью), три сарая на столбах для рогатого скота, два надземных подвала для картофеля, изба для столярной (крыта деревом), две бани, навес для сельскохозяйственных орудий и машин.

[5] Три деревянных дома (крыты деревом), четыре деревянных сарая в столбах для лошадей, деревянный амбар (крыт деревом), навесы, баня.

[6] Два деревянных дома (крыты дранью и сдирками), четыре сарая в столбах для скота, навесы, баня.

[7] Два дома для пчеловода и рабочих (крыты дранью и сдирками), омшанник каменный, крытый железом, деревянный амбар (крытый «сдерками»), баня.

[8] Дом деревянный для пчеловода, омшанник в столбах (крыт сдерками), навес.

[9] Сложная, с элеватором и металлическими приводами. Здесь находились деревянное мельничное здание на фундаменте (крыто железом), саманный дом (крыт железом), баня.

надлежал различный сельскохозяйственный инвентарь, включая два локомобиля в 7 и 12 сил.

После кончины А.Д. Дашкова огромное поместье досталось племяннице – княгине Екатерине Адамовне Радзивилл (урождённой Ржевусской)[1]. Последняя владелица сразу приступила к распродаже земли местным жителям и переселенцам. Уже в 1907 г. доверенный Фёдор Александрович Головинский (Уфа, ул. Губернаторская, 14) сообщал в губернскую землеустроительную комиссию, что все угодья распроданы, остались лишь участки под заводами и населением Благзавода (усадьбы), включая причт «старообрядческой молельной»[2].

На 1906 г. расположенные на огромной площади в 118 дес. 1217 саж. постройки, предприятия и господский дом с несколькими прилегающими зданиями, службами и различными строениями были застрахованы на 140 тыс. руб.[3]

Княгиня Е.А. Радзивилл не случайно торопилась с распродажей земли. Ещё 22 марта 1903 г. Санкт-Петербургский окружной суд выписал исполнительный лист на арест её имущества за долг в 10 тыс. руб. перед прусским подданным Августом Бехтером. Как только Екатерина Адамовна унаследовала Благовещенский завод, судебные органы тут же взялись за взыскание задолженности и 28 ноября 1906 г. пристав Уфимского окружного суда Боровский по исполнительному листу из Петербурга проводит опись имущества в Благовещенском заводе[4].

Всего насчитывалось 65 построек (полный текст описи приводится в приложении), а центром барской усадьбы в Благовещенском заводе был «Господский дом каменный крытый железом одноэтажный, имеет в длину сорок четыре (44) арш., в ширину двадцать два (22) аршина и в вышину семь (7) арш. Комнат в нём двенадцать. К этому дому примыкает деревянный старый господский дом, на каменном фундаменте, крыт железом, длиною двадцать четыре и три четверти (24 ¾) арш., шириною двадцать три с половиною арш. (23 ½) и высотою шесть аршин. В нём пять комнат».

Отметим, что судебный пристав два господских дома, старый и новый, описал под единым номером. Очевидно, когда Андрей Дмитриевич Дашков прибыл на жительство в Благзавод, пред его взором предстал деревянный одноэтажный дом 17,6 х 16,7 метров, почти квадратный, высотой в 4,3 метра. Несураз-

---

[1] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. С. 386.
[2] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3097. Л. 8.
[3] Там же. Д. 3096. Л. 3, 21 (Л. 4 – подробная опись построек).
[4] Там же. Д. 3098. Л. 1–2 об.

ный с точки зрения усадебного жилья, маленький квадратный дом из пяти комнат, явно никак не предназначался для проживания дворян-владельцев, сюда селили управляющих.

Более того, для нового комфортабельного жилья даже места почти не было. Дашковы строят новую усадьбу впритык к старой, так что пристав Боровский воспринял их как две части единого жилья (возможно, были проделаны переходы). Новый, более высокий дом о двенадцати комнатах размером 31,2 х 15,6 метров уже соответствовал классическим канонам русской дворянской усадьбы, имел растянутую с фасада, наверняка, парадную часть. Видимо, строительство второго усадебного здания вызвало перепланировку всего окружающего пространства.

Тем более, что рядом стоял ещё один большой жилой особняк. Под порядковым номером два значится: «Дом каменный двухэтажный на таком же фундаменте, крыт железом, длиною тридцать восемь с половиною (38 ½) аршин, шириною двадцать четыре (24) арш. и в высоту двенадцать (12) арш. Комнат в доме четырнадцать, в том числе прихожие и кухни».

Оба жилых (кирпичных) дома сохранились, в первом, одноэтажном сейчас располагается музей.

Братьев было двое. И два холостяка имели каждый своё собственное жильё. Более точные сведения за 1906 г. показывают, что рядом стоял второй почти такой же большой двухэтажный вдобавок дом размером 27,3 х 17 метров.

Какой был выстроен сначала? Можно предположить, что приехавший первым в Благзавод А.Д. Дашков построил для себя отдельный особняк в два этажа с прихожими и кухнями, большими площадями под нежилыми помещениями. Второй брат, Д.Д. Дашков, более склонный к оппозиционному народничеству с его бытовой непритязательностью, приезжает в Уфимский край позже и, видимо, пристраивает к старому дому, который всё-же посчитал не подходящим для жилья, ещё один особняк. Места вокруг для отдельного здания уже не было, всё застроено. Но, может быть, всё происходило наоборот.

На мысль о плотности застройки на усадьбе наводит наличие весьма больших оранжерей, одна размером 37 х 7, вторая – 29,8 х 5,3 метра. Возможно, владельцы компенсировали нехватку садового пространства искусственным разведением цветов, декоративных и ягодных культур.

Ликвидация такого огромного количества строений, часть была приобретена земством, пока не ясна в деталях, но дворянская усадьба в Благовещенском заводе, выстроенная на основе прежних административных зданий, возникла поздно и просуществовала недолго, с рубежа 1860–1870-х гг. до начала XX в.

Возникшая уже в пореформенный период последняя дворянская усадьба на севере Уфимского уезда полностью подтверждает общие тенденции. Заложить внушительный жилой комплекс сумели только очень богатые помещики, в данном случае владельцы медеплавильного завода и рязанского имения. Но и они не смогли долго просуществовать. Лишь огромные богатства Дашковых протянули агонию устаревшего производства, а перейти к рыночным методам хозяйствования даже либеральные критики самодержавия не сумели.

Хотя сама жизнь подсказывала выход. Бурное освоение земель Башкирии, никогда не знавших плуга, породило спрос на сельскохозяйственную технику. И в конце 1867 г. знаменитый редактор и пропагандист агрономии Ф.А. Баталин отмечал: «Так только недавно мы узнали, что механическое заведение для изготовлени[я] сельскохозяйственных машин существует при Благовещенском заводе её высокопревосходительства г-жи Дашковой (уфимского уезда; адресс: чрез г. Уфу, на завод) и что ежегодное производство уже простирается до 30 000 руб.»[1]

В дальнейшем знаменитые «уфимки» – недорогие, простые и надёжные веялки, а также иная сельскохозяйственная техника в больших количествах выпускалась в Благзаводе. Но в основном местными предпринимателями и кооператорами. Братья Дашковы же завозили в холодные края буйволов, мучились с выращиванием каких-то южных ягод, баловались прочими забавами с акцентом на традиционное дворянское увлечение агрономией. В 1894–1900 гг. Д.Д. Дашков возглавлял Уфимский отдел Московского общества сельского хозяйства.

Развивать современное промышленное производство можно было только при условии свободы предпринимательской инициативы, что, видимо, понимала их матушка Е.В. Дашкова, проживавшая вдалеке от Благзавода и предоставившая, скорее всего, всю инициативу местным управленцам.

А вот приехавшие сюда и поселившиеся братья А.Д. и Д.Д. Дашковы взяли бразды правления в свои высокоучёные руки и… критиковать самодержавие оказалось легче, чем наладить бизнес. Производством сельхозтехники занялись бывшие крепостные. В более суровых северных климатических условиях «бизнес по-барски» быстрее себя изживал, чем на южных плодородных чернозёмах. Рентабельность здесь была значительно ниже и даже самые крупные дворяне-помещики разорялись быстрее.

---

[1] Земледельческая газета (СПб.). 1867. № 48. 2 декабря. С. 858.

Заключение

Таким образом, в восточных и северных волостях Уфимского уезда, в нечернозёмной, лесной зоне, где начинались предгорья Уральского хребта, положение дворян-землевладельцев в пореформенный период было в принципе одинаково. Из 95 имений, где были усадьбы с дворовой прислугой, за первые два десятилетия после отмены крепостного права (1860–1870-е гг.) исчезло 62 поместья, или 65% от общего количества. В 1900-е гг. в Зауфимье и к северу от города сохранилось только 12 старых, дореформенных поместий (13%).

Число дворянских усадеб Уфимского уезда с крепостной прислугой, исчезнувших (последняя дата существования)

Волость, всего усадеб	в 1860-е гг.	в 1870-е гг.	в 1880-е гг.	в 1890-е гг.	существовали в XX в.
Иглинская (38)	17	12	2	5	2
Нагаевская (29)	9	7	6	3	4
Богородская (20)	5	7	3	1	4
«Дальний север» (8)	–	5	–	1	2
Итого (95)	31	31	11	10	12

Даже в ближайших к Уфе волостях (Богородская и Нагаевская), фактически являвшихся уже пригородами, процесс разорения и распродажи дворянских поместий в 1860–1870-е гг. имел такие же внушительные масштабы. Попытки отдельных уфимских помещиков заняться внедрением передовых агротехнологий, повысить рентабельность своих хозяйств (Тимашев, Новиков, Веригин, Сипайлов) закончились полным крахом.

Приспособиться к чисто рыночным отношениям сумели буквально единицы дворян-помещиков. В многоземельном крае, а в лесных волостях свободных площадей было более чем с избытком, цены на землю и так стояли низкие, когда же свои угодья в 1860-е гг. выставили на продажу башкиры-вотчинники, казна, удел, да и сами помещики, цены рухнули. Дворяне шли на всевозможные уступки лишь бы побыстрее уговорить вчерашних крепостных перейти на выкуп и получить гарантированные платежи (пусть и с рассрочкой), опасаясь, что крестьяне просто уйдут на свободные земли. К началу 1870-х гг. практически все крепостные крестьяне здесь оформили выкупные сделки.

Во второй половине XIX в. на Южном Урале стремительно развивалось торговое земледелие. Бывшее барщинное зерновое хозяйство на серых суглинках и супесях лесной зоны Уфимского уезда оказалось неконкурентоспособным в условиях наплыва дешёвого и качественного зерна из степных волостей с плодо-

родными чернозёмами.

Отсутствие железнодорожного сообщения (до 1888 г.) сдерживало наплыв крестьян-переселенцев, которые, в первую очередь из Вятской губернии, хлынули в эти края с 1870-х гг. Возник спрос на землю, начали расти цены, но к тому времени абсолютное большинство помещиков Зауфимья и Севера уже разорились. Отметим крайне слабое использование здешними дворянами финансовых инструментов (залог земли, кредиты).

В первую очередь разорение охватило мелких и мельчайших помещиков, среди которых было немало потомков служилого уфимского дворянства XVII в. (включая однодворцев). Некоторые опускались, «омужичивались», владения других превращались в обычные загородные дачи.

На процесс ликвидации дворянского землевладения и гибель помещичье-усадебного мира в пореформенный период самым серьёзным образом повлияло отсутствие финансовых ресурсов для перестройки хозяйства на капиталистический (предпринимательский) лад. У мелких и средних помещиков размеры выкупа были просто невелики, их хватало в лучшем случае на поддержание прежнего уровня жизни в течение нескольких лет.

Наконец, сам характер выкупной операции, когда дворяне получали не наличные деньги, а ценные бумаги, которые надо было уметь реализовать, которые государство обналичивало постепенно, приводил к тому, что на руках у землевладельцев денег практически не было. В условиях слабого развития местного финансового рынка (в Уфе отделение Госбанка откроется в 1865 г., а первого частного Волжско-Камского банка – в 1873 г.) дисконт при приёме выкупных свидетельств доходил до 17,5% в контролируемом дворянской элитой благотворительном Уфимском попечительном о бедных комитете. Какие условия выдвигали ростовщики, можно только догадываться.

Лишённое оборотных средств дворянство не могло перестроить зерновое производство (единственную тогда рыночную отрасль сельского хозяйства), даже в самых крупных поместьях.

Число крупных (от 20 чел. дворовых) дворянских усадеб с крепостной прислугой, исчезнувших (последняя дата существования)

Волость, всего усадеб	в 1860-е гг.	в 1870-е гг.	в 1880-е гг.	в 1890-е гг.	существовали в XX в.
Иглинская (7)	–	3	1	2	1
Нагаевская (9)	1	2	3	1	2
Богородская (7)	1	2	2		2
«Дальний север» (5)	–	3	–	–	2
Итого (28)	2	10	6	3	7

Хотя массовое разорение и ликвидация усадеб в крупных поместьях (Тимашевы учтены как одно имение) было «сдвинуто» чуть позднее, на 1870-е гг. и далее, общая картина почти не изменилась, 12 из 28 латифундий на востоке и севере Уфимского уезда, или 43% (у всех помещиков – 65%), прекратили своё существование в первые два пореформенных десятилетия.

Лишь каждое четвёртое крупное дореформенное поместье встретило новый двадцатый век, хотя часто сохранившиеся усадьбы превращались просто в загородные дачи представителей богатых дворянских родов, которые имели средства содержать милые сердцу фамильные «гнёзда».

При изучении процесса разорения пореформенного дворянства необходимо обращать внимание на ментальность благородного сословия, учитывать личностный фактор. Вообще для экономики типично, что бизнес гибнет на третьем поколении. Приведённый выше генеалогический материал показывает практически полное отсутствие потомственных аграриев, хозяйственников-землевладельцев во втором или третьем поколениях. Способностями к бизнесу отличался К.К. Тимашев, его сын Н.К. Тимашев увлёкся сельским хозяйством, но с его кончиной большое поместье было ликвидировано.

Все показанные уфимские агрономы-новаторы – это одиночки-энтузиасты, ни у кого не оказалось наследников. Дворяне-новаторы представляли собой исключение из общей массы, не было социума аграриев-практиков, у большинство преобладал бизнес «по-барски», когда образованная элита поверхностно разбиралась в сельском хозяйстве и предпринимательстве, часто поручая ведение дел наёмным менеджерам. В отличие от нарождавшегося фермерства, представлявшего собой именно массовую социальную группу, непрерывно воспроизводившую всё новых хозяйственников, для которых занятие аграрным производством было главным и единственным содержанием жизни, для большинства дворян поместье оставалось прекрасным уголком отдохновения на лоне вечной природы.

Раннее, в сравнении с центральными губерниями, массовое исчезновение «классического» помещичье-усадебного мира в Уфимской губернии сказалось на утрате значительного культурного наследия, шла распродажа семейных коллекций, библиотек, вырубались садово-парковые ансамбли, а от большинства усадебных комплексов даже воспоминаний не сохранилось.

Приложение 1
Крупнейшие поместья Уфимского уезда в 1860 г.
(восток и север)

1. Андр. и Ив. ***Курочкины****, сц. Михайлово*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных [барщина]
93	18	24	–	27

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
29,33 / 0,31	284,00 / 3,05	120,00	Общий	Получают дрова и строевой лес	433,33	4,65

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
1245,17 / 121,5	900,00	20,91

Повинности и примечания
Хозяйство трёхпольное без удобрения. Тягла наделены по 8 дес.

2. Ольг. Флор., Дмитр., Ник., Алекс. и Над. Алекс. ***Заварицкие****, с. Новотроицкое, д. Воздвиженская и Шолоны*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
286	13[1]	80[2]	16	82 ½[3]

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
40,32 / 0,14	531,00 / 1,85	–	Общий	Получают дрова и строевой лес	571,32	2,00

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
7707,29 / 233,76	6690,29	26,94

Повинности и примечания
Денежный оброк с тягла – 30 и 40 руб. Тягла наделены по 4 ½ дес. пашни. Хозяйство трёхпольное с удобрением, по 2–6 дес.

[1] Из дворовых 3 чел. на оброке с платежём по 31 р. 70 коп.
[2] Бобыльских 8.
[3] Из задельных крестьян многие отлучаются зимою на заработки на 6 месяцев, за что платят по 15 р.

3. Егор Викт. ***Веригин****, с. Архангельское*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
144	22	40	–	58 ½

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
29,33 / 0,20	455,33/ 3,16	200,00	5,00	Получают дрова и строевой лес	689,66	4,78

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
2479,94 / 35,88	1647,08	17,22

Повинности и примечания
Тягла наделены по 7 1/3 дес. пашни. Хозяйство трёхпольное, частию с удобрением.

Он же*, сц. Вишнёвый холм*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
106	23	40	4	47

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
26,66 / 0,25	306,00 / 2,88	133,00	11,00	Получают дрова и строевой лес	476,66	4,49

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
1007,18 / 120,91	961,63	9,50

Повинности и примечания
Денежный оброк с тягла – от 12 до 15 руб. Тягла наделены по 6 дес. пашни. Хозяйство трёхпольное без удобрения.

4. Соф. Плат. ***Тимофеева****, д. Отрада*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
226	28	53	–	101

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)

Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
35,00 / 0,15	552,00 / 2,44	360,00	–	Получают дрова и строевой лес	947,00	4,19
Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян						
Всего удобной / неудобной		В том числе кустарнику и лесу		Всей удобной на душу		
2019,00 / 647,59		1360,00		8,93		
Повинности и примечания						
Крестьяне наделены по 6–8 дес. пахатной и сенокосной земли.						

5. Дм. Ив. ***Березовский****, сц. Ключевое*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
91	13	25	–	38 ½
Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
15,00 / 0,16	210,00 / 2,30	123,00	Общий	Получают дрова	348,00	3,82
Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян						
Всего удобной / неудобной		В том числе кустарнику и лесу		Всей удобной на душу		
1252,00 / 200,00		1040,00		13,75		
Повинности и примечания						
Тягла наделены по 9 дес. всех угодий. Хозяйство трёхпольное.						

6. Над. Фёд. ***Воронецкая****, сц. Фёдоровка*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
384	26	117	100	48
Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
31,50 / 0,08	1053,00 / 2,74	193,00	Общий	Получают дрова и строевой лес	1277,50	3,32
Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян						
Всего удобной / неудобной		В том числе кустарнику и лесу		Всей удобной на душу		
2585,50		1711,00		6,73		
Повинности и примечания						

Денежный оброк с тягла – 20 руб. Тягла наделены по 9 дес. пахатной и луговой земли.

7. Вас. Петр. ***Языков****, сц. Изяк*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
144	33	40	–	58

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
10,00 / 0,06	440,50 / 3,05	49,50	Общий	Получают дрова и строевой лес	500,00	3,47

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
9094,72 / 54,75	8016,72	129,92

Повинности и примечания
Тягла наделены в д. Изяк по 7,61 дес., а в Петровке по 6,52 дес. Хозяйство трёхпольное без удобрения.

Он же*, д. Петровка*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
70	3	19	–	22 ½

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
7,50 / 0,10	156,75 / 2,23	25,00	10,00	Получают дрова и строевой лес	199,25	2,84

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
То же, что в Изяке		
Повинности и примечания		
То же, что в Изяке		

8. Алекс. Петр. ***Ермолова****, сц. Зимогорье*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
116	6	40	–	52 ½

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
12,00 / 0,10	365,75 / 3,15	–	Общий	–	377,75	3,25

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
7193,22 / 27,45	6852,46	21,99

Повинности и примечания
Тягла наделены по 2 ¼ дес., в одном ли поле или во всех трёх, не сказано. Хозяйство трёхпольное без удобрения.

***Он же**, д. Юльина*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
211	19	59	–	74

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
14,00 / 0,06	587,00 / 2,78	1044,00	–	–	1645,00	7,79

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
То же, что и в Зимогорье		

Повинности и примечания
То же, что и в Зимогорье

*9. Пётр Ив. **Сергеев**, с. Богородское*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
355	39	82[1]	–	137

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
200,00 / 0,56	800,00 / 2,25	300,00 по лесу	–	Получают дрова и строевой лес	1300,00	3,66

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян

[1] Сверх того 11 дворов, принадлежащих дворовым и выстроенных ими самими.

Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
7766,97 / 33,58	8607,00	21,87
Повинности и примечания		
Тягла наделены по 6 дес. пахатной земли. Хозяйство трёхпольное с удобрением. Из дворовых 11 чел. состоят на оброке по 10 р. каждый.		

10. Ольга Ив. ***Шахуринова****, сц. Чумаково*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
90	16	20	–	50

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
14,54 / 0,10	202,50 / 2,25	100,00	Общий	Получают дрова и строевой лес	317,04	3,52

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
939,42 / 8,08	891,75	10,44
Повинности и примечания		
Тягла наделены, кроме усадебной и выгонной земли, по 6 ½ дес. Хозяйство трёхпольное.		

11. Елиз. Егор. ***Тимашева****, сц. Белоусово*

Число душ крепостных людей мужского пола		Число дворов или отдельных усадеб	Число тягол	
Крестьян	Дворовых		Оброчных	Издельных
129	43	29	–	51 ½

Пространство земли, состоящей в пользовании крестьян (десятин)						
Усадебной всего / на душу	Пахатной всего / на душу	Сенокосу	Выгону	Лесу	Всего удобной	Всего удобной на душу
–	246,75 / 1,91	34,00	Общий	Получают дрова и строевой лес	280,75	2,17

Пространство земли, не состоящей в пользовании крестьян		
Всего удобной / неудобной	В том числе кустарнику и лесу	Всей удобной на душу
2012,25	–	15,59
Повинности и примечания		
Тягла наделены землёю по 5 ¼ дес. Хозяйство трёхпольное без удобрения.		

Источник: Приложения к трудам Редакционных коммиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том II извлечения из описаний имений, по великороссийским губерниям. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния. С. 2–5.

Приложение 2

Опись построек Благовещенского завода. 1906 г.

Опись

недвижимого имения, принадлежащего Княгине Екатерине Адамовне Радзивилл, произведённая Судебным Приставом Уфимского Окружного Суда Боровским на удовлетворение претензии прусского подданного Августа Бехтера по исполнительному листу С. Петербургского Окружного Суда от 22 марта 1903 г. за № 1552 в сумме 10 000 руб.

Опись начата 28 ноября 1906 г. в 6 ч. по полудни. К описи как ответчица княгиня Екатерина Адамовна и её поверенные, так и взыскатели Август Бехтер и его поверенные не явились и никаких документов на описываемое имение не представили, так что сведения, внесённые в опись, главным образом добыты на месте описи и из указаний заведывающего имением.

Имение это

а) находится в Уфимской губернии, того-же уезда, Благовещенской волости, 4 стана, 6 земского участка, при селе Благовещенский завод и б) заключается в одной тысяче шестисот тридцати девяти (1639) десятин земли с постройками на ней.

Граничит описываемое имение с землями крестьян Благовещенского завода и лесною дачею Удельного Ведомства.

Описываемое имение отстоит от города Уфы в 45 верстах, от ближайшей железнодорожной станции Черниковки в 35 верстах, река же судоходная Белая протекает по самому имению и имеет пристань в с. Благовещенском заводе.

Земли в описываемом имении: пахотной до 400 десят., луговой до 355 дес., лесной 2470 дес., усадебной 100 дес., выгонной ~ 107 дес., остальная под рекою, под озёрами, прудами, оврагами, дорогами и неудобной и базарной площадью.

Местные удобства следующие: по имению протекает река Белая судоходная, имеются два больших пруда верхний и нижний проточные, соединённые между собою и на них устроены две мельницы с плотинами. Пруда эти пополняются тремя речками Потехою, Бердяш и Мезяуш.

В описываемом имении следующие постройки:

На усадьбе при с. Благовещенском заводе:

1) Господский дом каменный крытый железом одноэтажный, имеет в длину сорок четыре (44) арш., в ширину двадцать два (22) аршина и в вышину семь (7) арш. Комнат в нём двенадцать. К этому дому примыкает деревянный старый господский дом, на каменном фундаменте, крыт железом, длиною двадцать четыре и три четверти (24 ¾) арш., шириною двадцать три с половиною арш. (23 ½) и высотою шесть аршин. В нём пять комнат.

2) Дом каменный двухэтажный на таком же фундаменте, крыт железом, длиною тридцать восемь с половиною (38 ½) аршин, шириною двадцать четыре (24) арш. и в высоту двенадцать (12) арш. Комнат в доме четырнадцать, в том числе прихожие и кухни.

3) Два погреба и кладовая бревенчатые на каменном фундаменте, крытые под одной железной крышей, имеют в длину двадцать три с половиною (23 ½) арш., в ширину восемь с половиною (8 ½) арш. и в высоту

три с половиною (3 ½) аршина.

4) Дом каменный на таком же фундаменте, не оштукатуренный, крыт тёсом, имеет в длину двадцать шесть (26) арш., в ширину десять (10) арш. и в высоту шесть (6) арш. В нём два жилых помещения.

5) Изба деревянная на фундаменте, крытая железом, длиною десять с половиною (10 ½) арш., шириною девять (9) арш. и в высоту четыре (4) арш. В ней одно жилое помещение.

6) Баня деревянная, крыта железом, имеет в длину двенадцать с половиною (12 ½) арш., в ширину девять (9) арш. и в высоту четыре (4) арш. В середине разделено переборками на три отделения.

7) Дом деревянный на кирпичном фундаменте, крыт железом, имеет в длину четырнадцать с половиною (14 ½) арш., ширину двадцать (20) арш. и в высоту пять (5) арш. Комнат в нём три.

8) Два погреба деревянные под одной деревянной тесовой крышей имеет в длину девять (9) арш., в ширину семь (7) арш. и в высоту три с половиною (3 ½) арш.

9) Конюшня деревянная бревенчатая, крыта железом, имеет в длину сорок (40) арш., [в] ширину четырнадцать (14) арш. и в высоту пять (5) арш.

10) Сарай на столбах, крытый тёсом, обшитый с трёх сторон тёсом, имеет в длину двадцать один с половиною (21 ½) арш., в ширину двенадцать (12) арш. и в высоту семь (7) арш.

11) Каретник деревянный бревенчатый, крытый железом, имеет в длину тридцать (30) арш., в ширину девятнадцать (19) арш. и в высоту шесть (6) арш.

12) Сарай на столбах, крытый железом, частью обшитый с четырёх сторон и частью с трёх сторон с тремя воротами, имеет в длину пятьдесят пять (55) арш., в ширину двадцать один (21) арш. и в высоту десять (10) арш. и пять (5) арш. скатом.

13) Кладовая деревянная бревенчатая на каменном фундаменте, крыта тёсом, имеет в длину десять (10) арш., в ширину восемь с половиною (8 ½) арш. и в высоту шесть (6) арш. Под нею устроен подвал.

14) Дом деревянный бревенчатый, на фундаменте, крыт тёсом, имеет в длину одиннадцать (11) арш., шириною девять (9) арш. и в высоту четыре с половиною (4 ½) арш. К нему пристроены досчатые сени. Комнат в нём – одна и одна кухня.

15) Дом двух-этажный, низ каменный, а второй этаж деревянный бревенчатый, крыт железом, имеет в длину восемнадцать (18) арш., в ширину десять (10) арш. и в высоту восемь с половиною (8 ½) арш. В нём четыре комнаты.

16) Оранжерея кирпичная на два отделения без рам, забитая досками, имеет в длину сорок два (42) арш., в ширину семь с половиною (7 ½) арш. и в высоту два и пять арш. скатом.

17) Оранжерея кирпичная без рам, забитая досками, имеет в длину тридцать (30) арш., в ширину семь с половиною (7 ½) арш. и в высоту два и пять (2 и 5) арш. скатом.

18) Оранжерея кирпичная такая же имеет в длину пятьдесят два (52) аршина, в ширину десять (10) арш. и в высоту два и пять (2 и 5) арш. с тремя отделениями и внутренними двумя сенями.

19) Двух-этажное кирпичное здание, служившее ранее чугуннолитейным и механическим заводом, ныне пустое, крытое железом, но часть крыши

длиною в двадцать девять сажен провалилась и осталась непокрытою. Здание это имеет в длину триста девятнадцать (319) арш., в ширину двадцать шесть (26) арш. и в высоту двадцать пять с половиною (25 ½) арш. Помещений в этом здании тридцать девять в обоих этажах. Здание это имеет форму – ⊞.

20) Кузница деревянная бревенчатая на каменном фундаменте крыта железом, имеет в длину пятьдесят четыре (54) арш., в ширину двадцать арш. и в высоту восемь (8) арш. Разделена на четыре помещения.

Лесной двор, нижняя мельница и лесопильн. завод

21) Кладовая деревянная бревенчатая, крыта тёсом, имеет в длину тридцать (30) арш., в ширину двенадцать (12) арш. и в высоту пять (5) арш. Кладовая в три отделения.

22) Сарай на столбах обшитый тёсом крытый железом, длиною двадцать два арш. (22) шириною тринадцать с половиною (13 ½) арш. и высотою шесть (6) арш.

23) Такой же сарай крытый лухмостом длиною двадцать два с половиною (22 ½) арш., шириною пятнадцать (15) арш. и высотою (3) три арш.

24) Мельница деревянная бревенчатая о трёх поставах, трёхэтажная, крыта железом с пристроем для склада хлеба, имеет в длину тридцать восемь (38) арш., ширину тридцать три с половиною (33 ½) арш., и высоты четырнадцать (14) арш. Мельница на полном ходу с полным оборудованием.

25) Лесопилка деревянная на столбах обшитых тёсом, крыта железом, длиною тридцать пять арш., шириною пятнадцать арш. и высотою семь (7) арш. К ней одна лесопильная рама на полном ходу с оборудованием и приводится в движение особым турбином, вместе с мельницею.

26) Помещение для турбины деревянное бревенчатое, крытое железом, длиною десять (10) арш., шириною восемь (8) арш. и высотою семнадцать (17) арш. В нём помещается турбина.

27) Дом из саманного кирпича на каменном фундаменте, крыт железом, длиною двадцать семь (27) арш., шириною тринадцать с половиною (13 ½) арш. и высотою пять (5) арш. Помещений в нём три и холодные сени.

Верхняя мельница и хутор

28) Мельница каменная о трёх поставах, крытая железом, одноэтажная, длиною тридцать три (33) арш. шириною пятнадцать (15) арш. и высотою девять (9) арш. На полном ходу с оборудованием.

29) Дом деревянный бревенчатый крытый тёсом, длиною шестнадцать с половиною (16 ½) арш., шириною (13) арш. и высотою четыре с половиною (4 ½) арш. Имеет три помещения жилых.

30) Баня деревянная, крытая тёсом, имеет в длину восемь (8) арш., в ширину пять с половиною (5 ½) арш. и в высоту три с половиною (3 ½) арш.

31) Элеватор деревянный из брусьев обшитый железом и крыт железом, на стойках вместо фундамента, в два отделения из четырнадцати закромов или сусек. Эти два отделения соединены сараем на столбах, обшитых тёсом и поверх железом и крытым железом. Оба отделения элеватора имеет в длину тридцать три (33) арш., в ширину тринадцать с половиною (13 ½) арш. и в высоту девять (9) арш., а сарай имеет в длину тринадцать с половиною (13 ½) арш. и такая же ширина, в а высоту пять (5) арш.

32) Сушилка деревянная на каменном фундаменте, крыта железом,

длиною двадцать один (21) арш., шириною восемь с половиною (8 ½) арш. и высотою пять (5) арш.

33) Сарай на столбах, обшитых тёсом и железом, крыт железом на один скат, длиною тринадцать с половиною (13 ½) арш., шириною девять (9) арш. и высотою три (3) арш.

34) Дом деревянный бревенчатый, крытый железом, на каменном фундаменте, длиною восемнадцать (18) арш., шириною шестнадцать (16) аршин и высотою шесть (6) арш. Помещений жилых шесть.

35) Дом деревянный крытый железом без фундамента, длиною тринадцать (13) арш., шириною восемь с половиною (8 ½) арш. и высотою четыре (4) арш. Помещений жилых три и пристроены к дому холодные сени.

36) Конюшня на столбах забратых половинником и частью тёсом, крыта тёсом, имеет в длину сорок три с половиною арш., шириною пятнадцать (15) арш. и в высоту три с половиною (3 ½) арш.

37) Такая же конюшня на столбах забратых половинником, крыта тёсом, дли[пропуск…, шириною (13/5 ½) арш. и в высоту три с по]ловиною (3 ½) арш.

38) Дом деревянный бревенчатый, крыт железом, длиною тринадцать (13) аршин, шириною десять (10) арш. и высотою четыре (4) арш. Помещений жилых в нём четыре.

Андреевский хутор:

39) Дом каменный, крытый тёсом, длиною шестнадцать с половиною (16 ½) арш. шириною тоже 16 ½ арш. и в высоту пять (5) арш. в четыре комнаты.

40) Сарай на столбах крыт соломой, длиною двадцать один (21) арш., шириною двенадцать (12) арш. и высотою (3) арш.

41) Дом из саманного кирпича на каменном фундаменте, крыт железом, длиною двадцать пять (25) арш., шириною десять (10) арш. и высотою пять (5) арш. Комнат в нём три.

42) Два погреба деревянные бревенчатые под одной крышей, крыты драньём, длиною тринадцать (13) арш., шириною шесть (6) арш. и высотою три (3) арш.

43) Дом деревянный на фундаменте крыт железом в три помещения, длиною двадцать четыре (24) арш., шириною тринадцать (13) арш. и высотою четыре (4) аршина.

44) Конюшня в столбах забратых половинками, крыт лухомостом, длиною двенадцать (12) арш., шириною девять (9) арш. и высотою четыре (4) арш.

45) Дом деревянный на фундаменте крыт железом, длиною тринадцать (13) арш., шириною тоже 13 арш. и высотою четыре с половиною (4 ½) арш. Внём четыре комнаты.

46) Погреб деревянный крытый дранью длиною пять (5) арш. и шириною пять (5) арш. и высотою два с половиною (2 ½) арш.

47) Дом деревянный крытый железом, длиною тринадцать (13) арш., шириною тринадцать (13) арш. и высотою четыре с половиною (4 ½) арш. Жилых помещений в нём четыре.

48) Дом деревянный на кирпичном фундаменте крыт дранью, длиною восемнадцать (18) арш., шириною девять (9) арш. высотою четыре (4) арш. Два жилых помещения.

49) Изба деревянная, крытая лохмостом, длиною тринадцать арш., шириною девять арш. и высотою три с половиною (3 ½) арш. В ней два

жилых помещения.

50) Баня деревянная, крыта лохмостом, длиною десять (10) арш., шириною шесть (6) арш. и высотою три с половиною (3 ½) арш.

51) Дом деревянный на каменном фундаменте, длиною тринадцать (13) арш. и ширины такой-же и в высоту четыре с половиною (4 ½) арш., крыт железом, помещений в нём жилых три, к дому пристроены двое холодных сеней.

52) Дом деревянный на кирпичном фундаменте, крытый железом, длиною с сенями девятнадцать (19) арш., шириною двенадцать (12) арш. и высотою четыре с половиною (4 ½) арш.; в нём четыре жилых помещения.

53) Амбар деревянный бревенчатый крыт железом на дубовых стойках, длиною четырнадцать (14) арш., шириною восемь (8) арш., высотою четыре (4) арш., с тремя закромами.

54) Амбар деревянный, крыт тёсом, длиною двадцать один (21) арш., шириною десять (10) арш., высотою четыре (4) арш.

55) Тепляк для свиней бревенчатый, крыт лохмостом, длины сорок (40) арш. шириною восемь (8) арш. и высотою три (3) арш., часть тепляка из половинчатых брёвен.

56) Сарай на столбах, крытый лухмостом, часть его обшита тёсом кругом, а часть с трёх сторон длиною тридцать девять (39) арш., шириною пятнадцать (15) арш. и высотою три с половиною (3 ½) арш.

57) Конюшня в столбах, забратых половинками, крыта лохмостом, длиною тридцать (30) арш., шириною двенадцать (12) арш. и высотою четыре (4) аршина.

58) Сарай на столбах забратых половинками, крытый лохмостом, длиною тридцать (30) арш., шириною двенадцать 912) арш. и высотою четыре с половиною (4 ½) арш., обмазан глиною.

59) Тепляк деревянный бревенчатый, крыт лухмостом, длиною сорок восемь (48) арш., шириною двенадцать (12) арш. и высотою три с половиною (3 ½) арш.

60) Изба деревянная, крыта лухмостом, длиною восемь (8) арш., шириною семь (7) арш. и высотою три (3) арш., в одно жилое помещение.

61) Сарай старый на столбах забратый половинками, крыт соломой, длиною пятьдесят один арш., шириною двадцать два (22) арш. и высотою четыре (4) арш.

62) Сарай для корма скота на столбах крыт лухмостом, длиною двадцать пять (25) арш., шириною двенадцать (12) арш. и высотою три с половиною (3 ½) арш., старый.

63) Изба нежилая бревенчатая, крыта лухмостом, длиною двадцать (20) арш., шириною десять (10) арш. и высотою четыре (4) арш.

64) Баня деревянная бревенчатая, крыта дранью, длиною восемь (8) арш., шириною шесть (6) арш. и высотою три (3) арш.

65) Изба деревянная, крыта дранью, длиною шестнадцать арш., шириною шесть с половиною (6 ½) арш. и высотою три (3) арш., два жилых помещения.

Описанное имение. как видно из отношения Старшего Нотариуса Уфимского Окружного суда от 27 ноября 1906 г. за № 6605, не заложено и отмечено в крепостном реестре по Уфимскому уезду, часть I под № 58.

На имении этом, как видно из отношений Уфимского Казначейства за № 4345 и Уфимской Земской Управы за № 6272 числится недоимок государственного поземельного налога 74 р. 96 к. и земского сбора – 1089 р.

56 коп.

Описанное имение досталось должнице княгине Е.А. Радзивилл по наследству от дворянина Андрея Дмитриевича Дашкова.

Имение это оценено поверенным взыскателя Августа Бехтера присяжным поверенным Н.Н. Быховским для продажи в семьдесят тысяч рублей. Законная же оценка как видно из отношения Уфимской Губернской Земской Управы за № 1019 по 15 р. за десятину.

Имение на основании ст. 1128 уст. гр. суд. оставляется до торгов в управление должницы княгини А.А. Радзивилл, причём ст. 1097 уст. гр. суд. объявлено заведывающему имением.

Опись окончена 29 ноября 1906 г. в 7 ½ ч. вечера.

При описи присутствовал и сведения по имению указывал заведыв. имен. Иван Степанов Алексеев.

При описи присутствовали: крестьянин Благовещенского завода Максим Афанасьев Фролов, Феликс Адамович Мостовский.

При описи присутствовал пристав 4 стана уфимского уезда Недоспасов.

Опись производил суд. пристав Боровский.

Во время производства торгов присутствовали: крест. Благовещенского завода

1, Чиков Пётр Гавр. – (волостн. старш.).

2, Чиков Иван Гавр. (председ. Благовещ. кред. т.)

3, Рыбников Иван Вас. (стар.).

4, – Иван Вас. (млад.) } купцы

5, Васинский Дмитрий Дмитриевич

6, Кузнецов Иван Зиновиевич

7, Чиков Михаил Васил. (купец).

Члены Благовещенского товарищ., проживающие на Андр. хут. Благовещ. волости:

8, Тарас Алексеев Токарев –

9, Парфён Алексеевич Тимофеев и

10, Уфимский купец – Яков Васильевич Колотов.

Торговался крест. Благовеще. вол. Никол. сел. общ., проживающий в Благовещ. заводе Фёдор Касьянович Яркин Уфимский Землевладелец и лесопромышленник.

После торгов Г. Управляющий отделением говорил Чикову Петру Гавриловичу, что он хотел-бы ценой выше данной. это может подтвердить Ф.К. Яркин.

[на последнем листе есть карандашные пометки]

(НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3098. Л. 1–7)

Научное издание

Роднов Михаил Игоревич

Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север

Подписано в печать 08.02.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Bookman».
Усл. печ. л. 11,85. Усл. изд. л. 12,45.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами
в типографии ООО «АльфаРеклама»,
г. Уфа, ул. К. Маркса, 37. Тел. 291-13-60.